ПРИЧАСТНИКИ БОЖЕСТВЕННОГО СВЕТА

СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

Москва
2014

УДК 235.3
ББК 86.372
И 75

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
(ИС 14-401-0067)

И 75 **Святой праведный Иоанн Кронштадтский** / Сост. Маркова А. А. – М.: Благовест, 2014. — 352 с.

ISBN 978-5-9968-0358-3

Книга «Святой праведный Иоанн Кронштадтский» повествует о личности, чудесах, учении сего великого угодника Божия, его почитании в России и во всем мире. В ней приводятся также воспоминания современников об отце Иоанне и история его прославления, а также акафист ему.

Книга рассчитана на широкий круг православных читателей.

УДК 235.3
ББК 86.372

ISBN 978-5-9968-0358-3

© Издательство «Благовест» — текст, оформление, оригинал-макет, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сто лет прошло после кончины великого праведника земли Русской — святого отца Иоанна Кронштадтского. Но, несмотря на разделяющее нас столетие, пример жизни святого и его проповедь обращены к нам. Недаром он стал первым из святых прославленных в новой России — гораздо ранее новомучеников, многие из которых в своей жизни и подвиге руководствовались примером Кронштадтского пастыря.

Сейчас, когда большая часть нашего общества отошла от веры и погрязла в суете мира сего — в потреблении вещей, благ и развлечений, как никогда полезно вспомнить проповедь святого праведного Иоанна, призывавшего всех довольствоваться насущным, а остаток отдавать нуждающимся, созидая себе вечные блага. Сейчас, когда грех не считается за грех, пример духовной жизни святого, дает нам образ правильного отношения к греху и покаянию, пример внимательного отношения к своей жизни. Сейчас, когда даже среди церковных людей оскудела любовь и милосердие, важно увидеть путь жизни святого, всего себя посвятившего Богу и ближним, жившего деятельной любовью к людям, взявшего за правило никогда не отказывать обращающимся к нему за помощью и этим стяжавшего дар чудотворений и прозорливости. Но не только этим дорог нам святой Иоанн Кронштадтский — и ныне он, предстоя у престола Божия, никому не отказывает в просьбах о помощи. Об этом свидетельствуют многочисленные чудеса уже в наше время. Поэтому с каждым годом растет число благодарных почитателей Кронштадтского праведника.

Всероссийский молитвенник и чудотворец, святой праведный отец Иоанн Кронштадтский, был образцом

православного священника не только в России, но и во всей вселенной. По его молитве изливалось море чудес и всех посещала Божия милость и благодать.

Слава о нем как о знаменитом пастыре, проповеднике и чудотворце (известно огромное число совершенных им исцелений, многие из которых подробно описаны в этой книге) быстро распространилась повсюду; в Кронштадт приходили десятки тысяч богомольцев. «Всероссийский батюшка» (как называли отца Иоанна) сам постоянно путешествовал по стране, посещая самые глухие ее уголки. Почти ежедневно отец Иоанн совершал Божественную литургию, призывая свою паству как можно чаще причащаться Святых Христовых Тайн. Его имя стало известным и уважаемым в православном мире также благодаря изданию им своих духовных сочинений.

Для каждого христианина личность и слово святого отца Иоанна служат во все времена лучшей проверкой для своей совести — верны ли мы Православию и ставим ли во главу угла исполнение заповедей Христовых и хранение чистоты и верности Истине, или идем по ложному пути.

В последние годы было издано много литературы посвященной жизни и деятельности святого Иоанна Кронштадтского, изданы его собственные произведения, молитвенные и богослужебные тексты. Подчас непросто разобраться в этом многообразии. Поэтому представляется целесообразным издать сборник, включающий в себя и жизнеописание святого Иоанна Кронштадтского, и отрывки из его произведений, воспоминания современников, а также отрывки из исследований новейшего времени и молитвенные тексты.

Анна Маркова

ЧАСТЬ I

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

ДЕТСТВО

Святой праведный Иоанн Кронштадтский — уроженец Северной земли. Он родился 19 октября 1829 года в селе Суре Пинежского уезда Архангельской губернии. Его родители — Илья Михайлович и Федора Власьевна Сергиевы принадлежали к духовному сословию. По словам самого святого Иоанна, их духовному роду было около трехсот лет — в роду были и священники, и церковнослужители. Отец его служил в местной церкви псаломщиком.

Родители будущего святого, как вспоминал он впоследствии, отличались большой религиозностью и в том же духе воспитывали своих троих детей — двух дочерей, Анну и Дарью, и сына Ивана. Иван Сергиев родился 19 октября — в день памяти святого Иоанна Рыльского, ставшего его небесным покровителем. Опасаясь за жизнь младенца, родившегося слабым и болезненным, супруги Сергиевы предпочли крестить сына на следующий же день после рождения.

Первые годы жизни святого отмечены одним знаменательным событием, о котором он сам впоследствии рассказывал. Однажды ночью, проснувшись, он увидел, что комнату осиял небесный свет. А посреди этого света — Ангел в небесной славе. Это видение смутило маленького Ваню, но Ангел успокоил его, сказав, что он — его Ангел-хранитель.

Сергиевы жили очень бедно, но, несмотря на это, хотели дать сыну хорошее духовное образование. По обычаям того времени, для поступления в Приходское училище нужно было сдавать экзамены по базовым дисциплинам — чтению, письму, арифметике и Закону Божию. Поэтому, как вспоминал впоследствии святой Иоанн Кронштадтский: «Дома, на шестом году отец купил для меня букварь, и мать ста-

ла преподавать мне азбуку; но грамота давалась мне туго, что было причиной немалой моей скорби. Никак мне не удавалось усвоить тождество между нашей речью и письмом; в мое время грамота преподавалась не так как теперь: нас всех учили «аз», «буки», «веди» и т. д.; как будто «а» само по себе, а «аз» — само по себе. Долго не давалась мне эта мудрость; но будучи приучен отцом и матерью к молитве, скорбя о неуспехах своего учения, я горячо молился Богу, чтобы Он дал мне разум, — и я помню, как вдруг спала точно пелена с моего ума и я стал хорошо понимать учение».

ГОДЫ УЧЕБЫ

На десятом году своей жизни Иван Сергиев оставил родительский дом и поступил в Архангельское Приходское училище. И вновь проблемы с учением — поначалу он был последним среди сверстников по классу. Это очень огорчало будущего Кронштадтского пастыря, поскольку он чувствовал себя бесполезной обузой для скудного родительского дохода. Вот как говорит об этом он сам: «Отец получал, конечно, самое маленькое жалование, так что жить, должно быть, приходилось страшно трудно. Я уже понимал тягостное положение своих родителей, и поэтому моя непонятливость к учению была действительно несчастием. О значении учения для моего будущего я думал мало и печаловался особенно о том, что отец напрасно тратит на мое содержание свои последние средства». Стесняясь просить помощи у наставников и сверстников, он вновь обратился к Богу. Много лет спустя, уже на закате земной жизни, святой Иоанн неоднократно вспоминал о том, какое значение имела эта молитва в жизни юного Вани Сергиева, как научила его упованию на Вседержителя: «Я упал на колени

и стал горячо молиться. Не знаю, долго ли я пробыл в таком положении, но вдруг точно завеса спала с глаз; как будто раскрылся ум в голове, и мне ясно представился учитель того дня, его урок, и я вспомнил, о чем и что он говорил. И легко, радостно так стало на душе. Никогда я не спал так спокойно, как в ту ночь. Чуть светало, я вскочил с постели, схватил книги и, о счастье! — читаю гораздо легче, понимаю все... В классе мне сиделось уже не так, как раньше, все понимаю, все остается в памяти... В короткое время я продвинулся настолько, что перестал уже быть последним учеником. Чем дальше, тем лучше и лучше успевал».

Но, несмотря на усердие и успех в учебе, большой проблемой была бедность. Несостоятельные ученики Приходского училища, в их числе и Иван Сергиев, ходили по разным учреждениям и канцеляриям и выпрашивали себе бумагу: «Вместе с другими, такими же бедняками, ходил и я, — рассказывал после святой Иоанн, — собирать бумаги по «присутственным» местам. Помню, каким богачом я чувствовал себя, когда экзекутор консистории дал мне, кажется, чуть ли не две дести». Трудности пережитые в юности на всю жизнь оставили отпечаток в душе святого Иоанна, впоследствии он всегда старался благотворить бедным и неимущим, помогая им и пожертвованием, и молитвой.

Жизненные трудности не подорвали его усердия к учебе, напротив курс Приходского училища Иван Сергиев кончил первым учеником и был переведен в семинарию. В семинарии его также отличало прилежание в учебе, за что он был назначен старшим над архиерейскими певчими. Все свое свободное время Иван Сергиев в основном посвящал чтению и молитве. Но и его не миновали искушения — архиерейские певчие обычно имели больше средств и соблазнов, выражав-

шихся в свободном доступе к спиртным напиткам. И вновь молитва помогла будущему святому одолеть искушения и окончить семинарию первым учеником.

В это время на смену искушениям пришло страшное горе — на 49 году жизни скончался его отец. Тяжело пережив смерть отца, Иван Сергиев хотел бросить учебу и поступить на место отца псаломщиком, чтобы содержать овдовевшую мать и двух сестер. Но мать его Федора Власьевна решительно воспротивилась этому. Она настояла на том, чтобы сын поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию.

Академическое начальство пошло навстречу нужде молодого студента, предоставив ему должность писаря в академической канцелярии с жалованием 10 рублей в месяц. На эти деньги он, хоть и скудно, смог обеспечивать мать и сестер. К тому же работа в канцелярии давала возможность уединенного досуга, который Иван Сергиев использовал для чтения Святых Отцов, из которых больше всего дорожил он трудами святителя Иоанна Златоуста.

Имея за плечами горький опыт общения с веселой компанией в семинарии, в Академии он старался избегать подобных знакомств, держась достаточно отстраненно от соучеников. Даже приступы беспричинной тоски, томившие его душу на старших курсах, не подвигли его к поиску мирских утешений, все утешение он по-прежнему черпал в молитве.

В то же время, учась в Академии, Иван Сергиев много думал о своем будущем служении. Поначалу он мечтал о принятии монашества и о миссионерском служении в далеких странах. Но от этой мечты ему пришлось отказаться по многим причинам. Во-первых, семейные обстоятельства, — как единственный мужчина в семье, он не мог оставить без финансовой поддержки мать и

сестер. Во-вторых, он не хотел по окончании Академии уходить, оставив мир, в монастырь. И, наконец, воля Божия, выраженная в видении Андреевского собора в Кронштадте, повлияла на окончательный выбор святым Иоанном Кронштадтским жизненного пути. Он принимает решение вступить в брак, поскольку в то время невозможно было принять сан целибатом, и, приняв священный сан, служить страдающему миру.

ВСТУПЛЕНИЕ В БРАК

Божий Промысл вел своего избранника — незадолго до окончания Духовной Академии студент Иван Сергиев знакомится с Елизаветой Несвицкой и делает ей предложение. В это время отец Елизаветы — протоиерей Константин Несвицкий, служащий в Андреевском Кронштадтском соборе, по слабости здоровья собирался уйти за штат. Дабы обеспечить большую семью — у протоиерея Несвицкого было шестеро детей, его место должно было перейти к будущему мужу старшей дочери отца Константина Елизаветы.

Закончив Академию и получив материнское благословение, Иван Сергиев женился. Затем, 11 ноября 1855 г., он был рукоположен в диакона, а 12 ноября в священника. Хиротония состоялась в Петро-Павловском соборе — одном из старейших храмов Санкт-Петербурга, совершал ее Епископ Винницкий Христофор — преподаватель Духовной Академии.

Поначалу личная жизнь не задалась у отца Иоанна. Еще студентом решил он в браке сохранять безбрачие. Это очень огорчало его молодую жену — она жаловалась на супруга-девственника епархиальному начальству — Митрополиту Исидору, и даже грозилась подать на развод. Но необходимость заботиться о престарелом отце, младших братьях и сестрах, а

также кроткие мольбы отца Иоанна, убеждавшего супругу: «Лиза! Счастливых семей и без нас с тобою довольно. А мы отдадим себя всецело Богу и ближним!», наконец подействовали на нее. Она согласилась с выбором отца Иоанна.

Впоследствии, уже в конце своей земной жизни, отец Иоанн неоднократно свидетельствовал о том, что Господь послал ему достойную помощницу, говоря: «Настоящая она матушка». Действительно супруга не только обустраивала, по мере сил и средств, быт отца Иоанна, но и ограждала супруга от неумеренных почитательниц. Со своей стороны отец Иоанн добросовестно заботился о братьях и сестрах своей матушки. Братья при его поддержке смогли получить образование и трудоустроиться, а сестрам с помощью состоятельных прихожан было обеспечено приданое, позволившее им выйти замуж за учителей Петербургской семинарии, впоследствии священников.

НАЧАЛО СЛУЖЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА ИОАННА В КРОНШТАДТЕ

Начало пастырского служения отца Иоанна также не обошлось без искушений. Несмотря на искреннее усердие молодого священника к службе, его незаурядная личность вызывала удивление, а подчас и раздражение у сослужителей и прихожан. Он не только старался ежедневно служить литургию и проповедовать, что само по себе было достаточно неординарным для женатого священника. Кроме того, он занялся воцерковлением кронштадтской бедноты; это, по мнению окружающих, не вмещалось ни в какие рамки.

Кронштадт в то время был не только ключевой военно-морской крепостью, но и местом административной высылки, куда из тогдашней столицы —

Петербурга отправляли нищих, бродяг, мелких преступников и правонарушителей. Также Кронштадт был крупной перевалочной базой торгового флота. Разгрузка и погрузка судов, которые из-за мелководья не могли дойти до Петербурга, производилась в Кронштадте. Поэтому к началу служения отца Иоанна в Кронштадте было огромное множество нищих, мелких преступников и чернорабочих Кронштадтского порта, которые ютились в лачугах и землянках на окраине города. Обыкновенно и духовенство и многие христиане старались обходить этих людей стороной. Но не таков был святой Иоанн Кронштадтский — он увидел в этих бедняках свою паству, служить которой он поставлен Самим Богом. Тем паче, что в правильности выбранного им нелегкого пути, отца Иоанна вдохновило чудесное явление ему Богородицы в самом начале его служения. Об этом явлении он писал в своем дневнике: «Сон. Божия Матерь во вратах с пальмовой ветвью в голубом одеянии».

Уповая на Божью помощь, отец Иоанн первым делом приласкал детей кронштадтской бедноты, взрослые же поначалу отнеслись к нему с недоверием и озлоблением. Но отец Иоанн не ограничил свою деятельность только проповедью, он позаботился и о материальных нуждах своих подопечных. Практически все свое скудное жалованье он тратил на еду, лекарства и медицинскую помощь нуждающимся. Нередко он отдавал им даже свою собственную одежду или обувь.

Его сослуживцы — духовенство Андреевского собора — пытались влиять на отца Иоанна через его супругу. После того как он в очередной раз жертвовал свою обувь неимущим, они приходили к нему домой, и говорили его матушке: «Твой-то опять босой по-

шел». Они надеялись, что супруга сможет принять меры и вернет отца Иоанна в привычные рамки. Но все бесполезно.

Отец Иоанн продолжал заботиться о кронштадтских бедняках — постоянно посещал их убогие лачуги и землянки, нянчился с детьми, утешал страждущих, увещевал пьяниц и мелких преступников. Постепенно не только дети, но и взрослые почувствовали расположение к отцу Иоанну, он начал вести с ними беседы, служил молебны и убеждал их почаще посещать храм, исповедоваться и причащаться. Толпы оборванцев, следовавшие за отцом Иоанном, так же как и его постоянная молитвенная самоуглубленность, еще больше раздражали его сослужителей. Иногда в сердцах они насмехались над ним и называли его юродивым. Но праведник, узнав об этом, кротко отвечал: «Ну, что же, пусть юродивый».

В конце концов, духовенство Андреевского собора, желая хоть как-то ограничить деятельность отца Иоанна, подало на него формальную жалобу с описанием всех его странностей и просьбой выдавать его жалованье не ему, а его супруге. К тому времени, отец Иоанн, испытывая недостаток средств для помощи нуждающимся, устроился на вторую работу — он стал законоучителем — преподавателем Закона Божия в Кронштадтском Реальном Училище. Поэтому, узнав о жалобе, отец Иоанн не возражал, чтобы одна из двух его зарплат выдавалась супруге. В результате дело было решено к удовлетворению всех заинтересованных сторон — одно жалованье выдавалось отцу Иоанну и он целиком использовал его на благотворительность, а другое его супруге — на хозяйство, тем более что к этому времени между отцом Иоанном и его матушкой было достигнуто полное взаимопонимание.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА

Служение святого отца Иоанна не ограничивалось только богослужением и благотворительностью, долгие годы он преподавал сначала в Реальном Училище, а затем в Кронштадтской классической гимназии. К своей педагогической работе отец Иоанн относился с тем же усердием, что и к церковному служению и благотворительности. Много лет спустя, один из учеников его вспоминал: «Ясно и с сердечной убедительностью говорил он о важности для нас, детей, уроков Закона Божия, для сохранения веры, чистоты сердца и влечения к молитве. С первого же дня отец Иоанн внушил всем нам серьезное отношение к Закону Божию, и дома я всегда приготовление уроков начинал с его предмета. И это осталось навсегда». При таком подходе к предмету не то что неудовлетворительная оценка, но и пять с минусом была для учеников, дороживших любовью наставника, настоящей детской трагедией.

Одновременно сам отец Иоанн старался не применять к ученикам особых строгостей. В тех случаях, когда они или не понимали ту или иную тему, или же не могли выучить урок из-за большого задания по другим предметам, он еще раз объяснял пройденный материал, дабы ученики могли понять и запомнить его. От внимания отца Иоанна не ускользали и личные трудности учеников — он всегда старался помочь. Случалось, что отец Иоанн вносил плату за неимущих учеников, заступался за провинившихся, брал на поруки подлежавших исключению. И чувствуя искреннюю любовь наставника, дети платили ему тем же.

Но иногда отец Иоанн мог быть и резким. Известен случай, когда один из старших учеников вслух усомнился в Божестве Святого Духа. Этот случай вспоми-

нал впоследствии одноклассник юного вольнодумца: «В пятом классе у нас был некто М., юноша лет 16, крайне ленивый и испорченный. Мы учили катехизис: определение Бога как Духа. На одном из уроков М. вдруг встает со своего места и резко заявляет Батюшке, что он отказывается признать это определение. В классе воцарилась гробовая тишина.

— Безбожник! Изувер! — воскликнул отец Иоанн, пронизывая М. резким и упорным взглядом: — А ты не боишься, что Господь лишит тебя языка за твое юродство? Кто произвел тебя на свет?

— Отец с матерью, — отвечал глухим голосом М.

— А кто произвел самый свет? Кто создал все видимое и невидимое?

М. молчал.

— Молитесь, дети, — обратился тогда Батюшка ко всему классу, — молитесь со всем усердием и верою!

По окончании урока М. был позван к Батюшке в учительскую. О чем говорил он с М. с глазу на глаз, мы не знаем, но М. вышел взволнованным и навсегда новым».

Из этого примера видно, что в педагогической деятельности для святого отца Иоанна были важны не только конкретные знания, но и осмысленное понимание предмета — христианское мировоззрение учащихся. Сам он, обращаясь к коллегам-преподавателям, неоднократно напоминал им: «Нам нужно образовать не только ученых людей и полезных членов общества, но и — что важнее и нужнее — добрых богобоязненных христиан. Дай Бог, чтобы из всех знаний образовалось в душах детей то стройное согласие, та твердая христианская система познаний, правил и навыков, которая составляет истинное христианское образование».

НАЧАЛО ЧУДОТВОРЕНИЙ

Около двух десятилетий святой отец Иоанн Кронштадтский смиренно совершал повседневное приходское служение и законоучительство. Постепенно сослужители и прихожане привыкли к его сугубой молитвенности, напряженному переживанию Литургии, усердному проповедничеству и неуемной благотворительности.

Рубежом, отделившим служение приходского священника Андреевского собора в Кронштадте от служения Всероссийского пастыря, стал один случай. Святой праведный Иоанн рассказывал об этом вопрошавшим его священникам: «У вас, братие, мои сослужители, несомненно является вопрос в душе, как я имею дерзновение так ездить по всей России, молиться за столь многих, кто просит моей молитвы. Быть может, кто-нибудь назовет это дерзостью. Но я не решился бы на такое великое дело, если бы не был зван к нему свыше. Дело было так. Кто-то в Кронштадте заболел. Просили моей молитвенной помощи. У меня и тогда была такая привычка: никому в просьбе не отказывать. Я стал молиться, предавая болящего в руки Божии, прося у Господа исполнения над болящим Его святой воли. Но неожиданно приходит ко мне одна старушка (родом костромичка), которую я давно знал. Она была богобоязненная глубоко верующая женщина, проведшая свою жизнь по-христиански и в страхе Божием кончившая свое земное странствование. Приходит она ко мне и настойчиво требует от меня, чтобы я молился о болящем не иначе как о его выздоровлении. Помню, тогда я почти испугался: «Как я могу, — думал я, — иметь такое дерзновение?» Однако эта старушка твердо верила в силу моей

молитвы и стояла на своем. Тогда я исповедал пред Господом свое ничтожество и свою греховность, увидел волю Божию во всем этом деле и стал просить для болящего исцеления. И Господь послал ему милость Свою — он выздоровел. Я же благодарил Господа за эту милость.

В другой раз по моей молитве исцеление повторилось. Я тогда в этих двух случаях прямо усмотрел волю Божию, новое себе послушание от Бога — молиться за всех, кто будет этого просить. И теперь и я сам знаю, и другие передают, что исцеления по моей молитве совершаются».

Старушка-костромичка, о которой рассказывал отец Иоанн, была Параскева Ковригина — духовное чадо одного из учеников преподобного Серафима Саровского. Этот старец, иеромонах Иларион, и благословил Параскеву идти в Кронштадт и послужить отцу Иоанну, когда тот был еще безвестным приходским священником. Благочестивая старушка не сразу выполнила благословение, данное ей духовником — несколько лет по семейным обстоятельствам она лишь наездами могла бывать в Кронштадте.

Наконец, в конце 1872 г. она окончательно перебирается в Кронштадт и начинает духовное общение с отцом Иоанном. Поначалу их собеседования о духовной жизни, как и всякая иная деятельность отца Иоанна, вызывали нарекания окружающих — в этот раз его стали обвинять в сектантстве. Тем паче, что к их духовным беседам стали присоединяться и другие жаждущие духовной жизни. Лишь со временем ревностная церковная жизнь и пламенные молитвы отца Иоанна и иже с ним пробили лед недоверия сослуживцев и прихожан.

Но гораздо более убедительным свидетельством

правильной духовной жизни отца Иоанна стали чудеса по его молитвам. Вскоре после первых чудотворений и прихожане Андреевского собора, и другие кронштадтские обыватели воочию убедились в силе молитв отца Иоанна.

ВСЕРОССИЙСКОЕ СЛУЖЕНИЕ СВЯТОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Слава о чудесах по молитвам отца Иоанна вскоре перешагнула границы Кронштадта и достигла столицы — Санкт-Петербурга. К. П. Победоносцев — обер-прокурор Синода — высшего церковного органа того времени — вызвал к себе отца Иоанна и поинтересовался его деятельностью: «Про вас говорят, что вы молебны служите, чудеса творите, смотрите, как бы вы плохо не кончили». Но отец Иоанн дерзновенно ответил: «Не извольте беспокоиться, подождите и увидите, каков будет конец».

Действительно из столицы слава Кронштадтского пастыря разнеслась по всей России, как последнее предупреждение перед революцией, уничтожившей привычный быт и уклад Российской империи. Тогдашняя Россия — внешне имеющая вид православного благочестия, но давно отвергшаяся его силы. И народ, и интеллигенция, и высшее общество смотрели на веру, как на некую формальную повинность перед государством. Лишь немногие видели цель своей жизни в обращении ко Христу и соединении с Ним. Многие люди изредка — не чаще раза в год — приступали к исповеди и причастию — единственно по требованию существовавшего тогда закона.

Появление перед такой почти равнодушной толпой пророка и чудотворца, звавшего всех к Чаше Христовой, многим открыло глаза на действенность

православной веры. Но для большинства, к сожалению, отец Иоанн остался неким чудаком и фанатиком. Вся его деятельность представлялась многим результатом неразумной экзальтации. Соприкосновение с праведником, свидетельствовавшем о истине, никак не изменило жизни тогдашнего общества — призыв к покаянию не был услышан.

ЧУДОТВОРЕНИЯ И ПРОЗОРЛИВОСТЬ

Толпы нуждающихся в молитвенной помощи осаждали отца Иоанна, так что даже от Андреевского собора до дома, находящегося буквально в нескольких шагах, ему приходилось ездить на пролетке, не говоря уже о свободном передвижении по Кронштадту. Ежедневно в Кронштадт, желая увидеть святого, приезжали тысячи людей — от крестьян до аристократов. Все они обращались к Кронштадтскому пастырю, как к последней надежде, — и по его молитвам многие получали исцеления. Вот только несколько примеров молитвенной помощи отца Иоанна.

Женщина из города Уральска сообщает: «По молитве отца Иоанна Кронштадтского, был исцелен мой сын Георгий 6 лет, который был болен брюшным тифом. Врач, при каждом посещении, спрашивал: «Жив?» и только тогда входил, но надежды на выздоровление не давал. Мы пригласили священника, он причастил больного Св. Тайн и сказал, что ребенок очень слаб, тогда я написала своей сестре в Петербург (мы жили с мужем в Уральске) и просила ее съездить в Кронштадт к отцу Иоанну, рассказать ему про болезнь моего единственного сына и отслужить молебен Спасителю. Мы с мужем не отходили от сына, т. к. он был очень слаб. Врач был внимателен к больному и добросовестно посещал его два раза в день; ничего

нельзя было давать сыну: ни лекарства, ни пищи, да он и глаз не открывал около 3-х недель. Однажды он попросил пить. Я ему ответила: «Скоро придет доктор и скажет, что можно дать пить». Муж записал число, когда сын попросил пить. Ждем доктора. И вот получаем письмо от сестры, что она в такой-то день была у отца Иоанна и служили молебен и что отец Иоанн велел ей написать, что сын поправится. Молебен был того числа, когда сын попросил пить. Приходит доктор и по обыкновению спрашивает: «Жив ли?» И когда узнал, что он просил пить и увидел его, то поразился и сказал, что это чудо. Мы промолчали, что писали отцу Иоанну. И вот с того дня наш сын стал поправляться и благодаря Бога и отца Иоанна он прожил до 50 лет».

Дело было в Пажеском Корпусе в Петрограде; во время гимнастики один мальчик получил сильный удар по голове и после того опасно заболел; лечили его всякие врачи и профессора, но ему лучше не становилось и матери сказали, что ее сын безнадежен и в лучшем случае, если не умрет, то будет идиотом. Тогда мать поехала в Кронштадт, там ей удалось увидеть отца Иоанна, который с ней поехал к больному, помолился и сказал, что ее сын будет здоров. Действительно, от того дня мальчику стало лучше и вскоре он совсем поправился на удивление всех врачей.

А. И. Коптев, присяжный поверенный в Москве, заболел психическим расстройством. Доктора признали излечение более чем сомнительным. Жена больного, выслушав докторов, решила поехать в Кронштадт и обратиться за помощью к отцу Иоанну. Прибыв в Кронштадт, она отправилась к ранней обедне, которую служил батюшка. Народу в церкви было

так много, что Коптева, опасаясь давки, остановилась у самых церковных дверей вместе с нищими. Когда же обедня кончилась, она хотела было уже идти узнавать, где и когда можно ей повидать отца Иоанна, как вдруг увидела его самого, идущего по направлению к ней. Народ быстро расступился, давая ему дорогу, повинуясь повелительному движению его руки. Дойдя до Коптевой, отец Иоанн остановился перед ней и глядя ей в лицо сказал: «Не грусти, не отчаивайся, Бог услышит твою молитву, поезжай себе домой с Богом». После этого он благословил ее и отпустил домой с миром. Тогда она поспешила вернуться домой, в Москву, к больному мужу. Вскоре окружающие стали замечать, что состояние здоровья Коптева значительно улучшилось, а спустя месяц он поправился настолько, что смог заниматься делами.

Очевидец исцеления бесноватого пишет: «В 1882 году в Кронштадте, когда мне было всего 10 лет, в один из воскресных дней я был на литургии в Андреевском соборе. После литургии, когда еще прихожане не успели разойтись, ввели бесноватого — здорового мужика, которого поддерживали около 10-ти таких же мужиков; они подвели его на левый клирос и держали крепко за руки. У бесноватого на лице выступил пот и около рта густая белая пена. Я подошел поближе, чтобы видеть исцеление. Вскоре из алтаря вышел отец Иоанн Кронштадтский и приказал мужикам подвести бесноватого поближе к нему; в это время я ясно услышал изо рта его какие-то звуки, похожие на пение петуха, и он сильно рванулся, чтобы вырваться от держащих его мужиков. Затем отец Иоанн, взяв епитрахиль и, держа над головой больного, стал читать молитвы. Больной упал на колени; не слышно было больше пения, стал затихать, а когда отец Иоанн перекрестил его крестом,

он встал, сильно вспотев, и стал медленно уходить из церкви, а за ним пошли те мужики, которые уже не держали его. На всех окружавших это чудесное исцеление бесноватого произвело сильное впечатление, и я долго это помнил и рассказал своей матери о чудесном исцелении бесноватого».

Также каждый день отец Иоанн получал до 1000 писем и телеграмм, с просьбами помолиться об исцелении больных. С просьбами обращались не только православные, но и инославные христиане, иудеи, мусульмане и язычники. Письма с просьбами о молитве приходили не только из России, но и из других стран. Впоследствии, когда писем и телеграмм стало очень много, отцу Иоанну пришлось взять нескольких секретарей для их разбора. Из-за множества писем, отец Иоанн не всегда мог отдельно помолиться за каждого, кто обращался к нему, тогда во время совершения проскомидии он клал перед собой кипы писем и телеграмм и, вынимая из просфор частицы, громко молился: «Помяни, Господи, всех заповедавших мне молиться о них!» И, несмотря на столь необычный способ молитвы, страждущие также получали помощь по молитвам отца Иоанна.

Пианистка Евгения Сорочинская была возвращена к жизни святым Иоанном. Ее родители – врачи, работали в одном из городов Ставрополья, когда их единственной дочери исполнилось два года. Внезапно она тяжело заболела и была приговорена врачами к смерти. Видя отчаяние родителей, няня девочки посоветовала им послать телеграмму отцу Иоанну Кронштадтскому. Мать засомневалась, но по настоянию няни телеграмму в 24 часа отправили, а в 2 часа ночи пришел ответ: «Помолился. Девочка будет жива». Прожила Евгения Сорочинская до

84-х лет.

В 1889 году Николай Иванович Краснов имел в г. Туле склад московского пива. Получая пиво в бочках, он сам разливал его в бутылки. Пиво находилось на льду в погребе. Разливая пиво в летний жаркий день, Краснов простудился. Сначала он думал, что это пустяки, пройдет, но оказалось не так, у него сначала было воспаление легких, а потом перешло в скоротечную чахотку. Обращение к лучшим врачам ничего ему не дало, и Н. И. Краснов сгорал на глазах всех. Так прошло несколько месяцев. Жена не знала, что делать, почти приготовляя своего мужа к смерти. В последние дни его жизни кто-то посоветовал жене Н. И. Краснова послать письмо батюшке отцу Иоанну с искренней просьбой помолиться за болящего. В час получения отцом Иоанном письма больной начал чувствовать себя лучше и понемногу поправился так, что стал еще сильнее прежнего, благодаря милости Божией и молитвам отца Иоанна.

В г. Вознесенске, Херсонской губернии, в немецкой семье Майш, лютеранского вероисповедания, девочка 8 лет заболела дифтеритом. Положение ее было очень тяжелое. Врачи ничем не помогли. Родители были в отчаянии. Кто-то из православных посоветовал им обратиться к отцу Иоанну Кронштадтскому по телеграфу. Вечером послали телеграмму, а утром получили от отца Иоанна ответ телеграммой же, что он «все сделает, что только может». Девочка, проснувшись, говорит своим родным о том, что к ней приходил священник, которого никогда не видала, и описывает его наружность. Еще перед тем знакомые принесли им портрет отца Иоанна. Когда девочке показали этот портрет, то она воскликнула: «Вот этот же самый приходил ко мне, подошел к моей кровати и сказал: «Будешь здорова!» И

девочка действительно поправилась совершенно».

В 1880-х годах была сильная холера на юге России и свирепствовала особенно в городе Новомосковске, Екатеринославской губернии. Население по телеграфу обратилось к отцу Иоанну с просьбой помолиться. Получен был ответ: «Молюсь за вас». И с того дня холера прекратилась.

Протоиерей Филипп Лузгин рассказывает: «Молитвенным предстательством отца Иоанна спасена была моя 9-летняя дочь от неминуемой смерти. Дочь заболела дифтеритом. Врач, после долгих усилий спасти ее от смерти, уходя откровенно сказал: «Вряд ли дочь ваша перенесет эту болезнь, будьте готовы ко всему». Я тогда жил в г. Лепеле. Потеряв надежду на врачебную помощь, я поспешил на почту и дал телеграмму отцу Иоанну Кронштадтскому, прося его молитв об исцелении болящей Пелагии. Когда утром пришел врач и осмотрел горло болящей, то с радостью сказал: «Дорогие батюшка и матушка, ваша дочь получила полное исцеление, но сознаюсь, что не через мою медицинскую помощь, а это она чудесно спасена от смерти. Скажите откровенно, что вы делали?» Я и сказал, что телеграммой просил молитвенной помощи отца Иоанна Кронштадтского. И врач сказал: «Да, он великий пред Богом угодник».

Но к святому Иоанну обращались не только с просьбами об исцелении, многие просили совета и молитвенной поддержки Кронштадтского пастыря, надеясь изменить свою жизнь к лучшему. Наделенный от Бога даром прозорливости, отец Иоанн не отказывал и в такой помощи.

В отсутствие отца Иоанна приехала в Дом Трудолюбия какая-то молодая женщина откуда-то издалека, из Сибири. Она страшно волновалась, ожидая его, и много плакала, боясь, что ей придется уехать,

не повидавшись с ним. Тетка моя, видя ее страдания, пожалела ее и уговорила переждать еще денек. Она взяла ее в свою комнату ночевать, а на другой день как раз вернулся батюшка. Он имел усталый вид и как будто куда-то торопился. Тетушка в коротких словах стала изливать перед ним свои скорби, а та женщина ничего не говорила, стояла сзади и только плакала от возбуждения и счастья. Батюшка, стоя к ней вполоборота, сказал: «Вот что, выходи ты замуж за того, кто сейчас к тебе сватается. Он будет тебе добрым мужем и детям твоим хорошим отцом». Затем повернулся и вышел. Молодая женщина, пораженная словами батюшки, бросилась тетушке на шею, целовала ее и говорила: «Затем я и ехала из такой дали, боялась, ради детей, выходить за него замуж». Насколько отец Иоанн оказался прозорлив, он сразу ответил ей на незаданный вопрос! Осчастливленная женщина спокойно и радостно вернулась к себе домой.

София Николаевна Жигмановская свидетельствует: «Мой отец, богатый офицер, Николай Михайлович Трубачев. Он вел беспечный образ жизни и часто кутил с Великим Князем Николаем Михайловичем. Постепенно состояние его стало уменьшаться, а кутежи и пьянство продолжались. Когда мне было 7 лет, а папе было около 30 лет, он исчез, и никто не знал, куда он девался. Потом оказалось, что он пошел пешком в Кронштадт к отцу Иоанну. Придя туда, он пошел в Андреевский собор. После службы, когда папа вышел из собора и находился в толпе, отец Иоанн, выйдя из боковых дверей алтаря, сел в карету и проезжал мимо. Неожиданно отец Иоанн остановил карету, подозвал из толпы моего отца и сказал ему: «Ты прошел такую даль, садись, поедем ко мне, мне нужно с тобой побеседовать» и посадил с собою и повез к себе. Очевидно

отец Иоанн прозрел все Духом Святым. Отец Иоанн сказал отцу, что он очень хорошо сделал, что пришел к нему пешком, долго беседовал с отцом и с той поры отец перестал пить и курить».

Осознавая свое призвание, отец Иоанн не ждал, когда страждущие и нуждающиеся в утешении придут к нему — он сам стал ездить по всей Российской Империи, легко откликаясь на приглашение посетить ту или иную епархию. Не считая регулярных — еженедельных поездок в столицу, отец Иоанн Кронштадтский объехал всю европейскую часть России и западные губернии, включавшие в себя современную Прибалтику, Украину, Белоруссию. Во время этих поездок также совершались многочисленные чудеса и исцеления.

В г. Архангельске, после молебна в часовне св. Николая, жена одного состоятельного человека осталась стоять на коленях и стала грызть лежавшую на аналое икону Святителя Николая. Ее стали уговаривать, но она не унималась, тогда ее оттащили и свезли домой. Состоятельный человек, ее муж не жалел денег на врачей, но больная не получила от них решительно никакой помощи. Случайно приехал в Архангельск отец Иоанн. Муж больной просил отца Иоанна приехать к больной. Отец Иоанн спросил его: «Умеешь ли молиться?» и заставил его молиться вместе. Затем прошел к больной, положил ей руку на голову, прочел молитву и уехал. Больная заснула и, когда проснулась, была совершенно здорова.

В 1900-х годах в г. Таганроге была азиатская холера. Приехал отец Иоанн, обошел больных, нисколько не опасаясь заразы. После его отъезда холера стала стихать и совершенно прекратилась.

Архиепископ Нестор Петропавловский и Кам-

чатский рассказывает, что будучи еще мальчиком и слыша от благочестивых родителей рассказы о великих чудесах Божиих, являемых в наши дни через отца Иоанна, он в простоте детской души молился Господу, чтобы ему сподобиться когда-нибудь увидать великого чудотворца. Лет 30 тому назад мать его была тяжко больна, лежала в бессознательном состоянии и была приговорена врачами к неминуемой смерти. Случайно в это время в родной город Владыки Вятку приехал отец Иоанн. Мальчик Коля (так звали Владыку), тотчас выпросил у полицеймейстера пропуск в тот дом, где остановился отец Иоанн, и пробравшись к нему, рассказал ему о своем безысходном горе — о безнадежной болезни матери и просил помолиться о ее выздоровлении. Отец Иоанн обещал, и Коля всюду следовал за отцом Иоанном, пользуясь пропуском полицеймейстера. На другой день Коля видит, что по их улице движется целая вереница экипажей и, поравнявшись с их домом, первый экипаж, а за ним и остальные, остановились. Сидевший в первом из них отец Иоанн спросил: «Где тут живет мальчик Коля, у которого мать больна?» Отец Иоанн, войдя в дом, служил молебен об исцелении болящей, затем прошел к ее постели, положил ей руки на голову и сказал: «Будет здорова». После отъезда отца Иоанна больная села и сказала домашним, чтобы все удалились и оставили ее одну. После этого она совершенно выздоровела и живет вот уже 30 лет после исцеления. В другом доме мальчик Коля видел, как после молебна об исцелении больного мальчика, который не мог ходить, отец Иоанн подошел к нему, взял его за руки и сказал: «Ну, пойдем». Мальчик встал и пошел с отцом Иоанном, приложился к кресту и Евангелию и стал ходить. Чудо это произвело потрясающее впечатление на присутст-

вовавших, а отец мальчика плакал от радости.

Однажды, у калитки садика дома, где жил отец Иоанн, собралась толпа, в том числе были и татары, которых полиция не пускала. На крыльце находилась плакавшая татарка. Полиция не понимала, что она говорила. Абациев же знал татарский язык, как уроженец Кавказа, и узнал от татарки, что она привезла больного мужа, который лежит в телеге на дороге, и умоляла допустить ее к мулле Иоанну. Абациев застал отца Иоанна за утренней молитвой, несмотря на 5 часов утра, и рассказал ему про татарку. Отец Иоанн сказал, чтобы татарку пустили. Через переводчика Абациева отец Иоанн спросил татарку, верует ли она в Бога? Получив утвердительный ответ, отец Иоанн сказал ей: «Будем молиться вместе, ты молись по-своему, а я буду молиться по-своему». Когда отец Иоанн кончил молитву, то благословил татарку, перекрестив ее. Затем Абациев с татаркой вместе вышел и, к изумлению обоих, больной муж татарки уже шел навстречу совершенно здоровым.

Ивановы рассказывали, что близкий родственник их долго болел глазами, лечился, но все-таки ослеп. Один доктор посоветовал ему носить повязку на глазах. Больной стал носить повязку, но никакого улучшения не получил. Наконец Ивановы вспомнили про отца Иоанна Кронштадтского и решили везти слепого к нему. Послали телеграмму в Кронштадт с запросом, там ли отец Иоанн и можно ли приехать? Получили ответ, что отец Иоанн в Киеве. Тогда они телеграфировали в Киев с тем же вопросом. Ответ из Киева получили, чтобы ехали на станцию Голутвино, близ Москвы, где поезд с отцом Иоанном будет иметь остановку. Получив такую телеграмму, семейство повезло слепого на указанную станцию. Но каков был их ужас, когда, подъезжая к этой станции, они увидели густую, многоты-

сячную толпу народа и поняли полную невозможность добраться до отца Иоанна. Между тем, какой-то железнодорожный служащий, проходивший мимо, увидев слепого и узнав в чем дело, сказал им по секрету, что вагон отца Иоанна остановится на одну версту не доезжая станции, чтобы они отправлялись туда. Ивановы с радостью отправились, и действительно, поезд подошел и остановился. Вышел псаломщик отца Иоанна и спросил: «Где тут Ивановы, отец Иоанн зовет их». Отец Иоанн только что кончил свою утреннюю молитву и выйдя к слепому спросил: «Что это у тебя за повязка на глазах?» Слепой объяснил. Отец Иоанн сказал: «Все это ни к чему, брось ее, она тебе пользы не принесет». Больной исполнил приказание отца Иоанна. Тогда отец Иоанн стал служить водосвятный молебен и когда освятил воду, взял полотенце, сложил его, обмакнул в святую воду и промыл глаза слепому, сделав это трижды. После третьего раза слепой вдруг закричал: «Вижу, вижу». Слепой прозрел совершенно, бросился в ноги к отцу Иоанну и стал целовать их. То же делали и обезумевшие от радости другие члены семьи Ивановых. Все они так крепко вцепились в ноги отца Иоанна и не хотели оторваться от своего исцелителя, что пришлось оттащить их при помощи жандармов.

Один из очевидцев путешествий святого Иоанна по России свидетельствует: «Недалеко от Холмогор, на Северной Двине, есть большое село Сойла. К этому селу мы и причалили. Большой монастырский пароход «Святой Николай», на котором мы тогда плыли, народ увидел издалека и очень быстро собрался у берега. Вперед вышел патриархального вида старик, церковный староста, с окладистой седой бородой, низко поклонился отцу Иоанну:

— Ваше преподобие, дорогой батюшка, Сам Господь

послал к нам тебя. Кругом засуха. Уже больше месяца, как не было ни росинки. Вокруг наших сел горит тундра, пожар подходит уже к нашим селениям и мы в опасности. Помолись о дожде. Спаси нас.

— Никто, как Бог, никто, как Бог! — ответил батюшка своей любимой фразой. Сошел с парохода и направился к церкви. И вот когда кончилась служба в церкви и из нее стал выходить народ, я невольно обратил внимание на толпу. Восторженные радостные лица. Матери поднимали маленьких детей на руки и показывали им на горизонт. Все истово крестились. У многих на глазах были слезы. Я невольно обернулся туда, куда все смотрели. На горизонте я увидел черные грозовые тучи и сверкающую молнию. И вдруг загромыхало. После длительной засухи надвигалась гроза. Люди не верили своим глазам. Люди бросались в воду, чтобы прикоснуться к нашему пароходу. Отец Иоанн вошел на верхнюю палубу. И опять вышел вперед тот же церковный староста. Толпа притиснула его к самой воде. И он стал на колени в воду. Теперь он уже не говорил, а рыдал.

— Батюшка, родной, ведь это чудо! Мы детям своим расскажем. Ты помолился, и вот...

Стали падать крупные капли.

— Никто, как Бог, никто, как Бог, — повторял радостный батюшка, благословляя толпу».

Можно привести еще множество чудес, совершенных по молитвам святого праведного Иоанна, но его чудотворение не было чем-то совершаемым механически. Иногда, несмотря на молитвенный подвиг отца Иоанна, желаемого чуда не происходило. В этом плане самый известный случай был с императором Александром III, также просившим молитв отца Иоанна, но получившим лишь облегчение, а не исце-

ление. Были и другие такие случаи. Сам отец Иоанн, всегда молившийся об исцелении обращавшихся к нему за помощью, в этих случаях видел волю Божию о том или ином человеке.

БОГОСЛУЖЕНИЕ

Всех обращавшихся к нему за чудесной помощью отец Иоанн призывал к совместной молитве и говорил о важности молитвы. Сам святой Иоанн по воспоминаниям современников: «Был великий молитвенник, — таким его знала и за это его чтила вся Россия. Он молился, можно сказать, постоянно. Приходилось наблюдать, что за столом, во время обеда и ужина, при разговоре с другими, вдруг взор его становился сосредоточенным... он переставал слышать обращенные к нему вопросы. Это означало, что он творил молитву». Личная молитва для него была лишь приготовлением к молитве богослужебной, которая была центром его жизни.

Даже простой молебен отец Иоанн служил с огромным усердием, верой и дерзновением, но с еще большим дерзновением служил литургию. Настолько, что в неизменную структуру этого богослужения он вставлял собственные молитвы, родившиеся из личного напряженного переживания литургии. На всех, видевших пламенное служение отца Иоанна, оно производило неизгладимое впечатление. Вот живое свидетельство очевидца служения его: «Следует быть на проскомидии, совершаемой отцом Иоанном, чтобы понять огромную важность этой части литургии. Отец Иоанн подходил к жертвеннику. Он полон торжественной радости. Уже в это время его охватывает какой-то ликующий пророческий экстаз. Он вынимает Агнец. Посмотрите, с какой любовной внимательной

ностью он равняет Его, обрезывает со всех сторон и благоговейно ставит на дискос. Потом отец Иоанн начинает вынимать частицы. На проскомидии просфор бывало так много, что их приносили целыми большими корзинами. Отец Иоанн быстро вынимал частицы и бросал просфоры в пустую корзину, стоявшую с правой стороны: «Смотрите, смотрите, — неожиданно восклицал он среди проскомидии. — Смотрите. Вот Он Христос. Здесь Он, здесь среди нас и мы около Него, кругом Его, как апостолы».

Литургия началась, отец Иоанн еще более преображается. Отверсты Царские врата. Произнесен первый возглас. Отец Иоанн неожиданно, порывисто берет напрестольный крест и с любовью целует его, обнимает его руками, восторженно смотрит, уста его шепчут слова молитвы. Возгласы отец Иоанн произносит так же, как читает канон на утрени. В голосе слышится и твердая вера, и надежда, и умиление. Взор обращен на горнее место. Иногда он произносит возглас, закрывши глаза и углубившись в себя. Все время он погружен в такие глубины души, что как будто ничего не видит, ничего не слышит, ничего не замечает, что кругом его совершается. Он в своем особом мире. Он в это время один и не похож на другого. Служебника отец Иоанн почти не раскрывает, так как все молитвы знает па память. Читает часто вполголоса.

Первая часть литургии у отца Иоанна — преимущественно часть молебная. Он в это время больше всего сознает себя, как молитвенника «за люди». Святой праведный Иоанн весь охвачен сознанием огромной ответственности пред этими немощными, вверившими ему себя, благо своих и души и тела, и точно спешит молиться за них; молится порывисто, настойчиво, не просит, а требует от Бога исполнения просьбы этих

несчастных, с властностью священника, поставленного Христом; он хватается за край ризы Господней, требуя милости душам, вверенным ему от Господа.

С великого входа начинается второй момент литургии. Отец Иоанн берет святую чашу и относит ее, прибавляя от себя: «Изведоша Его вон из винограда и ту убиша Его». Этой глубокой по мысли вставкой отец Иоанн вводит себя, как он говорил, «в священные воспоминания последних дней Христа Господа». Всю вторую часть до пресуществления даров он отдается переживанию святых картин евангельского прошлого. С этого времени, главным образом, после «Верую» он в Гефсимании, в Сионской горнице, около Голгофы. В этой части литургии отец Иоанн очень много вставляет от себя, иногда тайно, иногда вслух.

По поставлении Святых Даров на престол, отец Иоанн читает обычную молитву, прибавляя к церковным словам о ниспослании благодати на людей следующие глубоко содержательные слова: «На всех разсадницех юношеских и отроческих, духовных и мирских, мужских и женских, градских и сельских, и на всем неучащемся юношестве; — на всех разсадницех духовных, монашеских — мужских и женских, — на нищих людях Твоих, вдовицах, сирых и убогих, — на пострадавших от запаления огненного, наводнения, бури и труса, — от недорода хлеба и глада, — на всех заповедавших мне недостойному молиться о них и на всех людях Твоих».

По прочтении Символа веры отец Иоанн прибавляет следующую молитву: «Утверди в вере сей и верою сею сердце мое и сердце всех православных христиан; сея веры и сего чаяния жити достойно вразуми; соедини в вере сей вся великия христианския общества, бедственно отпадшия от единства св.

Православныя кафолическия и апостольския Церкви, яже есть тело Твое и ея же Глава еси Ты и Спаситель тела, — низложи гордыню и противление учителей их и последующих им, даруй им сердцем уразуметь истину и спасительность Церкви Твоея и неленостно ей соединитися; совокупи Твоей святей Церкви и недугующих невежеством, заблуждением и упорством раскола, сломив силою благодати Духа Твоего упорство их и противление истине Твоей, да не погибнут люте в своем противлении, якоже Корей, Дафан и Авирон, противившиеся Моисею и Аарону, рабам Твоим. К сей вере привлецы вся языки, населяющие землю, да единым сердцем и едиными усты вси языцы прославляют Тебя единаго всех Бога и благодетеля; в сей вере и нас всех соедини духом кротости, смирения, незлобия, простоты, безстрастия, терпения и долготерпения, милосердия, соболезнования и сорадования».

Но вот приближаются священнейшие минуты литургии и отец Иоанн опять новый! «Горе имеим сердца», — восклицает он и затем прибавляет от себя: «Сам, Господи, вознеси долу приклоншияся сердца наши!» «Благодарим Господа», — снова восклицает отец Иоанн. При тайном чтении молитвы после слов: «Ты от небытия в бытие нас привел еси», добавляет для усиления благодарного чувства: «в разумное бытие и по душе бессмертное, то есть привел еси»; после слов «и отпадшия возставил еси паки» — прибавляет: «и стократно на каждый день восставляешь согрешающих и кающихся». После слов: «Дондеже нас на небо возвел еси и Царство Твое даровал еси будущее», прибавляет: «Ты и в самом причащении нашем животворящих Твоих Тайн уже возводишь нас на небо: ибо где Ты, там небо и небо небесе, и даровав Себя Самого верным, Ты вместе с Собою уже даруеши и Царство

Небесное — Царство будущее в залоге пречистого Тела и Крови Твоей». При чтении молитвы «С сими блаженными силами», при словах: «Сам Себе предаяше за мирский живот» батюшка прибавляет от себя, для усугубления чувств благодарности и умиления, слова: «Паче же всех за меня грешнаго, да избавлюсь смертоносного греха и да живу во веки».

Отец Иоанн спешит; его голос спешит радостно возгласить народу слова обетования: «Здесь нужно кричать, — говорил он всем вслух громко, — разве можно прятать такие слова?» И он поворачивался к народу и говорил громко: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, пийте от нея вси», — с глубокою верой восклицает отец Иоанн. Произнося эти слова, он не раз прикасается перстом к чаше, как бы даже с силой ударяет по ней. Снова подчеркнуты слова: «за вы и за многия изливаемая». По собственному свидетельству отца Иоанна, священный трепет пробегает по всем членам, по всему существу, когда сердечным ухом слушаешь эти слова. И этот трепет отражается в его голосе, в силе, с какой он произносит это «за вы».

Вот он держит в руках святой дискос и, касаясь губами его краев, молится. Ощущается веяние Духа Святого, чувствуется, что отец Иоанн слышит приближение благодати и ждет ее, и зовет. Это третий, самый великий момент литургии отца Иоанна, здесь торжество и победа. Пастырь в эти минуты сам восходил на Голгофу за Господом и скорбь переходит в радость Воскресения. Борьба слез и радостного восторга, постепенная победа торжественной радости над скорбью — это есть то самое великое и страшное, что делает службу отца Иоанна необычайной. Отец Иоанн начинает молитву пресуществления: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолам

Твоим низпославый, Того, Благий, не отыми от нас».

В первый раз он произносит эти слова торжественно и победно, но более или менее спокойно. Второй раз голос приподнимается, дрожит. В нем усиливается оттенок радости. Третий раз читает отец Иоанн: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа»... Он чувствует присутствие Христа всем существом. «Здесь Он, здесь» — кажется, шепчут его губы. И это «здесь» ясно читается в его глазах.

Вот приобщается отец Иоанн Тела и Крови Христовых. Лицо его изменилось. Необыкновенная духовная радость, необыкновенный мир и небесный покой, необыкновенная сила и мощь отображались теперь в каждой черте его лица. Его лицо светилось, издавало сияние. Отец Иоанн готов снова трудиться без всякой устали с утра до самой поздней ночи, он запасся теперь силами на все предстоящие ему дневные труды и заботы. Лица, близкие к нему, говорили, что такая перемена бывает с ним каждый раз, когда он приступает к Святым Тайнам. Он сам говорил, что только в Святых Тайнах почерпает он силы для несения труда, который несомненно превышает всякие человеческие силы.

ОБЩАЯ ИСПОВЕДЬ

Еще один уникальный момент всероссийского служения отца Иоанна — общая исповедь. Как известно, с самого начала своего священнического служения он очень ответственно подходил к духовничеству, считая покаяние одной из основ правильной христианской жизни. Но если во время приходского служения он имел возможность уделять каждому кающемуся достаточно времени, то во время всероссийского служения, когда в Кронштадт

стекались тысячи, отец Иоанн физически не мог уделить каждому хоть немного времени. Желая найти выход, он начинает проводить так называемую общую исповедь, которую можно сравнить только с публичным покаянием, иногда проводимым в первых веках христианства.

Очевидцы так рассказывают об этом уникальном явлении: «Вот отец Иоанн показывается на высокой солее, с которой виден весь храм. Перед ним тихо колеблется целое море голов.

Начинается его речь, отрывочная, звучная, полная изумительной силы, проникающая глубоко в душу, опаляя греховное тело.

«Грешники и грешницы подобные мне! — говорит отец Иоанн. — Вы пришли к храм сей, чтобы принести Господу Иисусу Христу, Спасителю нашему, покаяние в грехах и потом приступить к Святым Тайнам. Приготовились ли вы к столь великому Таинству? Знаете ли, что великий ответ несу я перед Престолом Всевышнего, если вы приступите, не приготовившись! Знаете, что вы каетесь не мне, а Самому Господу Богу, Который невидимо присутствует здесь, Тело и Кровь Которого в настоящую минуту находится на жертвеннике».

После такого обращения к народу, отец Иоанн читает положенные молитвы и снова говорит:

«Господь Бог Страшный Судия всей земли, Он не посмотрит ни на чье лицо, все перед Ним равны. Он смотрит на сердца, смотрит каково упование, какова вера, каковы дела. С людей высокостоящих, образованных, Господь больше взыщет, чем с простолюдинов, когда они грешат. Братие, ох, как силен грех! Грехи — это воры, которые обкрадывают нас. Кто из нас без греха? Кто не горд? Кто не честолюбив? Кто не

обижал друг друга? Кто не оболгал ближнего?»

Так говорит отец Иоанн, в его словах нет ничего особенного, это обычные наставления пастыря, а между тем с народом творится что-то изумительное.

Безмолвная перед этим толпа оживает, в ней слышатся вздохи, стоны, рыдания. Из грешных людских глаз льются слезы, к небу несется вопль кающихся:

«Батюшка! Прости нас, помяни! Все мы тяжкие грешники, молись о нас!»

Но по мановению руки отца Иоанна все умолкают. Прочтя покаянные молитвы, он продолжает:

«Господь Бог, Иисус Христос, дал власть апостолам, а те архиереям и священникам, в том числе и мне грешному иерею Иоанну, разрешать кающихся, прощать или не прощать грехи их, судя по тому как люди каются. Братья и сестры! Каетесь ли вы? Желаете ли исправить свою жизнь? Сознаете ли грехи свои? Ленились ли Богу молиться? Пьянствовали? Прелюбодействовали? Обманывали? Клятвопреступничали? Богохульствовали? Завидовали? Воровали? Много грехов у вас, братья и сестры, все их и не перечесть. Кайтесь же, кайтесь, в чем согрешили!»

И то, что происходило после этих слов, невозможно описать, — это надо видеть. Страшный шум поднимается в храме: кто рыдает, кто падает на колени, кто стоит в безмолвном оцепенении. Многие громко, вслух, перед всеми исповедуют свои грехи.

А сам пастырь-проповедник стоит на виду у всех, глубоко растроганный, потрясенный. Уста его шепчут молитву взор обращен к небу. О чем плачет этот святой человек? Кто в состоянии описать то, что творится в его душе в эти минуты? И только временами слышатся его голос: «Кайтесь же! Кайтесь!».

Вот отец Иоанн перекрестился и отер глаза:

«Тише, тише, братие! — слышится его голос — Слушайте! Мне, как и всем священникам, Бог даровал власть вязать и разрешать грехи человеческие. Слушайте! Я прочитаю молитву разрешительную. Наклоните головы, я покрою вас епитрахилью, благословлю, и вы получите от Господа прощение грехов».

Толпа преклоняется как один человек. Отец Иоанн читает молитву, берет конец епитрахили, проводит по воздуху на все четыре стороны и благословляет народ.

Вот еще один пример общей исповеди: «Отец Иоанн производил в Андреевском соборе общие исповеди всех присутствовавших, как это имело место в первые века христианства.

Все бывшие в соборе, совершенно откровенно, не стесняясь массы народа, выкрикивали свои грехи, не исключая и самых ужасных, и притом кричали очень громко, чтобы, если возможно, отец Иоанн их услышал. В соборе стоял стон, пот градом катился не от жары, а от переживаемого потрясения.

Рыдали буквально все без малейшего изъятия и вместе с этими воплями и стонами дивно очищались души людские, как в горниле огня очищается кусок золота.

Отец Иоанн стоял на амвоне перед образом Спасителя и пламенно, горячо молился, испрашивая у Господа милосердного прощения всей массе громко кающегося и рыдающего народа. Он смотрел на нас своим глубоким взором и вдруг... крупные слезы градом покатились по лицу его.

Он плакал о нас... Он своими чистыми слезами омывал скверну грехов наших... Где же еще есть лучшее доказательство святой, Евангельской любви к ближнему?.. Это ли не любовь глубокая, всеобъемлющая, скорбящая, страдающая и чистосердечными сле-

зами омывающая грехи ближнего своего?..

Да, отец Иоанн плакал, соединяя свои слезы с нашими слезами, и, как истинно добрый пастырь стада Христова, скорбел душою за овцы своя!

И в этот-то момент волнение рыдающего народа достигло высшей степени!

Громадный собор наполнился стонами, криками и рыданиями; казалось, весь храм дрожал от непрерывных воплей народа!..

Потрясающая картина! Величественное и вместе с тем умилительное зрелище, ясно доказывающее, как сильна вера в Бога и как велик дух русского народа, воздвигнутого на добрый подвиг покаяния вдохновенными наставлениями мудрого пастыря!

Но вот среди воплей раздался голос отца Иоанна, просящего народ утихнуть.

Послушные его голосу, мы умолкли и с радостной надеждой смотрели на лицо его».

«Покаялись ли вы? Желаете ли исправиться?» — громко спросил отец Иоанн трепещущую толпу.

«Покаялись, батюшка! Желаем исправиться! Помолись за нас!» — единодушно, искренно грянула толпа в ответ и смиренно наклонила головы, ожидая прощения и разрешения от грехов, через своего духовного отца, имеющего власть от Господа вязать и решать грехи людские.

Гробовая тишина водворилась, когда отец Иоанн, стоя на амвоне, поднял епитрахиль и протянул ее вперед, как бы покрывая ею головы присутствовавших, и прочитал разрешительную молитву.

Радостный, освобожденный от тяжкого бремени, народ вздохнул свободно, со слезами радости смотрел на сияющего духовным торжеством доброго пастыря, сумевшего всколыхнуть спасительным стыдом души каю-

щихся и омыть своими слезами загрязненные души.

Более двух часов длилось причащение многочисленного народа.

В настоящее время не все однозначно воспринимают общую исповедь, которую проводил святой праведный Иоанн. Поскольку одни видят в этом призыв к сугубому покаянию и христианскому изменению жизни, а другие определенное попустительство в строгой практике подготовки к причастию, сложившейся в синодальный период. В любом случае сам отец Иоанн очень ответственно подходил к совершению общей исповеди, духом разумея и глубину покаяния, и по ней оценивал готовность того или иного человека к причастию.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

После того как по молитвам отца Иоанна начали происходить чудеса, почитатели его молитвенного дара стали жертвовать отцу Иоанну значительные суммы. Обычно, подходя под благословение, они давали ему в конвертах большие суммы, говоря: «Вот, батюшка, на ваших бедных». Отец Иоанн опускал эти даяния в карман, не считая их. Данные ему деньги он тут же раздавал нуждающимся, обращавшимся к нему за помощью. Часто его щедрость смущала и богатых жертвователей, и самих облагодетельствованных.

Вот как вспоминали об этом очевидцы: «Подходим ко кресту, в это время происходит какая-то заминка впереди и я вижу, что отец Иоанн наклонился и с кем-то разговаривает. Оказывается, к нему подошла девочка лет 8–10 с ребенком на руках, а около нее еще двое-трое детей. Эта девочка обратилась к отцу Иоанну с просьбой отслужить панихиду по только что скончавшейся сегодня матери всех этих детей

и просила помочь ей похоронить мать. Отец их тоже недавно умер. Батюшка вынимает из кармана конверт и, подавая его девочке, говорит: «Вот тебе на похороны, я приду отслужить панихиду и провожу твою мать на кладбище». В это время раздается довольно громкий голос какой-то женщины: «Батюшка, да ведь в конверте двести рублей!» Отец Иоанн посмотрел в сторону говорившей и тихо сказал: «Эти деньги даны мне и я могу ими распоряжаться по своему усмотрению. Сколько там было, я не знаю, значит такова воля Господня».

Какая-то бедно одетая женщина со слезами просила у него помощи. Батюшка сейчас же достает из кармана подрясника большой пакет и подает его женщине. Через минуту женщина подбегает к отцу Иоанну и взволнованно говорит ему: «Батюшка, вы верно ошиблись: ведь тут тысяча рублей!»

«Ну, что ж такое, — отвечает ей отец Иоанн, — твое счастье: иди, благодари Господа».

Иногда отец Иоанн помогал нуждающимся не дожидаясь их просьб, просто предчувствуя, что тому или иному человеку нужна помощь.

Один купец из центральной России приехал к отцу Иоанну в Кронштадт и после обедни в Андреевском соборе подходил ко кресту. Рядом с отцом Иоанном держали блюдо, куда клали деньги на бедных. Неожиданно отец Иоанн сгреб с этого блюда деньги и дает купцу. Купец отнекивается, говоря, что он сам человек состоятельный и может положить для бедных на блюдо. Но отец Иоанн настаивает, говоря: «Возьми, тебе пригодятся». Тот не посмел ослушаться и взял. Когда же он вернулся домой, то узнал, что его склады с товарами сгорели, и если бы у него не было тех денег, которые дал ему отец Иоанн, то он оказался

бы нищим.

Когда отец Иоанн служил в одном доме и уходил, то хозяйка дома хотела передать ему в конверте деньги, но он не взял, сказав ей, чтобы она отдала эти деньги тому, кого она завтра первого встретит на улице. На следующий день эта женщина вышла нарочно рано на улицу, рассчитывая встретить кого-нибудь из рабочего люда, но навстречу ей шел офицер. Поравнявшись с ним, женщина не решилась подойти к нему и прошла мимо, но потом, сделав над собою усилие, вернулась, догнала офицера и скороговоркой объяснила ему в чем дело. И что же? Офицер с благодарностью взял деньги, сказав ей, что находится в критическом положении, что у него серьезно больна жена, на лечение которой нет денег и что он шел заложить последнюю вещь, чтобы на полученные деньги спасти жену.

Не оставлял отец Иоанн и кронштадтских нищих, причем число его подопечных постоянно увеличивалось. Ежедневно он раздавал милостыню более чем тысяче человек, в некоторые годы число просивших подаяние доходило до трех тысяч человек. Обыкновенная, казалось бы, раздача милостыни была для отца Иоанна своего рода служением ближним, изумлявшим современников: «Сотни собравшейся голи начали становиться вдоль забора, начиная от дома отца Иоанна по направлению к «дому трудолюбия». На одной стороне становились мужчины, на противоположной панели, — женщины. Меньше чем в пять минут образовалась длинная лента из человеческих фигур, примерно в полверсты. Бедняки стояли в три колонны, то есть по три человека вряд, так что занимали всю панель, женщин было гораздо меньше мужчин. Все ждали... Долго я ходил по линии «строя», всматриваясь в эти изнуренные лица, исху-

далые, оборванные фигуры... На лице каждого можно было прочесть целую житейскую драму, если не трагедию... Были тут молодые, почти юноши, и седые старцы, попадались на костылях, убогие, с трясущимися головами, с обезображенными лицами... Да, такую коллекцию «сирых» трудно подобрать; если каждый из них в отдельности не способен тронуть сердце зрителя, то коллекция этих «детей отца Иоанна» может заставить дрогнуть самое черствое сердце! Пусть большая часть их пьяницы или люди порочные, пусть сами они виноваты в своем положении, но ведь это люди... люди страдавшие, страдающие и не имеющие в перспективе ничего, кроме страданий! Вот бывший *студент* медицинской академии, вот надворный советник, поручик, бывший купец миллионер, вот родовой дворянин громкой фамилии... У этого семья и больная жена, у того старуха-мать, сестры... Еще не было шести часов, когда из калитки хорошо знакомого «золоторотцам» дома вышел батюшка... Толпа заколыхалась, но все остались на местах, обнажив только головы. Отец Иоанн снял свою шляпу, сделал поклон своим «детям», перекрестился на виднеющийся вдали храм и пошел по «строю». «Раз, два, три... десять... двадцать...» Двадцатый получил рубль для раздела с девятнадцатью коллегами. Опять: «раз, два, три... десять... двадцать» и опять рубль. Так до самого конца «строя». Только что кончился счет, вся толпа бросилась со своих мест к батюшке. Кто становился на колени, кто ловил руку батюшки для поцелуя, кто просил благословения, молитвы; некоторые рассказывали свои нужды... И отец Иоанн всех удовлетворил, никому не отказал; видно было, что почтенный пастырь сроднился с этой средой, понимает их без слов, по одному намеку, точно так же, как и толпа по-

нимает его по одним жестам... Окруженный и сопровождаемый своими «детьми», отец Иоанн медленно движется к собору Андрея Первозванного (или церкви «дома трудолюбия») для служения ранней обедни. Исчез батюшка в дверях храма, и толпа рассеивается по городу».

Щедрость отца Иоанна развила даже не совсем желательное явление: в Кронштадте появилось множество нищих, совершенно особого типа — сытых, тепло одетых и обутых. Это обстоятельство заставило насторожиться даже доверчивого в быту отца Иоанна. Тогда, не оставляя прямой помощи нищим, он ввел в жизнь особый тип благотворительных учреждений – дома трудолюбия. В этих заведениях каждый неимущий мог пользоваться пособием и деньгами, но только в виде вознаграждения за сделанную работу. Опыт Кронштадтского дома трудолюбия получил широкую поддержку в обществе — подобные заведения были созданы по всей России. Вплоть до революции эта система успешно действовала и давала свои плоды.

Помимо помощи бедным и нуждающимся, отец Иоанн также жертвовал на монастырское и храмовое строительство. Наибольшую щедрость проявлял он к трем непосредственно созидаемым им женским обителям. Это знаменитый Иоанновский монастырь на Карповке, Сурский девичий монастырь и Пюхтицкий Успенский монастырь, находящийся в Эстонии.

ПРОПОВЕДНИЧЕСТВО

Как известный проповедник отец Иоанн не стоял в стороне от церковно-общественных проблем. В чисто церковной сфере он нередко критиковал сложившийся порядок равнодушия к полноценной церковной жизни, когда к исповеди и причастию приступали не

чаще одного раза в год. Отец Иоанн напротив, исходя из собственного опыта, проповедовал насущную необходимость постоянного покаяния и как можно более частого причащения. В то время его призывы причащаться во все посты и праздники шокировали привыкшее к устоявшейся традиции общество. Тем более допущение к Чаше Христовой собственных духовных чад по нескольку раз в месяц вообще выглядело как революция. Многие, видя в такой практике вредное новшество и чуть ли не сектантство, взывали к священноначалию, требуя ограничить отца Иоанна, его духовных чад и почитателей, следовавших его советам. Но в действительности отец Иоанн не стремился к подрыванию основ, он лишь призывал к исконной христианской практике полноценного участия верующих в литургической жизни Церкви. Поэтому несколько проверок, устроенных отцу Иоанну Митрополитом Санкт-Петербургским, доказали его полную невиновность. Тем более о правильности его пути свидетельствовали и многочисленные исцеления по его молитвам, которые сам он связывал именно с постоянным служением литургии.

В своих проповедях отец Иоанн касался не только литургической, но и нравственной жизни современного ему общества. В этом плане он нередко обличал пороки, свойственные как всем людям вообще, так и отдельным классам общества. Людей образованных и богатых он более всего обличал в праздности, роскоши, в пристрастии к суетным удовольствиям и в немилосердии к бедным, а простой народ — чаще всего в пьянстве и сквернословии. Нравственную сторону проповеди отца Иоанна и современники, и исследователи обычно сравнивали с проповедями святителя Иоанн Златоуста, творения которого были особенно

любимы святым Иоанном.

Говоря о внецерковных аспектах общественной жизни, отец Иоанн сурово обличал нигилизм и всячески поддерживал все патриотические начинания. Надо заметить, что, в отличие от литургической и нравственной критики, именно эта проповедь вызывала наибольшее число нареканий и при жизни отца Иоанна, и по его кончине. Многие осуждали его за то, что, по их мнению, он вмешивался в проблемы, в которых ничего не понимал. Но отец Иоанн, как верный сын своего Отечества, не мог остаться в стороне от проблем, ведущих к разрушению России.

Одной из таких общественных проблем была «проповедь» Льва Толстого — кумира тогдашнего общества. Авторитет Яснополянского графа стоял в общественном сознании так высоко, что никто не осмеливался дать ему отпор — никто, кроме отца Иоанна. Кронштадтский пастырь видел в Толстом не гордость и светоча России, но избалованного барина, в непомерном самомнении ударившегося в безбожие и кощунство.

Обличая деятельность Толстого, отец Иоанн в своем «Дневнике» (в начале XX века) писал: «Толстой в своих дерзких писаниях мечтает попалить христианство и христиан, свести к ничтожеству своим дерзким отрицанием и насмешками — содержимое вот уже почти двадцать веков Святою Вселенскою Церковью христианство, которое прославленно от Бога вечною неувядаемою славою, которое проявило величайшую жизненность, силу, благотворность. Но он сам себя бьет смертельно и своих последователей, ибо лишил и себя и их света и благодати Божией, примирения с Богом и благоволения Его и подвергает проклятию

Божию и себя и их.

О Христе Боже, доколе Лев Толстой будет ругаться над Тобою и Церковью Твоею? Доколе будет соблазнять и Россию и Европу? Опять он пишет хулы на Церковь и служителей ее, опять клевещет на нас всему миру! Покажи, наконец, Владыко, всему миру адскую злобу его! Буди! Им увлечено в прелесть и пагубу полсвета. — О, предтече антихриста!

Желаете ли вы, православные, знать, что я думаю о Льве Толстом? А я вот что думаю и говорю: он объявил войну Церкви Православной, и всему христианству. И как денница и сатана отторгнул своим хребтом третью часть звезд небесных, то есть ангелов, и сделал их единомышленниками с собою, так наш Лев, сын противления, носящий в себе дух его, своим «рыканьем и хвостом» (см. Откр. 12: 4) отторг тоже едва ли не третью часть русской интеллигенции, особенно из юношества, вслед себя, вслед своего безбожного учения, своего безверия...

Он утверждает, что правда только у него, у Толстого, что у него — и только у него — истинный разум, у него только нужно учиться истине, что вся Библия, все Евангелие — ложь, что вся церковная история, все учение церковное, все Соборы, все вероопределения, все каноны Вселенских и Поместных Соборов и св. отцов — преднамеренный обман. Но ведь мы в здравом уме, в здравом смысле, вся наша прожитая жизнь, наше сердце уверяют нас, что мы знаем истину, что мы обрели веру и спасаемся ею, утешаемся ею и чаем жизни будущего века. Толстой — полный невежда в отношении религии, у него дьявольская, неисправная гордость, и он умрет с нею. Ими же веси судьбами Ты Сам, долготерпеливый Господи, спаси его, помраченного!..

Толстой, отрицая Личного Триипостасного Бога,

всеблагого, безначального, присносущного, премудрого, праведного, святого, всесовершенного, всемогущего, допускает только таинственное, безличное начало, давшее жизнь человеку; странно, как безличное существо дало начало личному — это абсурд толстовский; тварь не иначе может существовать и благоденствовать, как соблюдая законы Творца...

Языческие писатели Цельс и Порфирий не ругались так над христианскою верою, как ругается Лев Толстой. Яснополянский граф находится в великой прелести самообольщения, думая серьезно, что он прав. О, как сатана ослепил его за гордость и надменность! И сколько людей чрез него впали в обольщение!»

Нам, воспринимающим Толстого в рамках школьной программы, часто трудно понять обличительный пафос святого. Но для своих современников Толстой был автором не только романов, в последнем из которых — «Воскресении» — достаточно антихристианских пассажей. Властителем дум того времени он стал благодаря публицистическим произведениям, среди которых, так называемое «Евангелие от Толстого».

Наконец, еще один самый небесспорный аспект проповеди и общественной деятельности отца Иоанна — поддержка Союза Русского Народа, иначе называемого «черной сотней». В данном случае, отец Иоанн не ограничился только одними проповедями в поддержку Союза Русского Народа, но и дал себя записать в эту крайне правую организацию, которая по многим причинам встречала резко отрицательное отношение самых различных кругов общества, не только радикальных, но и монархических. Но всё дело в том, что отец Иоанн Кронштадский всегда стремился сотруд-

ничать с государственной властью и поддержать ее в деле созидания и охранения государства Российского, которое стремится пресечь всякую смуту, подрывающую сами устои России.

ИСКУШЕНИЯ ОТ НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЕЙ И ПОЧИТАТЕЛЕЙ

Всероссийское служение отца Иоанна никого не оставляло равнодушным, кто-то становился его горячим почитателем, кто-то, напротив, неприязненно относился к его личности и деятельности. И те, и другие стали своеобразным крестом Кронштадтского пастыря, причем неизвестно, от кого претерпел он большие страдания.

Недоброжелателей отца Иоанна условно можно разделить на идеологических и личных. Известно, что часть русской интеллигенции не принимала отца Иоанна по идеологическим причинам. Они считали его фанатиком, поддерживающим преступную, по их мнению, власть, нападающим на нигилистов и отвергающим нравственный авторитет Толстого. Можно сказать, что в святом Иоанне они ненавидели собственно русское Православие, которое они готовы были похоронить, но которое в лице Кронштадтского пастыря свидетельствовало о своей жизнеспособности. Эта часть общества, отойдя от Церкви, критиковала все русское духовенство, невзирая на лица. Никакая личная праведность в их глазах не свидетельствовала об истине, но воспринималась, как комедия, ломаемая с целью обогащения и привлечения внимания. Поэтому все их выходки против отца Иоанна имели кощунственный антицерковный характер. Об одном из таких случаев рассказывал сам святой праведный Иоанн Кронштадтский: «Однажды, когда я служил

обедню в Андреевском соборе и вышел из царских врат с чашей, то увидел студента, который закуривал папиросу от лампады перед иконой Спасителя. Я сказал ему: «Что ты делаешь?» Студент, не отвечая, ударил меня по щеке, да так сильно, что Дары расплескались на каменный помост. Я перекрестился, подставил ему другую щеку и сказал: «Ударь еще раз». Но народ схватил студента. Камни с помоста были потом вынуты и брошены в море».

К этим недоброжелателям уместно применить евангельское слово: *Если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят* (Лк. 16: 31). Сам отец Иоанн воспринимал идеологических недоброжелателей именно в этом духе.

Личные недоброжелатели также доставили отцу Иоанну немало скорбей. Но он старался относиться к своим личным врагам по Евангельской заповеди — молитвой он побеждал неприязнь и при случае делал им добро.

Как ни странно, но отец Иоанн нажил себе неприятелей в кронштадтском чиновничестве. Многие из них не понимали его помощи нищим, создания Дома Трудолюбия, раздражались на многих паломников, наводнивших Кронштадт. По их мнению, бурная деятельность отца Иоанна создавала определенный непорядок в их службе. Особенно в этом плане выделялся кронштадтский полицмейстер. Вот как вспоминают современники о взаимоотношениях отца Иоанна с полицейским чиновником: «Кронштадтский полицмейстер П. относился крайне неприязненно к отцу Иоанну и причинял ему многие огорчения. Впоследствии этот П. был предан суду за лихоимство и взяточничество и вот отца Иоанна вызывают в суд, в качестве свидетеля против П. Начался допрос и —

присутствующие ушам своим не верят: отец Иоанн стал говорить только о добрых поступках полицмейстера известных ему. Вне себя от изумления и разочарования, прокурор напомнил отцу Иоанну:

«Свидетель, вы должны на суде говорить всю правду, не скрывая».

«Я говорю по священству!», — взглянув на прокурора, ответил отец Иоанн.

Больше по этому делу отцу Иоанну не было задано никаких вопросов».

И если, несмотря на подлинно христианское отношение к ближним отца Иоанна, неприязнь кронштадтских официальных лиц еще можно как-то объяснить светским и чиновничьим духом, то тем более удивительна недоброжелательность людей церковных. Подчас открытую неприязнь к Кронштадтскому пастырю испытывали его собратья по служению — священно- и церковнослужители. Во время его поездок по России некоторых сталкивавшихся с ним священников возмущала публичность отца Иоанна, им казалось, что таким образом он нарочно возбуждает суеверие в народе.

Непонимание провинциального духовенства не идет ни в какое сравнение с тем раздражением, которое отец Иоанн подчас вызывал у священнослужителей родной Санкт-Петербургской епархии. Воистину: *Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем* (Мф. 13: 57). Часто дело доходило до открытых скандалов: «Когда отца Иоанна приглашали служить в разные столичные храмы, то это раздражало местное духовенство. Так, когда сенновское купечество пригласило отца Иоанна служить в церкви Спаса на Сенной площади, то настоятель церкви встретил его у входа в церковь и в резких вы-

ражениях предложил отцу Иоанну удалиться. Отец Иоанн кротко попросил присутствовавшего диакона помирить его с протоиереем настоятелем. Однако настоятель не унимался и настаивал на том, чтобы отец Иоанн удалился. Увидев безнадежность дальнейших разговоров, отец Иоанн уехал». Иногда в таких случаях на отца Иоанна подавали жалобу за служение в чужих храмах. В конце концов, произошел случай, после которого отец Иоанн получил благословение правящего Архиерея на служение во всех храмах епархии: «Группа лиц подала Митрополиту Исидору письменную жалобу на отца Иоанна, обвиняя его за то, что он служил в чужих приходах. Митрополит Исидор прочитал жалобу, запер ее в свой письменный стол и вызвал к назначенному им времени отца Иоанна и жалобщиков. Когда отец Иоанн и жалобщики явились, то Митрополит вынул жалобу из стола и, к великому изумлению своему, увидел, что на том листе бумаги ничего не написано, то же увидели и жалобщики. Тогда Митрополит в недоумении спросил отца Иоанна, что бы это значило. Отец Иоанн помолился Господу Богу и, по молитве его, текст жалобы снова появился на листе. Пораженный этим чудом Божиим, Митрополит Исидор понял, что Сам Бог защищает угодника Своего чудесным образом, разорвал жалобу, выгнал жалобщиков, а отцу Иоанну сказал: «Служи, батюшка, где хочешь».

Даже в Андреевском соборе, где он был настоятелем, отец Иоанн встречал нелюбовь сослужителей. Это нельзя объяснить ничем иным, как только действием духов злобы, через людей нападавших на отца Иоанна. Благодаря его деятельности, уездный храм, каким был Андреевский собор, стал известен на всю Россию, что существенно увеличило доходы духо-

венства и причта и создало для них множество служебных возможностей. Казалось, они должны быть благодарны отцу Иоанну, но, напротив, в духовенстве Андреевского собора были те, кто не чтил своего настоятеля. В глаза наблюдателям особенно бросалось отношение к отцу Иоанну его ближайшего помощника: «Долгие годы отец Иоанн Кронштадтский смиренно переносил страшные хуления и клеветы на него от своего помощника, протоиерея и ключаря Андреевского Собора. Он мог бы попросить Святой Синод, в котором был в то время к тому же членом, перевести от него на другое место отца ключаря. Но отец Иоанн на него никому не жаловался и молчал». Как известно, отец Иоанн всегда стремился к примирению с теми, кто испытывал против него злобу, и в этом случае он хотя бы перед смертью примирился со своим сотрудником.

Не меньше чем от недоброжелателей отец Иоанн терпел от почитателей. Некоторые из них, заслужившие название «черных воронов», использовали его имя в своекорыстных целях. Среди этих почитателей выделялись псаломщики Дома Трудолюбия и иже с ними — они не только обирали самого отца Иоанна, но и собирали дань с паломников. Но отец Иоанн руководствовался тем, что: «Если Спаситель не гнал от Себя прелюбодеев и грешников и терпел возле Себя Иуду предателя, то мне ли, недостойному слуге Его, не следовать по пути Его! Я такой же грешный человек, как и вы все. Грешен и каюсь... Берегитесь гордыни!» Такие почитатели, прикрываясь именем Кронштадтского пастыря, вели образ жизни, далекий от праведности, позоря отца Иоанна в глазах общества и давая нигилистам повод глумиться над ним.

Еще один род горе-почитателей отца Иоанна — так

называемые «иоанниты». Это движение начиналось вполне невинно — почитатели отца Иоанна собирались вместе, обсуждали, как им обустроить свою жизнь в духе наставлений отца Иоанна, молились. Постепенно в этом движении выделились лидеры, которые привнесли в него хлыстовский дух. Они начали почитать отца Иоанна как воплотившегося Христа. С развитием движения в нем появились «Богородица» и «Архангел Михаил» — Матрена Киселева и Михаил Петров.

Неоднократно отец Иоанн ездил в места компактного проживания иоаннитов, пытаясь увещевать их и склонить к покаянию — неоднократно они обещали ему отстать от своих заблуждений и вернуться в Православие. Но движение лишь прогрессировало. В конце концов, по настоянию отца Иоанна иоанниты были признаны сектантами и преданы анафеме.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Последние годы жизни отца Иоанна были и утешением, и испытанием. Он продолжал пользоваться почитанием большей части общества и был окружен заботой близких. К искушениям этих лет по-прежнему можно отнести движение иоаннитов и нападки нигилистов. Серьезным испытанием стал бунт в Кронштадте в 1905 г., на время выживший его из родного дома, когда отца Иоанна обвинили в том, что он своим авторитетом не остановил волнений.

К тому времени отец Иоанн уже заболел мучительной болезнью — воспалением мочевого пузыря. Несмотря на это, он не прекращал своей деятельности: служил, проповедовал, ездил по России. Постепенно силы его таяли, мучительные боли не давали ему покоя ни днем, ни ночью. Лишь во вре-

мя служения литургии, по свидетельству самого отца Иоанна, он получал облегчение на несколько часов. Он воспринимал свою болезнь с благодарностью Богу, говоря: «Благодарю Господа моего за ниспосланные мне страдания для предочищения моей грешной души».

За несколько месяцев до кончины отца Иоанна произошло одно событие — его посетил Архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон — будущий Патриарх и святитель. Они побеседовали, затем отец Иоанн сказал:

«Теперь, владыка, садитесь вы на мое место, а я пойду отдохну».

В то время будущий святитель не понял слов отца Иоанна, и, лишь став Патриархом Всероссийским, вспомнил их.

За десять дней до кончины — 10 декабря, отец Иоанн отслужил свою последнюю литургию. По словам очевидцев: «Нельзя забыть того впечатления, которое батюшка произвел своим видом и едва слышным голосом. Паства почувствовала, что батюшка уходит навсегда. Стоны, крик, плач поднялись. Картина эта так потрясла батюшку, что он плакал, как ребенок; он велел после литургии вынести кресло на амвон и долго поучал народ, советовал помнить его заветы: молиться, любить Бога».

После этого отец Иоанн уже не выходил из дома. Священнослужители Андреевского собора ежедневно приходили к нему и причащали его на дому. Болезнь прогрессировала, и 18 декабря отцу Иоанну стало совсем плохо. Поэтому он просил придти к нему со Святой Чашей пораньше — часов в 6 утра. В этот день он еще смог встать и, надев епитрахиль, исповедаться и причаститься.

19 декабря у одра отца Иоанна собрались род-

ные, духовенство и прихожане Андреевского собора. Они приходили прощаться со своим пастырем. Среди них пришел и отец ключарь, с которым у святого были довольно тяжелые отношения: «В своем тяжком недуге отец Иоанн метался и все просил, то посадить его в кресло, то положить на постель. Отец ключарь пришел в чувство раскаяния. Совесть сильно заговорила в нем. Он пошел попросить прощения у отца Иоанна и проститься с ним. Отец Иоанн в тот момент сидел в кресле и был в полузабытии. Когда ему сказали, что пришел отец ключарь, то отец Иоанн собрал последние в себе силы, встал, подошел к отцу ключарю, поклонился ему и поцеловал ему руку. Это великое смирение так подействовало на отца ключаря, что он залился слезами и бросился в ноги отцу Иоанну». Так за день до кончины отец Иоанн наконец примирился со своим собратом.

После 12 ночи отцу Иоанну стало совсем плохо. Под утро, в последний раз причастившись, он отошел ко Господу.

Погребение отца Иоанна было исключительно торжественным. После пребывания тела в Кронштадтском соборе, оно было перевезено в Санкт-Петербург для отпевания и погребения. За гробом в Кронштадте шло около двадцати тысяч человек. На всем пространстве от Кронштадта до Ораниенбаума и от Балтийского вокзала в Петербурге до Иоанновского монастыря на Карповке стояли огромные толпы плачущего народа. Такого количества людей не было до того времени ни на одних похоронах — это был случай в России совершенно беспримерный. Похоронное шествие сопровождалось войсками со знаменами, военные оркестры исполняли «Коль славен», по всей дороге через весь город стояли войска шпалерами. Чин отпевания совер-

шал Санкт-Петербургский Митрополит Антоний, во главе сонма епископов и многочисленного духовенства. Лобызавшие руку покойного свидетельствуют, что рука оставалась не холодной, не окоченевшей. Заупокойные службы сопровождались общими рыданиями людей, чувствовавших себя осиротевшими. Слышались возгласы: «Закатилось наше солнышко! На кого покинул нас, отец родной? Кто придет теперь на помощь нам, сирым, немощным?» Но в отпевании не было ничего скорбного: оно напоминало собою скорее светлую пасхальную заутреню, и чем дальше шла служба, тем это праздничное настроение у молящихся все росло и увеличивалось. Чувствовалось, что из гроба исходит какая-то благодатная сила и наполняет сердца присутствующих какою-то неземною радостью. Для всех ясно было, что в гробу лежит святой, праведник, и дух его незримо носится в храме, объемля своею любовью и ласкою всех собравшихся отдать ему последний долг.

Похоронили отца Иоанна в церкви-усыпальнице, специально устроенной для него в подвальном этаже сооруженного им монастыря на Карповке. Вся церковка эта была красиво облицована белым мрамором; иконостас и гробница — тоже из белого мрамора. На гробнице (с правой стороны храма) лежало Евангелие и резная митра, под которой горел неугасаемый светильник. Море света от тысячи свечей, возжигаемых богомольцами, заливали дивный сияющий храм.

ЧАСТЬ II

ПОСМЕРТНЫЕ ЧУДЕСА СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

БЛАГОВЕСТ

После кончины Кронштадтского пастыря его помощь страждущим не прекратилась: чудеса по его молитвам продолжились и в дореволюционной России и по всему миру, куда после революции хлынул поток русских эмигрантов, продолжились они и в советской России, продолжаются и по сей день.

ЧУДЕСА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Прошло уже около 6 месяцев после того дня, в который Господь явил надо мной, грешным, милость Свою по молитвам приснопамятного отца Иоанна, Кронштадтского пастыря. Назад тому около пяти лет у меня появился на одной ноге сухой лишай, превратившийся потом в экзему. Экзема скоро перешла с одной ноги на другую. По совету доктора были употребляемы против этой болезни лекарства, которые облегчали болезнь, успокаивая на некоторое время зуд, но не исцеляли болезни. Сухая экзема превратилась в мокнувшую, переходила с одной части тела на другую, со ступней ног на голени, оттуда подымалась все выше и выше; переходила потом на руки, на спину; особенно беспокоила болезнь ночью; нужно было вставать в полночь, снимать бинты, старую мазь стирать, снова намазывать и бинтовать. Так было до 20 декабря 1913 года. В этот день — как день блаженной памяти отца Иоанна — я приглашен был служить литургию в Иоанновском монастыре, где погребено тело пастыря и молитвенника, достойно чтимого и по смерти.

После литургии была отслужена по обычаю и панихида в склепе, где помещается гробница почившего. С этого дня началось мое освобождение от мучительного недуга. Во весь день и вечером не потребовалось

обычных лекарств. Ночь прошла спокойно без помощи мазей. Следующий день также. К ночи хотя и были приготовлены обычные снадобья, но они уже не понадобились. Тогда мне понятно стало, что со мной совершается чудо Милости Божией, по молитвам того, кто еще при жизни прославлялся за чудодейственную силу молитв. Прошла неделя или две, я опять был у гроба моего целителя, чтобы благодарить Господа за угодника Его, которому дана сила недуги исцеляти.

С 20 декабря 1913 года до сего дня я не употреблял никаких лекарств против одержавшей меня болезни; все склянки, банки из-под лекарств, бинты и прочее остаются теперь как памятники той болезни, от которой я избавлен по молитвам приснопамятного отца Иоанна.

Сему верю и исповедую во славу Бога, дивного во святых Своих.

святитель Макарий (Невский)

***

Три года М. Я. Михеева страдала желудочной болезнью. Несчастная женщина почти не могла принимать пищу, так как, лишь пища достигала желудка, ее начинало жечь или колоть как иголками. Не только обыкновенные доктора, но и профессора Еленинского института не могли облегчить ее страдания. Единственной пищей больной могла служить молочная лапша. Но накануне захоронения тела отца Иоанна и эта пища оказалась неприемлемой для желудка.

«Мне ужасно хотелось проводить тело дорогого батюшки, — рассказывала она, — я так уважала его и верила в силу его молитвы! Я пошла на Измайловский проспект. Долго я стояла в толпе, ожидая колесни-

цы с гробом великого пастыря, молитвенника за нас грешных».

Медленно с толпой продвигалась она за гробом. Во время совершения литии около церкви св. Троицы Михеева горячо молилась.

Когда она вернулась домой, то почувствовала аппетит. Поев, она не почувствовала никакой боли в желудке. Перемена пищи, и та не вызвала прежней нестерпимой желудочной боли.

«Неужели я исцелилась, молясь об упокоении батюшки?» — подумала она.

Сомнения больше не было. Михеева решила ехать в Иоанновский монастырь поклониться праху великого молитвенника. К Иоанновскому монастырю она подъехала в 6-м часу утра. Впуск публики был уже прекращен. Однако ей все-таки удалось пробраться в храм, издали посмотреть на гроб и помолиться о дорогом батюшке.

***

Сестры М. В. Железнова и У. И. Вершинина были замужними женщинами и страдали одержимостью. Во время службы у гробницы отца Иоанна сначала с одной из сестер, а затем с другой начались приступы болезни. Они начали кричать, биться, страшные судороги сводили их руки и ноги, хульные слова вырывались из их уст.

Богомольцы и монахини поспешили на помощь к страдалицам.

«Подведите их к гробнице! Пусть приложатся; Бог милостив, и по молитвам батюшки они получат облегчение», — говорили присутствующие.

Только благодаря усилиям нескольких мужчин удалось обеих сестер подвести к гробнице. Едва они

прикоснулись к ней, как все затихло. Не слышно стало хулы, произносимой с каким-то нечеловеческим воплем. Сестры спокойно достояли панихиду и вместе с другими вышли из храма. После этого они обе совершенно здоровы.

***

В 1909 г. по всему Петербургу разнесся слух о том, что 16-летний юноша Павел Ильин, одержимый каким-то необъяснимым для науки недугом, привезен был к литургии в Иоанновский монастырь на Карповке. И здесь произошло с ним следующее. Во время Херувимской песни он вырвался из рук пятнадцати сильных мужчин, державших его, и затем по воздуху пронесся над народом к западным вратам храма и у входа в храм упал без чувств. Бесчувственного его взяли и принесли к гробнице Иоанна Кронштадтского. Здесь больной на краткое время очнулся, а затем крепко заснул. Во время сна явился ему отец Иоанн, дал ему наставления, исповедал его и велел ему ехать в Валаамский монастырь. Что именно происходило во сне, больной, проснувшись, не хотел говорить. И если бы не отрывочные фразы, сказанные вслух во время сна: «отец Иоанн, прости, помолись, исполню», то возможно, что все это скрыл бы, но когда он услышал от окружающих эти свои слова и понял, что они знают о происшедшем, то все открыл.

Вот что произошло с ним. Он увидел отца Иоанна сидящим в кресле у своей гробницы. При этом отец Иоанн сказал ему: «Ты видишь меня в таком виде, в каком меня никто не видел. Служи по мне панихиды, как то установлено Церковью. Но Великому Богу угодно меня прославить. Придет время и мне служить будут молебны».

После этих слов отец Иоанн дунул на больного, благословил его и добавил: «В свое время я скажу тебе, что нужно будет делать тебе для полного исцеления». И сказавши это, скрылся. Что же слышали в это время окружавшие больного? Они видели, как он грыз зубами мраморную гробницу отца Иоанна и диким голосом кричал: «Выхожу, выхожу, о, великий угодник и пророк Иоанн, но не совсем». Конечно, кричал это не он сам, а обитавший в нем демон. После этого Павел уже не так страдал от своей болезни.

архиепископ Феофан (Быстров)

***

Батюшка не переносил курения табака, называя это одной из страстей, пагубных для души человека, аналогично пьянству. Так он отучил моего отца, так отучил и меня. Будучи избалованным не только обстановкой жизни, но и самим собой, мне почти никогда не приходило в голову оставить эту удобную и симпатичную привычку, тем более что попытки бросить приносили всегда испорченное настроение и лишали того излюбленного комфорта «покурить», который у меня длился в течение восемнадцати лет. Курил я много. И вот однажды во время случившихся со мной тяжелых переживаний, как сейчас помню, 9 декабря 1913 года я пришел на гробницу отца Иоанна, и молитва у меня была одна: «Да будет воля Твоя». Через три дня я серьезно заболеваю двухсторонними нарывами в горле, стоившими мне чуть ли не жизни, появляется желание оставить любимую привычку курить, о чем я и сказал доктору профессору Богданову-Березовскому. Последний с недоверием отнесся к этому желанию, узнав, что я уже восемнадцать лет подвержен этой страсти, и, улыб-

нувшись, сказал: «Смотрите, поправитесь и закурите снова».

Теперь прошло уже двадцать лет, как я совершенно легко, несмотря на свою избалованность, оставил эту сильно владеющую людьми страсть. Не только сам по себе описанный факт, но и мое личное создавшееся внутреннее убеждение привели меня к ясному заключению, что Воля Божия, на которую я оперся в своей краткой, из глубины души исшедшей молитве, по святым молитвам Праведника Божия батюшки отца Иоанна избавила меня от сильно развитой страсти, которую мы, люди, из личного удобства и распущенности не любим видеть и признавать, предпочитая быть в этом отношении слепыми.

капитан I ранга С.П. Бурачок

***

Покойный адмирал Владимир Федорович Пономарев, в бытность свою командиром крейсера «Адмирал Макаров», пришел первым во время страшного землетрясения в Мессину на помощь пострадавшим жителям.

Спасая несчастных, он заразился тифом и по повелению Государя был отправлен на своем крейсере в Пирей, в госпиталь, устроенный там Королевой Греческой Ольгой Константиновной.

Два месяца муж был при смерти, выдерживая все время температуру 40,19. В отчаянии я телеграфировала моей матери, прося ее отслужить молебен о выздоровлении мужа. Она немедленно (3-го марта) отслужила молебен Казанской Божьей Матери и у гроба отца Иоанна Кронштадтского.

В ночь с 3-го на 4-е марта у больного был кризис, а через несколько дней я получила от матери письмо со

вложением листка от венка с гроба отца Иоанна, и на листочке было проставлено 3 марта 1909 г. Этот листок и в настоящее время у меня висит завернутый в бумагу у образа.

Через полтора месяца, 14-го апреля, мы двинулись с мужем из госпиталя в Петербург.

Александра Пономарева

***

Одним из поразительных случаев было исцеление моей матери по молитве отца Иоанна Кронштадтского. Я жила с семьей в доме моей матери в Полтаве, и когда две дочери мои окончили гимназию, я их отвезла на курсы в Петербург. Вернувшись домой, через некоторое время я поехала их навестить. Не успела я приехать к ним, как получаю телеграмму, что мать моя заболела воспалением легких. Ей было много за 70 лет.

Первым движением было вернуться домой, но тут же меня остановила мысль: ехать помолиться в монастырь, где похоронен отец Иоанн Кронштадтский.

Послав телеграмму, чтобы меня извещали о ходе болезни, я с дочерьми поехала к обедне. При входе в монастырь я обратила почему-то внимание на часы. Половина одиннадцатого. Монашка встретила нас и сказала:

— Обедня окончена, а сейчас будут служить панихиду на могиле отца Иоанна.

Мы спустились по лестнице в церковь, где отец Иоанн похоронен, служили панихиду по нем и долго оставались, горячо молясь о выздоровлении моей матери, а дочери — за любимую бабушку. Уехали мы с облегченным сердцем. Я стала получать успокоительные телеграммы от доктора.

Когда же я возвратилась домой и вошла в комнату матери, то после приветствия она сказала: «Ты, наверно, была на могиле отца Иоанна». Я подтвердила.

Она начала мне рассказывать, что в тот день, когда они были в монастыре, у нее был кризис и она уснула, как давно не спала. Когда же проснулась, то спросила у сестры милосердия, который час? Это было в половину одиннадцатого.

Тут она рассказала всем, кто был при ней, а потом и мне, когда я приехала, о своем видении.

«Вижу я себя в церкви Реального Училища, где мы всегда бывали, идущей по темному коридору; никого не было, только из церкви через стеклянную дверь я увидела яркий свет. Продолжаю идти по коридору и вижу старика-священника, небольшого роста, узнала, что это отец Иоанн. Подхожу под благословение. Он обнял меня и сказал: «Обедня окончена, сейчас будут служить панихиду».

«Привет тебе от твоих кровных».

Я проснулась после сладкого сна и говорю присутствующим: «Верно мои были на могиле отца Иоанна, я его видела во сне». Спросила, который час? Было половина одиннадцатого. С той поры я стала поправляться и еще жила несколько лет. Случай этот был приблизительно в 1909 году.

Ольга Васильевна Кованько

***

В конце 1915 г. я возвращался с Западного фронта в Петроград, где находилась моя семья, с которой я намеревался мирно провести свой рождественский отпуск. К моему великому удивлению, на вокзале меня встретила вся в слезах моя жена и рассказала, что

старший наш сын Александр, 3-х лет, тяжело болен и что доктор опасается за его жизнь.

Приехав домой, я застал сына в полузабытьи: ему часто давали кислород, он посинел, задыхался и т. д. Доктора находили, что он болен воспалением легких и вели соответствующее лечение. Настроение окружающих было подавленное, т. к. надежд на выздоровление ребенка было очень мало. В эти тяжелые минуты, когда не знали, что предпринимать, кто-то из домашних посоветовал мне съездить помолиться на могилу отца Иоанна Кронштадтского. Я немедленно поехал. На могиле происходили непрерывные службы. Когда дошла очередь до меня, то священник отслужил молебствие о здравии младенца Александра. Несколько успокоенный, я на извозчике вернулся домой на Преображенскую ул., № 33. У самого подъезда дома я неожиданно встретил своего доброго знакомого, который, видя мое встревоженное состояние, осведомился о причине его. Я рассказал о случившемся. Знакомый мой стал убеждать меня немедленно обратиться к другому доктору — Пивоварову, который жил на этой же улице и которого он очень хвалил.

Посоветовавшись с родными, я, невзирая на некоторую неловкость в отношении прежних врачей, отправился к Пивоварову. Он немедленно оделся и пошел со мною к больному ребенку. Осмотрев сына, доктор заявил, что его ошибочно лечили от воспаления легких, что в действительности у него круп (ларингит) и что надо немедленно вставить в горло трубку, т. к. ребенок уже задыхался. Д-р Пивоваров посоветовал на автомобиле отвезти больного в ближайшую детскую больницу, где ребенку, уже почти потерявшему сознание, вставили трубку и этим спа-

сли его от верной смерти. Затем уже приступили к лечению инъекциями и проч.

Происшедшее произвело на всех нас огромное впечатление. Мы были склонны усмотреть в случившемся не простое совпадение, а заступничество Свыше. Если бы не поехал на могилу отца Иоанна, то не встретил бы своего знакомого, а, следовательно, не удалось бы спасти от смерти сына.

Евгений Александрович Букановский

***

В первый день Пасхи 1910 года моя племянница, дочь священника Старицкого уезда Ольга Гловина (10 лет), простудилась и слегла в постель. По определению врача, больная страдала крупозным воспалением обеих половин левого легкого. Больная в агонии пролежала две недели. Положение ее было настолько отчаянное, что врач и родители ее потеряли всякую надежду на выздоровление. Мать больной сшила ей на смерть рубашку. «Но умирать больной, — пишет мне мать, — уж очень не хотелось. Сидишь около нее и видишь: вытащит из-под одеяла ручку и молится; молится и крестик свой то к губам, то к голове прижмет. Все молилась и просила: «Батюшка милый, отец Иоанн, помолись за меня!»

И вот во сне три раза являлся старец в белой камилавке, в белом одеянии, и благословил ее. Проснувшись, девочка рассказала матери, что она видела во сне. После этого видения у всех явилась твердая надежда на выздоровление больной, и, действительно, больная сразу же стала поправляться и теперь вполне здорова.

священник И. Ильигорский

***

Продолжительная чрезвычайно жаркая погода и бездождие в окрестностях Петрограда в июле месяце 1911 года имели вредное влияние на растительность. Огородники испытывали тревогу, опасаясь больших убытков. Многие из них по взаимному соглашению собрались в Петроградский Иоанновский монастырь 25 июля к ранней литургии в церковь, где почивает незабвенный Батюшка отец Иоанн Кронштадтский, и усердно просили милости и помощи Божией. После литургии был отслужен молебен и прочитана молитва с коленоприклонением о ниспослании дождя. В 10 часов утра труженики-земледельцы (проживающие на Выборгской стороне Петрограда) вышли из храма Божия, надеясь на ходатайство молитвенника Русской земли, к которому так часто обращались за помощью при его жизни, утешались его молитвами, его благословением, его наставлениями. Что же? Во втором часу дня, в тот же день, над Петроградом пролился обильный дождь и возвеселил лицо земли жаждущей, а после опять более недели стояла жаркая погода.

Замечательно и то, что дождь был особенно обильным над Петроградом, а верстах в 14-и, например, в Парголове, в тот день дождя не капли не было.

огородники с Выборгской стороны из Старой и Новой деревни

ЧУДЕСА СРЕДИ РУССКОГО РАССЕЯНИЯ И ПО ВСЕМУ МИРУ

Блаженной памяти отец Иоанн Кронштадтский чудодействует и по кончине. В 1910 г., когда я уже был в Женеве, сильно заболела моя 8-летняя дочь. Долго не могли установить болезни, а когда установили, что у девочки внутренний нарыв в нижней области живо-

та, то уже опасались оперировать ее. Страдания дочери были невероятные, она должна была неподвижно лежать на спине, не могла принимать никакой пищи, в сильном жару не смыкала глаз несколько дней и ночей. В таком положении я должен был оставить свою девочку, отъезжая для церковных служений в церковь города Веве, приписанную к Женевской церкви. Дорогою я читал «Церковные Ведомости» и там нашел сообщение одного священника о том, как его дочь чудесно исцелилась молитвою его к покойному Батюшке отцу Иоанну Кронштадтскому. Рассказ вызвал у меня невольные слезы, и мое сердце молитвенно обратилось к душе почившего Батюшки отца Иоанна, умоляя об облегчении страданий моей дочери. В таком молитвенном в душе обращении к отцу Иоанну я оставался за всеми совершавшимися служениями в Вевеском храме и в продолжение всего обратного пути. Прибыв к квартире, тихо, с замиранием сердца звоню у парадной двери. Отворяет матушка и шепотом говорит, что дочь часа полтора, как заснула, спит спокойно. Прошло еще около двух часов до того, как девочка проснулась. Проснулась она в обильнейшем поту и облегченно возвестила, что ей хорошо. И действительно, температура пала с 40° на 37°, нарыв оказался прорвавшимся с выходом в мочевой проход.

Доктор радостно объявил положение девочки безопасным... Слава Богу, благодеющему нам во веки веков! Аминь.

протопресвитер Сергий Орлов

***

Служа на приходе в Сербии, иногда я приезжал в один наш женский монастырь помолиться.

В одно из таких посещений, возвращался я после вечерни к себе в гостиницу. Недалеко от гостиницы я нечаянно оступился и вдруг почувствовал такую нестерпимую боль на правой ноге, что почти не мог ходить и, едва передвигаясь, дошел до своей комнаты. Как ни болела нога, я не обратил особенного внимания, думая, что я ушиб ногу и все должно пройти, но, видимо, ошибся: нога не переставала болеть; так провел я вечер, пришла и ночь, нога все болит, пора ложиться отдохнуть; попытался снять сапог с больной ноги, но нельзя не только снять обувь, но и пошевелить ногой: болит страшно, пойти некуда, сказать некому, ночь темная, тишина глубокая.

Вижу, дело плохо. Хотелось завтра пойти в монастырскую церковь на все службы, начиная с полунощницы и кончая Божественной литургией, а потом предстоял далекий путь — в свое отдаленное место службы. Перспектива оказаться больным вдали от своего места и столь неожиданно не улыбалась никак. Напало раздумье, заскорбел я, думаю — что-то будет? И что же я должен делать?.. Вдруг пришла неожиданно мысль: обратиться немедленно к отцу Иоанну Кронштадтскому.

Я взмолился: «Упокой, Господи, душу верного раба Твоего и великого угодника Твоего — отца Иоанна. Батюшка дорогой, отец Иоанн, помоги мне, исцели меня!»

Только я это сказал, не почувствовал никакой боли, встал и прошелся по комнате, тоже никакой боли не чувствуя — как будто ничего и не бывало.

От всей души возблагодарил я Господа и Его великого угодника и чудотворца батюшку отца Иоанна.

Дивен Бог во святых Своих!

священник Николай Базбай

***

Мой сослуживец по чертежной Отделения Кадастра капитан Илья Петрович Мишин, военный топограф, не мог прокормить семью, состоящую из жены и двух сыновей, на скудное жалованье чертежника, поэтому ежедневно прямо со службы, без обеда отправлялся на частную чертежную работу на окраине Белграда, называемой Дединье, и крайне утомлялся, особенно потому, что был в то время болен язвой на двенадцатиперстной кишке.

Однажды, около года тому назад, приблизительно в 1939 или 1940 г., с ним на работе случился обморок. Его в карете скорой помощи отвезли в Державную больницу.

Узнав об этом, сослуживцы, которые очень любили г. Мишина, отправились в больницу справиться о состоянии его здоровья и получили от врачей ответ, что язва прорвалась и гной вытек в полость живота и что поэтому 99 процентов за то, что он умрет. Профессор-хирург требовал немедленной операции, но больной, пришедший в сознание, наотрез от операции отказался.

Услышав об этом, один из горячих почитателей отца Иоанна Кронштадтского обратился к нему с молитвой приблизительно такого содержания: «Святый великий чудотворец, отче Иоанне Кронштадтский, ты тысячи чудес сотворил и творишь доселе, умоли Христа и исцели и этого безнадежно больного Илию, ради его семьи, ради того, что он сумел воспитать прекрасного юношу-сына поэта, который, никогда не видавши родины, пишет о ней стихи, полные любви к ней и патриотизма; исцели его и укрепи и сделай совершенно здоровым и сильным духом и телом на радость семье».

И, как говорят люди века сего, случайно случился случай, что гной рассосался и г. Мишин выздоровел.

Я. Б. Ильяшевичъ

***

Я знаю, что многие, прочтя это, улыбнутся. Но дело было так: два года тому назад моя жена лежала в Сайденхем-госпитале в Нью-Йорке. Я каждый день навещал жену.

Ее соседка по палате была молоденькая итальянка — лет восемнадцати.

И каждый день я наблюдал печальную картину. Вокруг постели девушки в приемные часы стояли родственники и молодой парень-жених и плакали. И было от чего плакать. Девушка таяла у всех на глазах. Она страдала какой-то изнурительной желудочной болезнью, истекая кровью. Дня за три перед тем, как выписаться из госпиталя, моя жена обратилась ко мне с просьбой.

— Знаешь что, — сказала она, — мне ужасно жаль эту молодую девушку. Она такая славная, и при том она невеста. А доктор сказал мне, что только чудо может спасти ее, так как слишком много крови она потеряла. Я рассказала ей о твоей истории с отцом Иоанном Кронштадтским и о том, что у тебя есть его подрясник, и вот она теперь умоляет тебя привезти сюда этот подрясник. Она ведь очень верующая. До фанатизма.

Я посмотрел в ту сторону, где лежала умирающая, и действительно увидел две пары умоляющих глаз. То были ее глаза и глаза ее матери, стоявшей у ее постели. Обе итальянки догадались, о ком идет разговор и внимательно следили за нами.

Надо было видеть, как расцвели их лица, когда в знак согласия я кивнул головой.

Шелковым подрясником на гагачьем пуху, подаренным покойным отцом Иоанном, я и покрыл больную итальянку на другой день после разговора с женой. Накрыл и вместе с ней помолился. Она заразила меня своей верой.

Через два дня я приехал в больницу, чтобы взять жену. Постель итальянки была пуста.

— Что, умерла? — спросил я у жены.

— Какое там, — засмеялась она.— Твой подрясник совершил чудо. Она выписалась и заявила, что больше болеть не будет. И вот тебе гонорар, который она просила передать тебе.

Я развернул пакет. В нем оказалась бутылка прекрасного итальянского вермута.

С. В. Животовский

***

У меня есть фотография отца Иоанна с надписью-благословением. Эту карточку я давал несколько лет назад, т. е. в 1925 г., девочке Андрея Николаевича Шмемана, которая была тяжело больна, лежала в клинике с каким-то внутренним нарывом. Я не оставлял ее там навсегда, а давал на время. Раз ночью А. Н. Шмеман разбудил нас, прося дать ему карточку, так как его дочери делалось хуже, когда я карточку уносил. Девочка поправилась. Когда карточка была у нее, нарыв неожиданно прорвался и очистился от гноя. Родители убеждены, что девочка спаслась благодаря заступничеству отца Иоанна.

Петр Дмитриевич Голицын

***

В июле прошлого 1940 года мой сын Лев заболел острой формой ишиаса. Были перепробованы все

средства (инъекции, растирания, лекарства, использованы доктора и т. д.), но ничто не помогло. Тогда одна дама посоветовала мне обратиться к протоиерею отцу Иоанну Сокалю, которого я хорошо знал; я просил его отслужить молебен, что он исполнил, отслужив его с возложением на больного части платка отца Иоанна Кронштадтского. Через два дня сын совершенно поправился и до сих пор, благодаря Бога, совсем здоров. Я лично относился до сего случая ко всякого рода чудесам довольно скептически. Давно не исповедовался и когда явился к отцу Иоанну, то заявил ему о своих взглядах, но он сказал, что раз я пришел, то этого достаточно. Да поможет Бог моему неверию.

Леонид Иванович Иванов

***

В 1933 г. на шестой неделе Великого поста я приехала к своей приятельнице К. Н. Барташевич с целью поговеть в русской Белградской церкви.

В Вербное воскресение я причащалась и в тот же вечер уехала в Смедерево. Была ранняя весна. Будучи слабого здоровья и страдая болезнью легких, я простудилась и во вторник на Страстной неделе слегла в постель с высокой температурой. Помню, как ночью мне все снился какой-то «священник-монах», в черном подряснике, подпоясанный широким кожаным ремнем, с черной бархатной скуфейкой на голове. Он склонялся, порой вытягивал и простирал надо мной свои руки и убедительно что-то говорил. Я металась, просыпалась и терзалась тем, что ни одного его слова не могла запомнить, засыпала опять, и опять тот же старец-священник мне снился.

Наконец, я с отчаянием обратилась к нему: «Слов твоих понять и запомнить я не в состоянии, скажи

же мне кто ты и как тебя зовут?» И на это получила ответ: «Я Иоанн Кронштадтский, запомни, я Иоанн Кронштадтский!» И я запомнила...

Ночь мне казалась необыкновенно длинной — я засыпала и просыпалась со страхом: как бы не забыть его имя. Под утро забылась крепким сном. Проснулась без температуры, но со страшной слабостью во всем теле.

Вспомнила про сон и сейчас же обратилась к мужу с вопросом, не знает ли он, кто такой был Иоанн Кронштадтский и вообще был ли такой человек?

«Да, это был священник благочестивой жизни», — ответил муж.

Я задумалась над этим и начала искать ответ на мой сон.

Самый лучший ответ дал мне Архиепископ Нестор в своей лекции, посвященной памяти отца Иоанна Кронштадтского, на которую я специально приезжала в Белград и с большим вниманием следила за словами Владыки.

Мне так хотелось с ним поговорить, но не хватало храбрости, была взволнована и буквально задыхалась от переживаемых чувств.

Я стала постепенно замечать, что моя легочная болезнь перестала меня беспокоить и стала забывать врачей, лекарства и санатории.

Мария Николаевна Гришина

***

Однажды мать Ирины Борисовны Макаровой-Ренненкампф заболела диабетом и была приговорена медициной. Она тогда дала обет — если её мама выздоровеет, она построит часовню в честь Святого Иоанна Кронштадского, которого она особо почитала. Мать чудом исцелилась. Не имея никакого опыта в

этой отрасли, Ирина Борисовна, буквально собственноручно, воздвигла часовню, которая была освящена к 1000-летию крещения Руси.

ЧУДЕСА В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Я родился здесь, в Петербурге, в благочестивой семье. Мой отец был священником. Жили мы в послевоенном Ленинграде очень бедно, стеснённо, в коммунальной квартире... И вот однажды я занемог, и болезнь была очень тяжёлой. Лет мне было пять отроду, а диагноз поставили суровый: воспаление лёгких. И болезнь не оставляла! А в комнате нашей, где было совсем мало мебели и никаких украшений, на стене висела фотография отца Иоанна Кронштадтского. Даже, может быть, не фотография, а цветная литография... Он был изображён на ней в малиновой бархатной рясе с голубыми отворотами. Я в те годы очень любил рассматривать эту картинку. И вот когда мне стало совсем плохо, мама дала мне её в руки. Я не помню, что я говорил, не помню, как я молился, только помню, что этот портрет Батюшки был всё время со мной — и днём, и ночью. И не прошло и трёх дней, как я совершенно выздоровел. Но следовало ещё переждать некоторое время, нельзя было ребёнка сразу на улицу выпускать: дело было зимой. Я просил маму поехать на Карповку. Она взялась было меня отговаривать, а потом сказала: «Поедем, сынок!..» И вот ещё совсем слабенький, в том состоянии, когда нужно сидеть дома, в тепле, я приехал сюда с мамой и встал у всем известного окошечка, под зорким взглядом дежурившего неподалеку милиционера. И мы поблагодарили отца Иоанна за всё!

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

***

Владыка Мелитон, епископ Тихвинский, викарий Ленинградской епархии (скончался в 1986 году) с юных лет весьма почитал отца Иоанна Кронштадтского. В 1930 гг. он — протоиерей Михаил Соловьев (так звали владыку в миру) — был арестован и содержался в известном доме на Литейном. Как рассказывал он впоследствии: «Во сне ко мне является отец Иоанн Кронштадтский и говорит: «Исповедуй меня». Я говорю: «Батюшка, да что вы?! Как же я буду исповедовать Вас?!» А он настойчиво повторяет: «Исповедуй меня». Мне пришлось повиноваться, он наклонил голову и назвал несколько незначительных грехов... В тот же день вызвали меня в «серый дом». Между прочим следователь спросил: «Вы почитаете отца Иоанна Кронштадтского?» Отец Михаил понимал, что утвердительный ответ грозит ему серьезной мерой наказания. Но ответил бесстрашно: «Почитаю». «Вы почитаете его, как святого?», — продолжал следователь. Отец Михаил понимал, что это может быть «вышка». «Да, я почитаю его, как святого». Тут неожиданно следователь открыл ящик стола и достал оттуда фотографию Иоанна Кронштадтского. «А вы могли бы сейчас поцеловать эту фотографию?» — продолжал допрос этот необычный следователь. При этом следователь подал мне небольшую фотографию батюшки. «Да, — говорю, — могу». Отец Михаил перекрестился и поцеловал фотографию Иоанна Кронштадтского. Следователь дописал протокол допроса, поставил точку и сказал: «Можете идти, вы свободны». И отпустил меня. И только, выйдя на улицу, отец Михаил вспомнил этот сон: «Исповедуй меня». И он действительно исповедал отца Иоанна Кронштадтского, и тот явил ему дивное чудо.

***

В моей жизни тоже было явное чудо. В 1964 году был очень тяжело болен мой муж Виталий. Врачи – аллопаты и гомеопаты (их было в разное время приглашено 11 человек) приговорили его к смерти, утверждая: «Такое сердце мы не лечим. Ему осталось жить месяц». Это было 13 октября. Я в горе спросила: «Только?» Один из врачей ответил: «Ну, может быть, 2-3 месяца». Когда прошёл месяц, я стала просить Бога, если возможно — а Богу всё возможно — дать ещё один месяц жизни для моего мужа. Слава Богу, прожил он и второй месяц. Остаётся последний месяц. 2 января — день памяти отца Иоанна. Решила поехать к храму на Карповке, оставив дома больного мужа. Приехала в храм в 9 часов утра, был сильный мороз. Подошла к окошечку, где Батюшкина могилка, стою на коленях в слезах и прошу его помолиться Господу, чтобы продлил жизнь мужа, знаю, что прошу невозможного, что все сроки прошли, я должна быть и так благодарна, что муж ещё жив. Еду домой в страхе: застану ли Виталия живым? Увидела же его повеселевшим. И с того дня, слава Богу, он стал понемногу поправляться. Врачи также отказывались его лечить. Но по великому Милосердию Божьему и по молитвам отца Иоанна мой муж прожил до 1994 года, то есть ещё тридцать лет после приговора врачей. Умер он на Светлой седмице, в день своего Ангела, сразу после Святого Причастия.

Татьяна Николаевна Алихова

***

Как-то пришлось возвращаться из Кронштадта автостопом. Остановился белый «жигуленок», за рулем коренной кронштадтец. До Питера езды минут

сорок. Разговорились с водителем (к сожалению, не запомнил его имени) о Батюшке отце Иоанне. Бытует мнение, что сами кронштадтцы не очень почитают Батюшку Иоанна. Поэтому я осторожно спросил: «А вы знаете Дом Батюшки Иоанна в Кронштадте?» Водитель тут же ответил: «Еще с детства помню. Там же пацаны бомбу нашли». И рассказал удивительную историю, которую нужно включить в чудеса Иоанна Кронштадтского. «Это было лет тридцать назад. Да вы спросите старожилов — должны помнить. Пацаны любили лазить по чердакам, разные игры придумывали... И вот в доме, который как раз примыкает к Дому отца Иоанна, такой красивый трехэтажный, на чердаке в самом углу нашли большую немецкую бомбу. Еще с войны осталась. Как она не взорвалась – непонятно. Вечером о находке узнали родители. Не поверили. Полезли на чердак — и ахнули. На другой день саперы всех жильцов эвакуировали. Район оцепили. Дом отца Иоанна тоже освободили. А пацаны с дальних крыш подсматривали. Бомбу вывозили на тихом ходу и рванули где-то в заливе. Если бы рвануло на крыше, от Дома Иоанна Кронштадтского ничего не осталось бы». Я пораженный этим простым рассказом, подумал: «По естественным действующим в этом мире законам Дома Батюшки не должно было быть. Какое благое чудо, что он есть!» Водителю сказал: «Да, любит свой Дом Батюшка Иоанн, не забывает... Приходите обязательно посетить его Святую Квартиру».

Протоиерей Геннадий Беловодов

***

В 12-летнем возрасте Олег Суторин сильно обморозился. С тех пор боли в костях преследовали его,

руки и ноги мерзли даже в теплую погоду так, что приходилось круглый год носить варежки и шерстяные носки, кроме того, кожа в этих местах обморожения приобрела пунцово-красный цвет. Отслужив в армии, юноша приехал в Петербург навестить друга, и тут его снова настигла болезнь — кости так разболелись, что Олег ночами не спал. Перед отлетом домой в Архангельск, мать Олега, Галина Александровна, живущая в Петербурге и являющаяся искренней почитательницей святого Иоанна Кронштадтского, помазала маслом от гробницы святого болевшие руки и ноги сына. Прилетев в Архангельск, Олег обнаружил, что боли в костях исчезли, а кожа стала нормального бледно-розового цвета. Теперь он может ходить без варежек хоть в мороз. Историю своего исцеления Олег рассказал сам, посетив монастырь в 1994 г. на Рождество Христово. Молясь в Усыпальнице святого, он благодарил за милость, явленную ему.

***

Случай исцеления Валентины Красавцевой поразителен! 5 декабря 1990 г. Валентину Николаевну с приступом желчно-каменной болезни увезли в больницу. При операции у нее обнаружили в печени раковую опухоль в очень запущенном состоянии. Предварительный диагноз гласил: «цирроз печени и аденома поджелудочной железы 4 степени». С начала марта 1991 г. больная помещена на обследование в НИИ онкологии им. проф. Н. Н. Петрова в пос. Песочном.

16 апреля 1991 г. консилиум врачей пришел к заключению: «Раковая опухоль забрюшинного пространства. Множественные метастазы печени». И далее, с пометкой «на руки больной не давать!», заключение:

«Размеры и распространение опухоли не позволяют выполнить радикальное оперативное вмешательство, по своей гистологической структуре опухоль не может быть подвергнута лучевой терапии. Больная выписана под наблюдение онколога». Домой, умирать...

А ведь Валентине Николаевне всего лишь 46 лет, у нее двое детей, младшему — 8 лет. Ко времени выписки у больной уже начался сильный токсикоз, постоянно кружилась голова, Валентина Николаевна не могла самостоятельно передвигаться. Сильнейшие приступы боли выматывали последние силы. Больной был назначен курс химиотерапии, однако Валентина Николаевна выпытала у врачей, что жить ей осталось, примерно, полгода. Бедная женщина впала в неописуемое отчаяние.

«Ну, что ты кричишь? — однажды сказала ей соседка по палате — у вас же на Карповке монастырь Иоанна Кронштадтского. Сходи туда!». И в конце апреля, прежде бывшая неверующей Валентина Николаевна, опираясь на руку матери, пошла в монастырь. Добралась с трудом, хотя жила совсем рядом. Подошла ко священнику, попробовала перекреститься. «Я — умирающий человек...» — начала Валентина Николаевна и подробно поведала о своем горе. Священник посоветовал ей причаститься Святых Христовых Тайн. Через 4 дня, впервые в жизни покаявшись, Валентина Николаевна причастилась. Потом вместе со всеми пошла на молебен в усыпальницу и долго там молилась и плакала. Еще несколько раз в течение месяца ей удавалось приходить в монастырь и просить помощи и исцеления у святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Всего лишь через полтора месяца после первого визита Валентины Николаевны в Иоанновский мона-

стырь в медицинской карте появилась запись, датированная 13 июня 1991 г: по данным УЗИ «объемных образований под печенью в настоящее время отчетливо не выявляется». Повторные УЗИ, проведенные 12 августа и 26 сентября, вновь подтвердили отсутствие образований в печени. И вот, 3 октября 1991 года в медицинской карте появляется необычайно эмоциональная (что не характерно для подобного рода документов) запись онколога: «На данный момент, если ориентироваться на УЗИ (а именно эхография объектировала опухолевое поражение), больная излечена от опухоли? От какой? За счет чего произошла регрессия опухоли?» — не скрывает врач своего удивления, и далее, перебрав все возможные причины столь радикального улучшения, ни одну из них не признает удовлетворительной.

Но сама Валентина Николаевна прекрасно знает истинную причину исцеления — это явление милости Божией по молитвенному ходатайству святого праведного Иоанна Кронштадтского. С момента чудесного исцеления прошло уже несколько лет. В настоящее время Валентина Николаевна — постоянная прихожанка Иоанновского монастыря, бодрая и энергичная.

***

Житель Подмосковья Владимир Котов в течение целого года страдал от сильных болей в правой руке, а к весне 1992 г. она почти перестала двигаться. Он неоднократно обращался к врачам. Те установили предположительный диагноз — тяжелый артрит правого плеча, но существенной помощи оказать не сумели. Сам Владимир Васильевич, потеряв надежду на излечение, стал усердно молиться Богу, испрашивая облегчение в болезни. Однажды ему в руки попалась

книга о святом праведном Иоанне Кронштадтском; читая ее, Владимир Котов поразился тем дивным исцелениям, которые совершал Господь по молитвам великого праведника.

«Вот бы и мне поехать на Карповку в монастырь, а Батюшка меня бы исцелил», — подумал он в простоте сердца. Поездка в Санкт-Петербург устроилась, и 19 августа 1992 г. на Преображение Господне, Владимир Котов вместе со своим другом молился в Иоанновском монастыре, исповедался, причастился, отслужил молебен святому праведному Иоанну Кронштадтскому и смазал больную руку, освященным маслом от гробницы святого. По окончании богослужения друзья, выйдя из монастыря, направились к трамвайной остановке. Владимир повесил сумку на правое плечо, и аккуратно уложил на нее беспомощную руку, как это обычно он делал в последнее время. При ходьбе сумка начала спадать и он машинально поправил ее правой рукой, не почувствовав никакой боли. Остановившись как вкопанный, еще не веря самому себе, он снова начал двигать рукой. Она оказалась совершенно здоровой. Друг Владимира Котова — свидетель этого чудесного исцеления. Теперь Владимир Васильевич регулярно бывает в монастыре. Когда он был там последний раз, его спросили: «Как рука?» — «Слава Богу, все хорошо, — ответил он, — приехал к Батюшке помолиться».

***

11 ноября 1996 года около 10 часов утра Ваня (2 года 7 месяцев), оставшись один на кухне, добрался до сердечного лекарства. Когда я вошла, он доедал последнюю таблетку и по моим подсчетам съел их штук семь. Была вызвана «скорая», сделано промывание, но врач сказал, что, судя по всему, препарат уже впи-

тался, и он бессилен что-либо сделать, ребенка надо срочно везти в больницу. Еще дома Ваня потерял сознание. В больнице его положили в реанимацию. Как мне потом объяснил врач, Иванушка съел дозу препарата, являющуюся для него смертельной, и мог наступить паралич дыхательных путей. Врач, дежуривший в реанимации, в 12-00 вышел и сказал, что не может обещать, что мой сын останется жив, и просил подойти в 6 часов вечера, когда все прояснится.

Около 3-х часов дня я приехала в монастырь к Батюшке Иоанну Кронштадтскому, так как поняла, что больше идти некуда и не к кому. Вышел отец Дмитрий, который, узнав о случившемся, стал служить молебен Пресвятой Богородице и святому праведному Иоанну Кронштадтскому. После молебна отец Дмитрий сказал: «Будем надеяться, что все будет хорошо».

В 6 часов вечера я подошла к реанимации, страшно боясь услышать, что Вани уже нет, но очень сильно надеясь на заступничество Пресвятой Богородицы и Батюшки. Вышел врач и сказал: «Ваш сын будет жить». Слава Богу!

А на следующий день Ваня уже бегал, как ни в чем не бывало.

Елена: свидетельство о спасении сына

***

Боже, милостив буди мне грешному!

14 августа 1996 года со мною произошло исцеление от страшных болей и колик в правой почке.

10 августа прямо с работы я был увезен на «скорой» в больницу. Была суббота, и два дня до прихода врача я терпел приступы боли. 12 августа врач, осмотрев меня, назначил обследование.

На следующий день я обратился за молитвенной помощью к Батюшке Иоанну Кронштадтскому через жену Нину. Она принесла масло из лампадки в усыпальнице Батюшки, и 14 августа, в 15 часов мы помолились и помазали больное место. В то же мгновение боль прошла, и через два часа вышли очень мелкие камни, легко и просто.

Надо сказать, что двое суток, 12 и 13 августа, я пил льняное семя через каждые два часа, но приступы, однако, повторялись все чаще и чаще. А при прикосновении масла из лампадки Батюшки Иоанна боль исчезла сразу!

Евгений

***

В 1992 году я заболела депрессивной язвенной болезнью желудка и двусторонним воспалением легких. Сильные боли и слабость не давали покоя. Я не могла вкушать пищу: мешали тошнота и боль, теряла сознание. Молитвы не шли. Только вспоминала одну-единственную молитву — Иоанну Кронштадтскому. Поняла, что надо срочно брать билет и ехать в Санкт-Петербург, в святую обитель отца Иоанна. Попросила помолиться своего духовного отца и в сопровождении двоюродной сестры (моей духовной матери) приехала в Петербург. С трудом добралась до монастыря. Три раза подряд посещала литургию, заказывала молебен святому праведному Иоанну Кронштадтскому и прикладывалась к святым мощам. На третий день исчез страх, прошла боль. Я съела суп — и меня не тошнило, вернулись силы и бодрость. Снова появилось желание работать и как можно чаще ходить на исповедь.

С тех пор каждый день благодарю Батюшку Иоанна Кронштадтского, каждый день молюсь ему и

утром, и вечером; читаю ему Акафист и все свободное время пою тропарь, и за все благодарю Господа. Дарю всем его иконы и Акафист, прошу всех молиться ему в любой ситуации. Ведь он говорил, что земных врачей надо ждать часами, и, когда придут, неизвестно, помогут ли; а святые угодники Божии приходят на помощь мгновенно. И много-много раз призывая на помощь отца Иоанна, я в тот же день получала исцеление.

В 1993 году у меня было сильное отравление. Я не могла подняться с постели, а только твердила: «Отче Иоанне, Батюшка миленький, приди на помощь, исцели меня, прости меня, грешную, и помолись за меня Господу, не оставь в своих святых молитвах. Некому больше мне помочь, только ты и Владычица Пресвятая Богородица, скоро услышьте меня и придите на помощь». Через несколько часов я встала, смазала маслом от святых мощей горло и живот мелкими крестиками свечой со словами: «Святый праведный отче наш Иоанне, моли Бога о нас». Несколько капель закапала внутрь, в горло. И очень скоро мне стало лучше.

В 1994 году у меня появилась опухоль на ноге в виде твердой шишки, было больно ходить. Моя сестра сказала, чтобы я срочно шла к врачу, так как это может быть тромб. Я на ночь помазала эту опухоль маслом Батюшки Иоанна Кронштадтского со словами: «Господи! По молитвами святого праведного Иоанна Кронштадтского исцели меня!», и прочла Батюшке сорок раз тропарь. Заснула, а утром, когда проснулась, то от опухоли и следа не осталось. Слава Богу за все!.

Ольга

***

Николай Иванович работал на одном из оборонных предприятий. Во время испытаний взорвалась ракета,

пострадало несколько человек. Николай Иванович получил сильнейший ожог — 53% поверхности тела, была обожжена даже полость рта. Никто не предполагал, что с такими повреждениями человек может остаться в живых. Между тем его родственница (мать его зятя), Евгения Васильевна, пришла в Иоанновский монастырь и со слезами поведала об этом горе. Монахини сказали, что ей нужно отслужить молебен святому Иоанну Кронштадтскому, принесли маслице из его усыпальницы, и, дав совет твердо уповать на помощь Батюшки, обещали молиться за болящего и сами.

Николая Ивановича стали смазывать целебным маслом. Мало кто верил в его выздоровление: ведь он был «весь как головешка». Однако случилось чудо: через несколько месяцев Николай Иванович выписался из больницы здоровым и продолжает работать. Евгения Васильевна приходила в монастырь рассказать об этой милости Божией и поблагодарить Бога и Его угодника Иоанна за исцеление своего сродника.

***

В семье Василевских смертельно заболел единственный сын, десятилетний Сережа. Осенью 1992 года у мальчика начались сильные головные боли. Ребенок был положен на обследование в нейрохирургическое отделение областной больницы г. Мурманска. Ядерная томография выявила опухоль головного мозга. Врачи не стали скрывать от потрясенных родителей, что при таком заболевании дети обычно умирают или остаются инвалидами.

В начале января 1993 года Сережа был направлен в Санкт-Петербургский нейрохирургический институт им. А. Л. Поленова. Предстояла тяжелейшая операция. Надежды на излечение практически не было.

В отчаянии родители обратились к Богу, хотя прежде они были практически неверующими.

Прежде чем выехать в Петербург, Василевские пришли в Мурманскую церковь, один из клириков которой, узнав об их беде, рассказал о святом праведнике Иоанне Кронштадтском и о дивных исцелениях, бывших по его молитвам, и посоветовал обратиться в Иоанновский женский монастырь в Санкт-Петербурге, где покоятся под спудом мощи великого пастыря.

В монастырь они попали на следующий день, 12 января, к вечерне и сразу обратились к священнику с вопросом: «Что делать?». Тот рассказал им о необходимости исповеди и причастия и посоветовал со всем усердием молиться отцу Иоанну Кронштадтскому. На следующее утро все трое, впервые принеся покаяние, причащались. В этот же день мальчика положили в больницу.

Предварительные анализы подтвердили наличие опухоли. Каждый день муж и жена Василевские приходили в усыпальницу и молились перед мощами Кронштадтского праведника. Сережа в больнице тоже молился, просил Бога об исцелении.

Несколько раз Василевская приходила к гробнице святого праведного Иоанна Кронштадтского, испрашивая его молитвенного заступления. Позже она вспоминала: «Однажды ночью мне приснился очень старый седой Старец. Я стояла с Сережей и плакала, просила его, чтобы он исцелил моего сына. Он долго слушал меня, и я очень боялась, что он откажет мне. Но он встал, подошел к Сереже и стал что-то говорить и гладить его по головке. Что он говорил, я не слышала. Но проснулась я впервые за 2 месяца очень счастливой и радостной, и почему-то я уже в душе точно знала, что Сережа будет здоров!»

Через два дня, 21 января 1993 года, ребенка направили на повторную томографию мозга в диагностический консультативный центр N1 Санкт-Петербурга. Компьютерная томография показала невероятное – опухоли не было!

Удивлению врачей и радости родителей не было предела. Мальчика выписали из больницы здоровым. Вскоре все трое снова причащались в Иоанновском монастыре. Как сияли глаза Григория Андреевича, когда он рассказывал о чудесном исцелении сына!

Через год Сережин папа приезжал в монастырь, молился в усыпальнице, принося благодарение Господу Богу, Матери Божией и Батюшке Иоанну Кронштадтскому за избавление от беды. Рассказал, что сын здоров, учится в школе, головные боли больше его не мучают.

***

Среди свидетельств о чудесной помощи святых самыми яркими, запоминающимися становятся обычно случаи исцеления. Действительно, выздоровление безнадежно больного человека поражает воображение. Но мы обращаемся к святым и в других трудных обстоятельствах жизни, просим устроения бытовых, житейских дел. В таких случаях действие воли Божией и чудесная помощь святых не всегда очевидна постороннему взгляду, но сами люди, получившие по своей вере оправдание надежд, знают с несомненной уверенностью, кто услышал их и помог им. Если человек просит помощи у святого с твердой верой и смирением, и если просимое полезно и спасительно для него — помощь непременно придет, и прежде неразрешимые проблемы и обстоятельства вдруг разрешатся словно бы «сами собой».

Такая внешне никак не объяснимая история произошла с петербургской студенткой Светланой Г. Она училась в Полиграфическом институте, но оставила учебу, вышла замуж, однако Бог не давал супругам детей. Светлана пошла работать в Дом ребенка, и вскоре поняла, что ей необходимо получить более глубокие знания для работы с детьми. Она обратилась к декану одного из педагогических вузов Петербурга с просьбой о зачислении ее на вечернее отделение переводом из прежнего института, но получила отказ. Светлана сходила к декану второй раз, но снова услышала в ответ: «Это невозможно. Нет мест. Перевести Вас на третий курс вечернего отделения не могу».

В июне 1996 г. Светлана пришла в монастырь на Карповку, не думая специально о какой-либо просьбе. Она помолилась за литургией, причастилась Святых Тайн, а после молебна, прикладываясь к гробнице Батюшки, неожиданно для себя самой попросила не о здоровье, а о том, чтобы отец Иоанн помог восстановиться в институте. После этого она сразу же поехала в педагогический институт. Полтора часа Светлана ждала приема и уже собиралась уходить, когда ее пригласили в кабинет. Как только она вошла, произошло нечто странное и совершенно неожиданное: увидев девушку, декан сразу сказала: «Садитесь, пишите заявление о переводе». Для Светланы было полнейшей неожиданностью встретить такую заботу после двух категоричных отказов. «Было такое впечатление, что декан сама не вполне понимала, что делает, рассказывала она. У меня не было никаких сомнений, что мне помог сам Батюшка».

ЧАСТЬ III

ВОСПОМИНАНИЯ О СВЯТОМ ПРАВЕДНОМ ИОАННЕ КРОНШТАДТСКОМ

ЕПИСКОП АРСЕНИЙ (Жадановский)

Отец Иоанн Кронштадтский

Господь судил мне принять монашество по молитве и заочному благословению отца Иоанна Кронштадтского. Поступив в Духовную Академию (в 1899 году), я стал искать случая повидаться с ним в Москве, куда он нередко приезжал для служения Божественной Литургии и посещения больных. Вскоре Господь исполнил мое желание. Мой товарищ Илия Абурус, впоследствии настоятель Антиохийского подворья архимандрит Игнатий, отправляясь однажды к своему покровителю Преосвященному Трифону, епископу Дмитревскому, у которого отец Иоанн вознамерился служить в крестовой церкви, захватил с собой и меня. В названном храме состоялось первое мое молитвенное общение с великим пастырем. Это было мне так дорого, что до сих пор я питаю чувство признательности к отцу Игнатию и всем тем, кто способствовал потом моему сближению с отцом Иоанном. Таковыми, между прочим, были Александр Семенович и Елена Михайловна Мироновы и особенно Вера Ивановна Перцова.

По переходе из Академии в Москву (в 1903 году) я уже довольно часто виделся и служил с батюшкой. О каждом его приезде мне сообщали благожелатели. Так, я имел утешение совершать с ним Божественную литургию в общинах «Утоли моя печали», Иверской, в Боевской богадельне и на Антиохийском подворье.

Припоминаю порядок и особенности служения отца Иоанна. Он приезжал прямо в храм, боковыми дверями входил в алтарь, опускался на колени перед престолом, возложив на него руки, находился в таком положении иногда довольно долго. Батюшка каялся в это время во всех грехах, содеянных им за прошед-

шие сутки, и вставал, когда чувствовал, что Господь прощает его. Обновленный и бодрый духом, он затем приветливо здоровался со всеми присутствующими, надевал епитрахиль, благословлял начало утрени и выходил на солею читать канон и дневные стихиры по книгам, которые приготовлял обыкновенно протоиерей храма иконы «Нечаянной Радости» в Кремле Николай Лебедев — друг и постоянный спутник отца Иоанна в Москве. Читал батюшка порывисто, делая на некоторых местах ударения, часто повторяя слова, а то и целые выражения. Видимо, он употреблял старание, чтобы все самому уразуметь и для присутствующих быть понятным. По той же причине он интересовался впечатлением, полученным от его чтения. После краткой утрени и входных молитв отец Иоанн начинал проскомидию, а иногда предоставлял совершать ее одному из иереев. Служил батюшка сосредоточенно, на глазах у него, особенно в важнейшие моменты, показывались слезы. Тогда ощущалась сила его молитвы и близость к Господу. После литургии батюшка обыкновенно заходил к настоятелю храма или к начальствующим учреждений, где священнодействовал; здесь он выпивал чашку чая и подкреплялся трапезой.

При каждом свидании с ним приходилось убеждаться, что настроение отца Иоанна всегда и везде оставалось ровным, возвышенным, духовным, производившим на присутствующих нравственно-отрезвляющее действие. Там, где только появлялся он, атмосфера сейчас же становилась святой. Недопустимы были при нем веселые разговоры, шутки, курение табака и тому подобное. Может быть, вам случалось встречать чудотворный образ, когда собравшиеся благоговейно ведут себя; то же наблюдалось и в

присутствии батюшки: низменные, мелкие интересы отходили на задний план, а душу наполняло одно только высокое, небесное; все объединялись в этом светлом настроении духа, и получалась могучая волна религиозного чувства.

В 1906 году 24 июля отец Иоанн неожиданно посетил Чудов монастырь и прежде всего зашел в мое наместническое помещение. Сидя в кабинете в кресле у письменного стола, батюшка беседовал со мной, причем я давал ему читать его письмо от 1899 года, в котором он советовал мне принять монашество. Выразив удовольствие качанием головы, великий пастырь поднялся и стал уходить. Я просил благословить меня. Проходя по покоям, он рекомендовал мне чаще пользоваться свежим воздухом и не бояться открывать форточки.

Осматривая монастырь, батюшка заинтересовался ризницей, где обратил внимание на Евангелие, писанное митрополитом Алексием.

Долго держа его в руках, он прикладывал святыню к голове, лобызал ее и восторженно говорил: «Какое мне сегодня счастье — вижу и целую собственную рукопись великого святителя». Затем, приложившись к честным мощам угодника, ласково простился со всеми и уехал. Это посещение было для нас, как чудный сон. На другой день, 25 июля, я служил с отцом Иоанном в церкви при общине «Утоли моя печали». После литургии меня в числе других пригласили в квартиру начальницы, где за столом батюшка много уделял мне еды со своей тарелки и был весьма приветлив. Отсюда он направился к Мироновым, туда поспешили и мы с отцом Игнатием. Все близкие почитатели Кронштадтского пастыря обыкновенно всюду сопровождали его в Москве. У Мироновых мне пришлось

быть свидетелем необыкновенной сосредоточенности батюшки в домашней обстановке.

Попив со всеми чаю, во время которого к нему подводили детей, показывали больных и спрашивали советов, он во всеуслышание объявил: «А теперь я почитаю Святое Евангелие и немного отдохну». С этой целью батюшка перешел в другую комнату, сел на диван и углубился в чтение, несмотря на то, что взоры присутствующих были устремлены на него. Тут же, положив под голову подушку, он задремал. При прощании отец Иоанн подарил мне свой дневник “Горе сердца!” с собственноручной подписью и теплый подрясник на гагачьем пуху, покрытый шелковой розовой материей с цветами, а я, в свою очередь, поднес ему иконку святителя Алексия. Батюшка поцеловал ее и положил в боковой карман со словами: «Глубоко тронут».

Вспоминаю далее мое пребывание у отца Иоанна в Вауловском скиту Ярославской губернии. Здесь мне отвели место в гостинице, но я в ней только ночевал, а остальное время проводил в домике батюшки. Молитвенно благодарю настоятельницу Петроградского Ивановского монастыря и вышеуказанного скита игуменью Ангелину, оказавшую мне большое гостеприимство и содействие в сближении с отцом Иоанном.

В Ваулове батюшка ежедневно служил, говорил поучения и причащал народ, во множестве наполнявший храм. Накануне очередными иереями отправлялась для богомольцев всенощная и предлагалась исповедь. По милости Божией в совершении литургии с великим пастырем каждый раз принимал участие и я.

Помню, отец Иоанн сам подбирал мне митру, а однажды, запивая вместе со мной теплоту у жертвенника, спросил: «У вас в Чудове хорошее вино подают для

служения?» Я ответил: «Среднее». «Я же, — сказал отец Иоанн, — стараюсь для такого великого Таинства покупать самое лучшее».

Когда батюшка выходил с Чашей, в храме происходило большое смятение: все стремились к солее; он, однако, строго относился к присутствующим.

Часто слышался его голос: «Ты вчера причащалась, сегодня не допущу, так как ленишься, мало работаешь» — или: «Ты исповедовалась? Нужно перед Таинством всегда очищать свою совесть». Бывало и так: видя натиск, а может быть, и недостойных, он уходил в алтарь, объявляя, что больше не будет причащать. Стоявшие по сторонам две монахини дерзали иногда опровергать замечания батюшки; охотно соглашаясь с ними, отец Иоанн говорил: «Ну тогда другое дело», — и с любовью преподавал Святые Тайны желающим.

На одной из литургий здесь же, в Ваулове, у запертых входных дверей поднялся страшный шум и вопль. Кричали: «Батюшка, вели пустить — причасти ты нас!» Это ломились так называемые «иоанниты», которых пришедшая из Ярославля охрана решила не допускать в храм.

Нужно сказать, отец Иоанн от своих неразумных почитателей принял много огорчений и нравственных страданий; последние приобретали особую остроту и силу оттого, что непризванные радетели его чести и якобы заступники Церкви Христовой нередко в сгущенных красках передавали о злоупотреблениях его именем.

При мне был такой случай. Мы находились на террасе домика. Батюшка, сидя в кресле, отдыхал. Вдруг доложили о прибытии из Ярославля представителей православного русского народа, пожелавших видеть отца Иоанна. Последний разрешил им войти. Пришедшие стали говорить о злонамеренных действи-

ях иоаннитов, указывая, что те собирают для батюшки деньги, отбирают дома, а главное, проповедуют, что в нем воплотилась Святая Троица, Сам Бог. С великим прискорбием выслушал отец Иоанн это заявление.

— А кто особенно распускает такую ересь? — допрашивал он.

— М(ихаил) П(етров), находящийся сейчас в Ваулове.

— Позовите его ко мне.

Скоро на террасу вошел М(ихаил) П(етров). С поникшей головой он стал на колени перед батюшкой.

Отец Иоанн, помню, говорил ему так: «Скажи, пожалуйста, когда ты приносил мне даяния, не спрашивал ли я всегда тебя, доброхотные ли они, не вымогаете ли их у кого? Ты мне отвечал: «Нет, батюшка, для Вас все рады жертвовать». «Да, правда», — подтвердил М(ихаил) П(етров). — «А теперь посмотри, какие идут разговоры: вы моим именем обираете людей, целые дома заставляете отписывать, да еще ужасную ересь проповедуете, будто я — Бог. Только безумцы могут так говорить: ведь это богохульство. Покайтесь, в противном случае проклятие Божие падет на вас».

Здесь же составлен был акт обличения, его подписали присутствующие и сам отец Иоанн. Видно было, как во все время разговора он нравственно страдал.

Проходя по двору Вауловского скита, я был однажды задержан несколькими людьми, задавшими мне вопрос: «Разве вы не верите, что в отца Иоанна вселилась Святая Троица?» На мое недоумение, как понимать подобное вселение, одна из женщин в исступлении сказала: «А это значит — в нем воплотился Сам Бог».

Вскоре после смерти батюшки мною было получено такое письмо. «Ты, — писала мне какая-то особа, — почитаешь отца Иоанна Кронштадтского, говоришь:

«Дорогой наш батюшка», служишь по нем панихиды, но я видела сон, явился мне сам отец Иоанн и сказал: «Пойди в Чудов монастырь к отцу Арсению и скажи ему: зачем он называет меня только «дорогой батюшка», — во мне ведь воплотился Сам Бог Отец; если он не станет так меня признавать, то ему будет плохо».

Тут я убедился, что некоторые люди, не давая себе отчета, благодатное состояние отца Иоанна действительно смешивали с каким-то физическим воплощением в нем Божества, но таких встречалось мало.

Иоаннитство появилось вследствие чрезмерного почитания отца Иоанна, а так как он был истинный пастырь, молитвенник и верный сын Святой Православной Церкви, а его поклонники отличались глубоким религиозным чувством, Господь не допустил развиться подобной ужасной ереси. Прошло немного времени после кончины батюшки, и по его молитвам так называемое иоаннитство почти рассеялось.

Странным было, однако, поведение ярославских защитников чести отца Иоанна. Нам передавали, что они, приехав с оружием, намеревались разогнать стрельбой неспокойных почитателей батюшки.

Время, проведенное мной у отца Иоанна в Ваулове, считаю дорогим, счастливым и исключительным в своей жизни. Здесь пришлось видеть великого пастыря в домашнем быту, изучать его характер и настроение. Прежде всего он отличался гостеприимством: за его обеденным столом располагались все приезжие гости. Меня отец Иоанн усаживал около себя и усердно угощал.

Однажды я сказал ему: «Батюшка, Ваш прием и ласка напомнили мне родной дом и родителей, недавно умерших. Бывало, приедешь к ним на каникулы после трудных экзаменов, и начнут они подкреплять тебя всякими яствами».

Батюшка приятно улыбнулся на это. Тут же мной было замечено его незлобие: по-видимому, он гневался иногда, но очень мимолетно, и скорей от горячности сердца и пламенной души, чем от злобного чувства. Между прочим, я пожаловался ему на болезнь желудка. Отец Иоанн посоветовал пить чай с лимоном, причем сам клал его мне в стакан и размешивал. Как-то раз, желая сделать мне удовольствие, батюшка попросил передать стоявший на противоположном конце стола лимон, порезанный на кусочки, со снятой кожицей.

Ему не понравилось такое приготовление, и он резко спросил: «Кто же так неумело подает? Позовите виновницу». Подошла смиренная послушница.

— Это ты нарезала? Кто тебя учил снимать кожицу?

— Простите, батюшка, я не знала.

— А, не знала? Ну это другое дело, вперед же знай, что вся суть в кожице.

Слова: «Ну это другое дело» — были сказаны батюшкой так робко и ласково, что, думается, провинившаяся рада была получить такой дорогой выговор.

За столом отец Иоанн по слабости сил оставался недолго. Закусит немного и, извиняясь, уйдет в свой кабинет.

«Вы сидите, — скажет, — и кушайте, а я устал, пойду к себе, отдохну».

В течение дня он, помимо Нового Завета, прочитывал житие святого, службу ему по Минее, а в конце жизни особенно утешался Писаниями пророков.

По поводу последнего батюшка в беседе сообщил мне следующее: «Я теперь занят чтением пророков и немало удивляюсь богопросвещенности их. Многое относится к нашим временам, да и вообще хорошо

развиваться словом Божиим. Когда я читаю, ясно ощущаю, как в нем все написано священными писателями под озарением Духа Святого, но нужно навыкнуть такому осмысленному чтению. Вспомнишь себя лет тридцать назад — нелегко мне это давалось. Берешь, бывало, Святое Евангелие, а на сердце холодно, и многое ускользало от внимания. Теперь духовный восторг охватывает мое сердце — так очевидно для меня в слове Божием присутствие благодати; мне кажется, что я при чтении впитываю ее в себя».

«А что помогает пастырю сосредоточиться на литургии?» — спросил я отца Иоанна на той же беседе.

«Необходимо, — сказал он, — с самого начала службы входить в дух Божественной Евхаристии. Посему-то я и стараюсь почти всегда сам совершать проскомидию, ибо она есть преддверие литургии, и этого никак нельзя выпускать из виду. Подходя к жертвеннику и произнося молитву: «Искупил ны еси от клятвы законныя...», — я вспоминаю великое дело Искупления Христом Спасителем от греха, проклятия и смерти падшего человека, в частности, меня, недостойного. Вынимая же частицы из просфор и полагая их на дискос, представляю себе на престоле Агнца, Единородного Сына Божия, с правой стороны — Пречистую Его Матерь, а с левой — Предтечу Господня, пророков, апостолов, святителей, мучеников, преподобных, бессребреников, праведных и всех святых. Окружая Престол Агнца, они наслаждаются лицезрением Божественной Славы Его и принимают участие в блаженстве. Это Церковь Небесная, торжествующая. Затем я опускаюсь мыслию на землю и, вынимая частицы за всех православных христиан, воображаю Церковь воинствующую, членам которой еще надлежит пройти свой путь, чтобы достигнуть

будущего Царства. И вот я призван быть пастырем, посредником между Небом и землей, призван приводить людей ко спасению. Какая неизреченная милость и доверие Господа ко мне, а вместе как велик и ответственен мой долг, мое звание! Стоят в храме овцы словесного стада, я должен за них предстательствовать, молиться, поучать, наставлять их... Что же, буду ли я холоден к своему делу? О нет! Помоги же мне, Господи, с усердием, страхом и трепетом совершать сию мироспасительную литургию за себя и ближних моих! С таким чувством приступаю к служению и стараюсь уже не терять смысла и значения Евхаристии, не развлекаться посторонними мыслями, а переживать сердцем все воспоминаемое на ней».

И батюшка отец Иоанн, добавлю я, действительно глубоко все переживал, что так заметно было по его молитвенному виду и тем слезам, которыми увлажнялись его светлые очи.

«Далее, для сосредоточенности при Божественной литургии, — говорил он мне, — имеет значение самая подготовка к ней, в частности, воздержание во всем с вечера, предварительное покаяние и вычитка положенного правила: чем внимательнее и воодушевленнее мы его выполняем, тем проникновеннее совершаем обедню. Не следует пропускать дневной канон; я его почти всегда сам читаю и через это как бы вхожу в дух воспоминаемых событий, а когда оставляю, чувствую всякий раз неподготовленность».

«Как предохранить себя от самомнения и превозношения?» — продолжал я спрашивать батюшку.

В ответ он взял с письменного стола Библию и прочитал раскрытую страницу из четырнадцатой главы Книги пророка Исаии, где говорится о низвержении с неба за гордость первого ангела.

Возвращая затем книгу на место, отец Иоанн сказал: «Часто я прибегаю к чтению сей Боговдохновенной речи и дивлюсь ужасному падению Денницы. Как легко чрез высокоумие ниспасть до ада преисподнего! Воспоминание о гибели предводителя бесплотных чинов весьма предохраняет меня от тщеславия и смиряет гордый мой ум и сердце».

Тогда же заметил я изношенность листка читаемой главы. Мне показалось даже, будто батюшка всегда держит на столе Библию раскрытой на указанном повествовании пророка, что произвело на меня неизгладимое впечатление.

«А как спасаться от дурных помыслов и чувств?» — осмелился я далее предложить вопрос великому пастырю.

«Это наша общая человеческая немощь, — сказал он. — Крепкая любовь к Спасителю и постоянное духовное трезвление предохраняют от нечистоты. Предохраняют, говорю, но не спасают; спасает же единственно благодать Божия. Вот и я, старый человек, а не свободен от скверны. Правда, днем, совершая Божественную Литургию и следя за собой, почти не испытываю ничего дурного, но за сон не ручаюсь. Иногда враг представляет такие отвратительные картины, что, проснувшись, прихожу в ужас, и стыдно мне делается». Так батюшка укорял себя, да и вообще, когда я ему исповедовался, считал мои немощи как бы своими собственными. Укажу грех, а он скажет: «И я тем же страдаю», затем уже предложит совет.

Во время нашей беседы отец Иоанн пожаловался, между прочим, на свою мучительную болезнь: «Трудно здоровому представить, как невыносима боль при моем недуге, — нужно большое терпение».

На прощание я просил батюшку благословить меня, что светильник Божий с любовью исполнил, истово оградив тем крестом, который был на моих персях, а затем подарил мне много своих вещей: подушку, одеяло, верхнюю рясу, смену белья, портрет с собственноручной подписью и последний выпуск дневника.

В свою очередь, я предложил ему на молитвенную память привезенные мною из книжной лавки нашей обители некоторые предметы. Между ними были деревянные ложки с надписью: «На память из Чудова монастыря».

Отец Иоанн стал выбирать; заметив на одной из них в слове «Чудова» неудачно написанную букву «ч», отстранил ее, сказав: «Не хочу брать, на ней надпись неясна — можно прочитать «Иудова» вместо «Чудова», а это неприятно». Здесь опять обнаружилось святое настроение батюшки.

По возвращении домой из Ваулова мне вспомнилось, как отец Иоанн благоговейно рассматривал Евангелие святителя Алексия и как он интересовался иметь хотя строчку, писанную его рукой. В благодарность за прием, оказанный мне, я заказал фототипию с названного памятника и послал ему. В ответ на это был осчастливлен получением от него следующего письма:

«Ваше Высокопреподобие, достопочтеннейший отец Архимандрит Наместник! Сердечно благодарю Вас за великий и священный дар — Евангелие от Иоанна, Святым Алексием, митрополитом Московским, списанное и воспроизведенное способом фототипии. Дивный памятник трудов великого Святителя, который нашел время заняться этим трудом (переписки) среди многих других святительских занятий. Да воздаст он Вам за этот дар неоцененный! Теперь обращаюсь к Вам с просьбой: примите в стены Чудовской

обители иеродиакона Мелетия, моего знакомого, человека скромного и трезвого, который, надеюсь, не причинит Вам никакого беспокойства и будет полезным членом братства. Желаю Вам сугубой благодати, обильного дара живого слова и доброго успеха во всех делах с добрым здоровием. Да хранит Вас Господь Иисус Христос и Святитель Божий Алексий.

22 сент. 1908 г.

Ваш почитатель Протоиерей Иоанн Сергиев».

Это письмо, полученное за три месяца до кончины батюшки, явилось для меня как бы последним завещанием. Пожелание «обильного дара живого слова» дало мне смелость чаще говорить в церкви поучения и воодушевило писать по его примеру духовный дневник. Что касается иеродиакона Мелетия, принятого мною в Чудов монастырь, то он действительно не причинил для обители никакого беспокойства, так как через несколько месяцев, отправившись на родину, умер.

Благодарю Господа, сподобившего видеть и знать отца Иоанна Кронштадтского в то время, когда я был еще молод и нуждался в духовной поддержке, живом примере. На примере отца Иоанна я убедился воочию, как служитель алтаря близок Богу и как неотразимо может быть его влияние на народ. Откровенно скажу, батюшка своим молитвенным вдохновением сильно действовал на меня, думаю, также и на многих, особенно при совершении Божественной литургии.

СВЯЩЕННИК ВАСИЛИЙ ШУСТИН
Отец Иоанн Кронштадтский

Наша семья познакомилась с отцом Иоанном при вступлении моего отца во второй брак, когда мне было семь лет. Молодая невеста очень хотела, чтобы брак был благословлен отцом Иоанном; отец Иоанн

приехал и с тех пор стал бывать у нас каждый год на квартире в Петербурге...

Я видел, что вокруг отца Иоанна всегда собирались огромные толпы и, буквально, рвали его одежду, но я не понимал такого стремления людей к нему. Сердце мое было закрыто до семнадцати лет. Не только христиане шли к отцу Иоанну, но и иноверцы: магометане, буддисты... И действительно, у отца Иоанна была всеобъемлющая душа, сыновняя Богу, дерзновенная.

Когда батюшка приезжал к нам — и, бывало, неожиданно — тотчас же накрывали маленький столик скатертью, ставили миску с водой и клали крест, привезенный из Иерусалима; Евангелие, кадило и кропило были у нас свои. Особенно любил батюшка молиться в столовой, перед образом Спасителя, который он считал чудотворным. Бывало, он встанет и минут пять, молча, смотрит на этот образ. Когда увидит, что все приготовлено около него к молебну, становится на колени и начинает молиться. Он всегда молился импровизированными молитвами, произнося некоторые слова очень резко, с особенным ударением, дерзновенно прося у Господа нам милости. После такой молитвы, довольно длинной, где он, так же как всегда, поминал об искупительной жертве Иисуса Христа, он пел сам: «Спаси, Господи, люди Твоя», и освящал воду. Затем, обязательно, ходил по всем комнатам и окроплял их и все постели святой водой. Батюшка говорил, что воздух нашими действиями и нашими мыслями загрязняется и надо его очищать — святая вода отгоняет и уничтожает этот нечувствуемый смрад. После обеда всегда накрывали чай. Батюшка любил чай самый крепкий, почти черный, и всегда просил сполоснуть чай и первую воду слить, — как он в шутку говорил: «Надо смыть китай-

скую нечисть». К чаю ставили какую-нибудь рыбную закуску. Мяса батюшка совсем не ел. Иногда выпивал полрюмки сладкого вина и, окинув взором присутствующих, давал кому-нибудь допить свою рюмку. Затем ставили перед ним ряд стаканов с крепким чаем, целую стопку блюдечек и глубокую тарелку с кусковым сахаром, и он, благословив, брал сахар целыми горстями и рассыпал по стаканам. Быстро мешал ложкой, разливал по блюдечкам и раздавал присутствующим. Он любил такое общение. К этому времени, обыкновенно, к нам на квартиру набиралось много квартирантов из нашего дома; все стремились к батюшке и, во время трапезования, спрашивали о своих нуждах. Иногда он, задумавшись, ничего не отвечал, а другим давал советы или молитвенно поминал. После чая всех благословлял и торопился в другое место. У подъезда опять собиралась толпа, и приходилось батюшку прямо протаскивать к карете.

Часто обвиняли батюшку, что он ездил в карете, что женщины иногда с ним там сидят... Как люди злы в своей извращенной природе, — кто как не женщины окружали Господа нашего, кто как не они служили Ему своим достоянием? Так и здесь находились богатые люди — женщины, из духовных детей отца Иоанна, которые считали своим счастьем предоставить свою карету в пользование батюшки. А ему лично было все равно, в чем он едет, — он был выше этого.

Когда я был еще совсем юным, отец мой серьезно заболел горлом. Профессор Б. М. Академии по горловым болезням Симановский определил, что у него горловая чахотка. Все горло покрылось язвами, и голос у отца совершенно пропал. Я помню, на Рождество, по случаю такой болезни отца, не делали нам и елки. В доме царил как бы траур, все говорили шепотом, царило уны-

ние; нас, детей, не пускали к отцу. Только в первый день Рождества нас подвели к нему, и он, скорбно и молча, раздал нам подарки. Симановский заявил, что ему осталось жить дней десять, а если увезти, с большими предосторожностями, теперь же немедленно в Крым, то он, может быть, еще протянет месяца два. В это время как раз вернулся в Кронштадт из одной своей поездки отец Иоанн. Послали ему телеграмму. Дней через пять он приехал к нам. Прошел к отцу в спальню, взглянул на него и сразу воскликнул: «Что же вы мне не сообщили, что он так серьезно болен?! Я бы привез Святые Дары и приобщил бы его». Мой отец умоляюще смотрел на батюшку и хрипел. Тогда батюшка углубился в себя и, обращаясь к отцу, спрашивает: «Веришь ли ты, что я силой Божией могу помочь тебе?» Отец сделал знак головой. Тогда отец Иоанн велел открыть ему рот и трижды крестообразно дунул. Потом, размахнувшись, ударил по маленькому столику, на котором стояли разные полоскания и прижигания. Столик опрокинулся, и все склянки разбились. «Брось все это, — резко сказал отец Иоанн, — больше ничего не нужно. Приезжай завтра ко мне в Кронштадт — и я тебя приобщу Святых Тайн. Слышишь, я буду ждать». И батюшка уехал. Вечером приехал Симановский, а вместе с ним доктор Окунев, тоже специалист по горловым болезням. Им сказали об отце Иоанне, и что завтра повезут моего отца в Кронштадт. Симановский сказал, что это безумие, что он умрет дорогой. (Нужно было из Ораниенбаума ехать на санях по морю, а была ветреная морозная погода.) Но отец верил батюшке, и на следующий день закутали его хорошенько и повезли в Кронштадт.

Батюшка приехал на квартиру, где остановился отец, и приобщил его Святых Тайн. Еще два дня прожил отец в Кронштадте, каждый день видясь с батюшкой. Когда

он вернулся домой, Симановский был поражен: в горле все раны оказались затянуты; только голос отца был еще слаб. Симановский во всеуслышание заявил: «Это невиданно, это прямо чудо!» — так совершилось дивное исцеление моего отца по молитвам батюшки. Отец прожил после этого двадцать пять лет.

Через три года после исцеления моего отца родилась у моей второй матери дочь. Еще заранее просили отца Иоанна быть крестным отцом ребенка. Батюшка согласился. Сестра родилась летом, когда мы жили на нашей даче в Финляндии. Отец Иоанн, по нашим сведениям, в то время должен был быть у себя на родине. Решили крестить сестру и записать, как это в некоторых случаях делается, крестным отцом отца Иоанна, так как он дал на это свое согласие. Крещение было назначено на воскресение после обедни. Вдруг накануне в субботу к нашей даче подъезжает извозчик-чухонец, из экипажа легко спрыгивает священник. Мы смотрим — это отец Иоанн. «Вот и я на крестины», — заявляет он, распахивая двери. Мы были поражены, началась, конечно, суматоха. Батюшка велел послать за местным, дачным священником и принести из церкви купель. Сам же он пошел по нашему саду и восторгался лесом, который окружал нашу дачу. Через час все уже было готово к крестинам. Началось таинство, которое совершал местный священник отец Симеон Нялимов. Отец Иоанн сам держал мою сестру на руках, отрекался сатаны, читал, дерзновенно читал Символ веры, — все исполнил, что полагалось крестному отцу. После таинства он сел на балконе в кресло и говорил: «Ну, теперь радуйтесь. Поздравляю вас с новорожденным младенцем... Теперь я ваш родственник, сроднился с вами. И посмотрите, как я нарядно одет, точно к царю приехал...» И, действительно, батюшка был при

звездах и крестах. Со всеми нами он перецеловался и радовался вместе с нами. В это время в саду уже собралась толпа народа, и батюшка с верхнего балкона благословлял эту толпу. Потом он пообедал вместе с нами. Я снял его своим фотографическим аппаратом. И он стал спешить в Петербург, чтобы в этот же день попасть в Кронштадт. Местный помещик прислал ему свой экипаж, и мы его проводили на вокзал, где дачники и финны уже теснились, прося его благословения. Когда подошел поезд, кондуктора взяли его на руки и поместили в отдельное купе. Впоследствии дьякон моей гимназической церкви рассказывал, что он, тот раз, ехал в том же поезде, в котором отец Иоанн ехал к нам. Дьякон, увидав батюшку совсем одного, удивился очень и, сев рядом, спросил, куда он едет. «К Ш. на крестины. Они просили меня, и теперь время ехать». Батюшке никто не говорил, что у нас родился ребенок, да и не мог сказать, потому что сестра родилась ранее предполагаемого срока.

Впоследствии эта сестра Аня, семилетним ребенком, заболела черной оспой. Отец Иоанн безбоязненно провел по ее лицу своей рукой и погладил ее. А лицо ее в это время все было покрыто язвами, девочка очень страдала. По ее выздоровлении не осталось никакого следа от этих язв. Одна только маленькая яминка около глаза.

Один раз мой отец предложил мне проехаться в Кронштадт вместе с ним, так как он захотел исповедаться и причаститься у отца Иоанна. Я поехал с ним. Батюшка приехал в Кронштадт к нам, отслужил молебен, выслал всех из комнаты и исповедал отца. После исповеди мне отец говорит: «Исповедуйся и ты у отца Иоанна» — и просит об этом батюшку. Но я не готовился к Причастию и ел в этот день мясо; поэтому я сказал

батюшке, что и хотел бы приобщиться, да не могу. Тогда батюшка мне говорит: «Значит, ты не хочешь». А я опять отвечаю: «Батюшка, я не подготовлен», — он же, не слушая меня, спрашивает, категорически: «Хочешь или не хочешь?» Я, конечно, хотел и сказал ему это. Тогда он опять выслал всех из комнаты и сказал: «Маловер, что ты сомневаешься» – и исповедал меня.

На следующий день я приобщился в храме у него и, с легкой душой, вернулся домой.

Другой раз мне пришлось приобщаться у отца Иоанна в Великом посту. Я приехал и пробыл в Кронштадте несколько дней. Батюшку трудно было залучить к себе, и мне пришлось исповедаться на общей исповеди. Пришел я с отцом к Андреевскому собору еще до звона. Было темно — только четыре часа тридцать минут. Собор был заперт, а народу стояло около него уже порядочно. И нам удалось накануне достать от старосты билет в алтарь. Алтарь в соборе был большой, и туда впускали до ста человек. Полчаса пришлось простоять на улице, и мы прошли через особый вход, прямо в алтарь. Скоро приехал батюшка и начал служить утреню. К его приезду собор был уже полон. А он вмещал в себя несколько тысяч человек. Около амвона стояла довольно высокая решетка, чтобы сдерживать напор. В соборе уже была давка. Во время утрени канон батюшка читал сам. После утрени началась общая исповедь. Сначала батюшка прочел молитвы перед исповедью. Затем сказал несколько слов о покаянии и громко на весь собор крикнул: «Кайтесь!» — Тут стало твориться что-то невероятное. Вопли, крики, устное исповедание тайных грехов. Некоторые стремились — особенно женщины — кричать как можно громче, чтобы батюшка услышал и помолился за них. А батюшка в это время прекло-

нил колени перед престолом и, положив голову на престол, и молился. Постепенно крики превратились в плач и рыдания. Продолжалось так минут пятнадцать. Потом батюшка поднялся — пот катился по его лицу — и вышел на амвон. Поднялись просьбы помолиться, но другие голоса стали унимать эти голоса — собор стих. А батюшка поднял одной рукой епитрахиль, прочитал разрешительную молитву и обвел епитрахилью сначала полукругом на амвоне, а потом в алтаре, и — началась литургия.

За престолом служило двенадцать священников и на престоле стояло двенадцать огромных чаш и дискосов. Батюшка служил нервно, как бы выкрикивая некоторые слова, являя как бы особое дерзновение. Ведь сколько душ кающихся он брал на себя! Долго читал предпричастные молитвы, — надо было много приготовить частиц. Для Чаши поставили особую подставку около решетки. Батюшка вышел, приблизительно около девяти часов утра, и стал приобщать. Сначала подходили те, которые были в алтаре. Среди них подошел и я. Батюшка поднял лжицу, чтобы меня приобщить, поднес ко рту и вдруг отвел и опять опустил в чашу. Меня захолоснуло, и я застыл: значит, я не достоин Святого Причастия, недостаточно каялся на этой общей исповеди (меня действительно все оглушило)... Я стою перед Чашей, и батюшка мне ничего не говорит, а смотрит внутрь Чаши и как бы мешает что-то, потом поднял лжицу, уже с двумя частицами Тела Спасителя, и приобщил.

Я отошел на клирос и стал смотреть, как приобщается народ. Около решетки стояла страшная давка, раздавались крики задыхавшихся. Батюшка несколько раз окрикивал, чтобы не давили друг друга, грозя уйти. Перед батюшкой, чтобы не выбили у него Чаши, была

поставлена другая решетка, и народ пропускался между двумя решетками. Тут же стояла цепь городовых, которые осаживали народ и держали проходы для причастившихся. Народ причащался. Довольно часто батюшка прогонял от Чаши и не давал Причастия; главным образом женщин. «Проходи, проходи — говорил он, — ты обуяна безумием, я предал вас анафеме за то богохульство, которого вы придерживаетесь». Это он говорил иоанниткам, той секте, которая считала батюшку Иисусом Христом, пришедшим второй раз на землю. Много было батюшке неприятностей и горя от этих иоанниток. Они кусали его, если это можно было, для того, чтобы хоть капля крови его попала им в рот. Батюшка в соборе обличал их и предавал отлучению от Церкви. Но они, как безумные, лезли к нему и ничего не слушали. И даже от Чаши приходилось их оттаскивать городовым. Несмотря на то, что еще два священника приобщали одновременно в пределах храма, батюшка с Чашей, которую он несколько раз менял, простаивал на ногах с девяти утра до двух с половиной дня. Надо было дивиться его энергии и силе. Я достоял до самого конца обедни. По окончании ее Святые Дары еще остались, и батюшка позвал в алтарь всех, кто был там, приобщался, но не запивал. Поставив всех полукругом перед жертвенником, держа Чашу в руках, он стал приобщать людей вторично, прямо из Чаши. Удивительно трогательная это была картина! Вечерня Любви. Батюшка не имел на лице ни тени усталости, с веселым, радостным лицом поздравлял всех. К большому для меня огорчению, я уже съел просфоры и не мог войти в этот святой полукруг. Служба, Святое Причастие давали столько сил и бодрости, что действительно мы с отцом не чувствовали никакой усталости. Испросив у батюшки благослове-

ние на возвращение домой, мы, наскоро пообедав, поехали на санях в Ораниенбаум.

Когда я стал студентом, все глубже и глубже я начал понимать отца Иоанна и духовно привязываться к нему. Стали мне вдруг труднее даваться науки, ослабела память, — приезжаю в Кронштадт, говорю об этом батюшке; батюшка объясняет мое состояние чрезмерными моими занятиями в гимназии и велит дать отдых мозгу. Я начал духовно привязываться к батюшке, но это были уже последние годы его жизни. Нас он уже стал принимать на своей квартире, как родственников. Однажды я приехал к нему, а он был очень болен. Матушка, жена его, говорит, что завезли его в какую-то трущобу и там жестоко избили. Матушка вообще мало рассказывала нам про жизнь отца Иоанна. Называла она его «брат Иван», так как и в действительности он никогда не был ее мужем. Она хотела даже разводиться с ним и подавала на него в суд. Но он был непреклонен, и она смирилась. Теперь она так же состарилась, у нее болели ноги, она не могла самостоятельно передвигаться, но о себе не заботилась, — а только о «брате Иване».

Она меня просила, если сделается отцу Иоанну хуже, привезти к нему доктора. «Ведь брат Иван докторов не любит, и трудно заставить его принять доктора. Но один доктор Александров ему понравился; когда я вас извещу телеграммой, вы его привезите. Адреса, где он живет, я не знаю, но вы так узнайте...» И, действительно, спустя недели три получаем мы от матушки телеграмму с просьбой привезти доктора. Я уже заранее просмотрел по книге «Весь Петербург» адреса всех докторов Александровых, съездил к ним и узнал, кто из них был у отца Иоанна. После телеграммы я отправился по определенному адресу. Но ока-

залось, что доктор уехал на Кавказ. Что тут делать? Сейчас же послал ему телеграмму с просьбой указать заместителя. Тотчас же он нам ответил телеграммой и указал другого доктора. Я отправился по новому адресу, тот согласился ехать в Кронштадт, но так как было уже одиннадцать часов вечера, то мы решили выехать уже утром, и утром же были в Кронштадте. Батюшка чувствовал себя немного лучше, как сообщила нам встретившая нас матушка. Доктор присел, чтобы обогреться. Вдруг дверь из комнаты батюшки открывается, батюшка выходит и идет прямо к нам, подходит к доктору и, неожиданно, говорит: «Христос воскресе!» — и троекратно христосуется. Я в недоумении — смотрю на батюшку. Потом он подошел ко мне, благословил меня и позвал доктора к себе в кабинет.

Около часа доктор пробыл вместе с батюшкой. Потом выходит батюшка радостный и говорит: «А ведь вот доктор велел мне воздухом подышать. Пускай заложат лошадь. «Спасибо тебе, — батюшка повернулся ко мне, — большое спасибо за такого хорошего доктора», — и поцеловал меня крепко в щеку. Это для меня было так неожиданно и вместе с тем так радостно, что у меня слезы выступили. Я рад был, что хоть сколько-нибудь услужил батюшке. А он говорит своей жене: «Хозяйка, распорядись накормить В. В. всем, что у нас есть лучшего, накорми обедом, пирогом, который сегодня принесли!» Усадил меня за стол, а сам отправился кататься, вместе с доктором.

На обратном пути в Петербург, когда мы с доктором сели в Ораниенбауме в поезд, доктор мне говорит: «А ведь отец Иоанн действительно подвижник, и все, что про него пишут, все это ложь. Почему он меня встретил возгласом «Христос воскресе!?» — Он воскресил во мне Христа. Я теперь вспомнил: отец Иоанн есть тот

священник, который исцелил мою жену от истерических припадков, которые называют беснованием. Она не могла выносить близости креста и икон. Я был тогда молодым врачом в Вологде. Проезжал тогда через Вологду к себе отец Иоанн. Я был ветреным молодым человеком, неверующим, а теща моя была очень верующая, и она попросила батюшку заехать к нам. Он побывал у нас, помолился, возложил на голову моей жены руки, и припадки прекратились. Но я считал это случайностью, самовнушением; был, конечно, доволен, что жена моя стала здоровой, но не придал никакого значения силе молитвы отца Иоанна. Даже не поинтересовался, кто он такой и откуда он. И вот теперь, благодаря вашему случаю, я встретил его и убедился, что это действительно подвижник. Мой случай в Вологде батюшка, оказывается, помнит. Там, конечно, было не самовнушение, а исцеление...» Мне было особенно радостно слышать это признание врача.

Это свидание с батюшкой было нашим последним свиданием.

МИТРОПОЛИТ ВЕНИАМИН (Федченков)

Отец Иоанн

Приступать к воспоминаниям о приснопамятном отце Иоанне мне всегда бывало особенно трудно: слишком он был высок; а я — грешный. И лишь ради пользы других принимаюсь за описание моих личных впечатлений о нем. Начинаю писать в больнице (в городе Бруклине), лежа от болезней.

У отца Иоанна

Вероятно, уже во второй, а не в первый год моего студенчества (то есть в 1904 году) мне удалось поехать к батюшке.

То был холодный ноябрь. Но снегу почти не было. Извозчики ездили еще на пролетках.

Приехали в гостиницу «Дома трудолюбия», созданного отцом Иоанном. Там нас, как студентов академии, приняли со вниманием. Утром нужно было вставать рано, чтобы в четыре часа уже быть в храме. Нас провели в алтарь собора. Андреевский собор вмещал, вероятно, пять тысяч человек. И он уже был полон. В алтаре, кроме нас, было еще несколько человек духовных и несколько светских лиц.

Утреню начал один из помощников отца Иоанна. А скоро через узкую правую боковую дверь алтаря вошел и батюшка в меховой шубе — дар почитателей. Отдавши ее на руки одному из сторожей (их было много в соборе, как увидим), он, ни на кого не глядя, ни с кем не здороваясь, быстро и решительно подошел к престолу и также быстро пал на колени перед ним... Не помню: перекрестился ли он на этот раз? После я заметил, что он не раз падал ниц, не крестясь: очевидно, так требовала его пламенная душа. Иногда, вместо креста, всплескивал руками, а иногда и крестился. Ясно, что для него форма не имела связывающего значения, — как и должно быть у людей, горящих духом: “не человек для субботы, а суббота для человека”, — говорил Господь. Конечно, это право принадлежит не нам, рядовым и слабым людям, а окрепшим в благодати Божией; поэтому никому нельзя искусственно подражать таким великанам...

После этого батюшка обратился уже к присутствовавшим в алтаре и со всеми нами весьма ласково поздоровался, преподав мирянам благословение.

Потом быстро оторвался от нас и энергично пошел к жертвеннику. Там уже лежала целая стопка телеграмм, полученных за день и за ночь со всех кон-

цов Руси. Батюшка не мог их сразу и прочитать здесь. Поэтому он с тою же горячностью упал перед жертвенником, возложил на все эти телеграммы свои святые руки, припал к ним головою и начал тайно молиться Всевидящему Господу о даровании милостей просителям... Что потом делалось с этими телеграммами, я лично не знаю: вероятно, секретарствующие лица посылали ответы по адресам, согласно общим указаниям, данным батюшкою. В особых случаях им самим составлялись тексты для телеграмм. Да ведь, собственно, и не в этих ответах было главное дело, а в той пламенной молитве, которая возносилась им перед жертвенником или в других местах, где захватывали его просьбы...

Между тем утреня продолжала идти своим порядком. После шестопсалмия, во время великой ектении, батюшка в одной епитрахили быстро вышел на правый клирос. На этот раз ему показалось, что недостаточно света. И он, подозвав одного из церковных служителей, вынул из кармана какую-то денежную бумажку и вслух сказал:

— Света мало! Света!

Очевидно, полутемнота храма не соответствовала его пламенному духу: Бог есть Бог светов! Бог славы и блаженства! — и потому отец Иоанн послал за свечами...

Подошло время чтения канонов. По Уставу полагается читать два очередных канона дня недели; а сверх этого, третий канон — в честь святого, память которого совершалась в тот день. Была среда. А праздновалась, как сейчас помню, память преподобного Алипия, 26 ноября. И как читал батюшка! Совсем не так, как читаем мы, обыкновенные священнослужители: то есть ровно, без выражений, певучим речитативом. И это мы делаем совершенно правильно, по церковному учению

с древних времен: благоговение наше пред Господом и сознание собственного недостоинства не позволяют нам быть дерзновенными и в чтении; бесстрастность ровного, спокойного, благоговейного совершения богослужения — более пристойна для нашей скромности. Не случайно же подчиненные вообще разговаривают с начальствующими не развязно, не вольно, а «почтительно докладывают» ровным тоном. Особенно это заметно в военной среде, где воины отвечают начальникам, подобно церковному речитативу, на «одних нотах».

«...закон положен, — говорит апостол Павел, — не для праведника...»

И отцу Иоанну — при его горящей энергии, гремящей вере; при тысячах людей, жаждущих его дерзновенной молитвы; при сознании им нужд, горя, скорбей, грехов этих простых чад Божиих; даже при огромности самого храма, требующего сильного голоса, — отцу Иоанну нельзя было молиться так, как мы молимся. И он молился чрезвычайно громко, а главное: дерзновенно. Он беседовал с Господом, Божией Матерью и святыми... Батюшка не мог ни войти, ни выйти через храм, как это делаем мы все — и священники, и архиереи. Нам это можно; а ему было нельзя. Народ тогда бросился бы к нему массою и в порыве мог затоптать его. Мне пришлось слышать о давно прошедшем подобном случае, как толпа сбила его с ног, разорвала в клочки «на благословение» его рясу и едва оставила его живым.

И потому нужно было избрать иной путь: его из дома привозили на извозчике (а не в карете, как пишут иные) до сада, хотя тут было всего каких-то пять минут ходу. И на извозчике увозили. В саду не было ни души: высокие ворота были заперты. Батюшка быстро садился на пролетку; извозчик сразу мчался по

саду к воротам. А там уже стояли служители, они сразу открывали выезд, и лошадь мчалась прямо, хотя там стоял народ, ждавший батюшку «хоть еще разок взглянуть». И лишь от страху попасть под копыта или под колеса, люди невольно раздвигались, и батюшка вылетал «на свободу».

Но и тут не обошлось без инцидента. На моих глазах — мы из алтаря вышли за ним по саду — какой-то крестьянин бросился прямо в середину пролетки, желая, видимо, получить личное благословение. Но быстрой ездой он был мгновенно сбит с ног и упал на землю. Я испугался за него и, закрыв лицо руками, закричал инстинктивно:

— Ай, задавили, задавили!

И вдруг на мой испуг слышу совершенно спокойный ответ:

— Не бойся, не бойся! Батюшкины колеса не давят, а исцеляют!

Я открыл глаза: это сказала худенькая старушечка, действительно спокойная.

Поднялся и смельчак невредимым, отряхнул с себя пыль и пошел в свой путь, а люди — в свой: точно ничего и не случилось. Куда уехал батюшка, не знаю: говорили, что в Петербург.

Общая исповедь

Я хочу рассказать, как при мне происходила общая исповедь у отца Иоанна. Мы с юношеской простотою обратились к нему в алтаре:

— Батюшка! Нам бы хотелось видеть вашу общую исповедь.

Он с простотой и любовью ответил:

— Я только вчера совершил ее. Но ради вас я и ныне покажу вам, как она делается мною.Перед прича-

щением отец Иоанн вышел через Царские врата на амвон и сказал приблизительно следующую проповедь. Привожу ее в извлечении.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь! — с силой начал он. — Царь и псалмопевец Давид сказал: *Бог с Небесе приниче на сыны человеческия, видети, аще есть разумеваяй или взыскаяй Бога! Вси уклонишася, вкупе непотребни быша, несть творяй благое, несть до единаго* (Пс. 52: 3–4). По-русски: «Господь посмотрел с Неба...» — и т.д. Батюшка перевел псалом на русский язык. Затем обратился ко всем с указанием, что и в наше время — все уклонились в грехи... И он начал перечислять их. В храме стали раздаваться всхлипывания, рыдания, потом восклицания:

— Батюшка! Помолись за нас!

Тогда батюшка на весь храм воскликнул:

— Кайтесь!

В храме поднялся всеобщий вопль покаяния: каждый вслух кричал о своих грехах; никто не думал о своем соседе; все смотрели только на батюшку и в свою душу... И плакали, и кричали, и рыдали... Так продолжалось не одну минуту... Затем отец Иоанн дал рукою знак, чтобы верующие стихли. Довольно скоро шум утих. И батюшка продолжал свою проповедь:

«Видите: как мы все грешны. Но Отец наш Небесный не хочет погибели чад Своих. И ради нашего спасения Он не пожалел Сына Своего Единородного, послал Его в мир для нашего искупления, чтобы ради Него простить все наши грехи. И не только — простить нас, но даже позвать нас на Свой Божественный пир! Для этого Он даровал нам великое Чудо, даровал нам в пищу и питие Святое Тело и Святую Кровь Самого Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа. Этот чудесный пир соверша-

ется на каждой литургии, по слову Самого Господа: «Приимите, ядите. Сие есть Тело Мое!» и: «Пийте от нея (Чаши) вси, сия есть Кровь Моя».

Как в притче, отец с любовью принимает своего прегрешившего, но покаявшегося блудного сына и устраивает ему богатый пир, радуясь его спасению, — так и ныне Отец Небесный ежедневно и каждому кающемуся учреждает Божественную Трапезу — святое причащение.

Приходите же с полною верою и надеждой на милосердие нашего Отца, ради ходатайства Сына Его! Приходите и приступайте со страхом и верою к святому причащению.

А теперь все наклоните свои главы; и я, как священнослужитель, властью Божией, данной нам, прочитаю над вами отпущение грехов».

Все в благоговейной тишине склонили головы; и отец Иоанн поднял на воздух над всеми свою епитрахиль и прочитал обычную разрешительную молитву, совершая над всею церковью знамение креста при словах «прощаю и разрешаю»... «во имя Отца и Сына и Святаго Духа»... Затем началось причащение.

Последние дни

Насколько было известно, батюшка хотя и болел не раз, но сравнительно мало и редко.

Незадолго перед смертью и он заболел. Перед этим мне удалось еще дважды быть с ним. Один раз, будучи уже иеромонахом, я был приглашен сослужить ему на литургии. Он предстоятельствовал. Я стоял пред престолом с левой стороны. И как только он возгласил с обычною ему силою: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа», меня, точно молния, пронзило ясное сознание, выразившееся в уме в таких словах: «Боже! Какой он духовный ги-

гант!» И созерцая это с очевидностью, я, в размышлении, закрыл уста свои служебником. «Какой гигант». Вдруг он протягивает ко мне левую руку, отодвигает книгу от уст, говорит властно:

— Не думай! Молись!

Вероятно, он прозрел мои тайные мысли о нем.

Последнее мое посещение было приблизительно за полгода до кончины его. Мы с сотоварищем по академии, иеромонахом Ш-м, посетили отца Иоанна по причине болезни моего друга. Батюшка вышел к нам уже слабеньким. Пригласивши сесть, он устало спросил нас:

— И чего вам от меня, старика, нужно?

— Батюшка, — вольно ответил я, прости меня за это, Господи! — если бы вы были простой старик, то к вам Россия не ходила бы.

— Ну, ну, — махнул он рукою, не желая спорить.

— Скажите нам что-нибудь во спасение души.

Тогда он взял в руки крест, висевший на груди моего товарища, и, смотря на него, стал молиться. Потом начал многократно и долго целовать его; прижимал его к своему лбу, опять целовал. Затем то же самое он делал с моим крестом... Все это творилось молча, несколько минут. Потом он сказал:

— Монахи, монахи! Не оглядывайтесь назад! Помните жену Лотову!

Дальше я задал ему такой вопрос:

— Батюшка! Скажите, откуда у вас такая горячая вера?

— Вера? — переспросил он и на минуту задумался. Потом с твердой ясностью ответил:

— Я жил в Церкви!

— А что это такое — жили в Церкви? — спросил я.

— Ну, — с некоторым удивлением от моего вопроса продолжал он, — что значит жить в Церкви? Я всег-

да пребывал в церковной жизни... Служил литургию... Любил читать в храме богослужебные книги, минеи. Не Четьи-Минеи (Жития святых), хотя и те прекрасны! — а богослужебные минеи, стихиры, каноны... Вот! Я жил в Церкви!

К сожалению, я не записал тогда подробнее всю беседу, но эти слова о значении Церкви врезались в память мою на всю жизнь.

Поблагодарив батюшку, мы ушли... Вскорости мой друг скончался в молодых годах. Я... еще живу, по милости Божией. И часто вспоминаю о его словах...

Болезнь отца Иоанна не проходила. Ждали конца. И 20 декабря (ст. ст.) 1908 года батюшка скончался. Весть эта мгновенно облетела всю Россию. Похоронили его в созданном им женском монастыре в Санкт-Петербурге, «на Карповке».

Мне не удалось попасть в храм на отпевание, и я шел далеко за гробом в необъятной толпе народа. Всякое движение здесь было прекращено. Зато дышали сердца тысяч и тысяч людей: в одном месте пели «Со святыми упокой», другая группа начинала «Вечную память», третьи — «Святый Боже» — похоронное... Большой стон стоял над этими духовными детьми батюшки. Иногда приходилось слышать выкрики:

— Уж больше не видать нам такого отца!

Или:

— Дорогой батюшка! Помолись за нас!

И опять пение тьмы голосов... Трудно было сдержаться от слез среди этой общей печали и рыданий.

В подвальном этаже монастырского храма — светлом, облицованном белым мрамором — была приготовлена белая же мраморная гробница на полу. И здесь положили честные мощи святого батюшки. Теперь, вместо Кронштадта, началось паломничество

«на Карповку». Ежедневные службы... Постоянные панихиды. Снова чудеса. Всеобщее почитание. Святой Синод постановил считать день смерти отца Иоанна — неучебным в духовных школах. Царь обратился к России с особым манифестом — о значении его и почитании. А народ унес о нем память в сердцах своих и записал в «поминаниях»...

Так началось уже прославление батюшки в Церкви. И недолго ждать, когда завершится это и канонизацией его во святые.

Три года тому назад (1948 году) я был в Ленинграде и узнал, что монастырь «на Карповке» закрыт, но там все, включая и гробницу, остается нетронутым.

Преподобне отче Иоанне! Моли Бога о нас, грешных! ...Вот я и записал, что помнил о нем. Как ни описывай, все же это не может дать о нем такого впечатления, как живые подлинные слова самого батюшки...

ИГУМЕНЬЯ ТАИСИЯ (Солопова)

Имев счастие состоять в течение более 35 лет в самых близких духовных отношениях к незабвенному, в Бозе почившему отцу протоиерею Иоанну Сергиеву (Кронштадтскому), я нередко беседовала с ним, иногда подолгу и обстоятельно.

Вот эти записи, начиная с 1891 года, т.е. с первого года, как отец Иоанн стал ездить на свою родину, в село Суру, для постройки в нем приходского каменного храма.

Когда батюшка обратным путем с родины по Мариинской системе вступил в реку Шексну для следования по ней до г. Рыбинска, его ожидал в г. Череповце большой пассажирский пароход, арендованный г-ми Л., приглашавшими батюшку в Рыбинск. Я накануне этого дня, 17 июля, по своему монастыр-

скому делу прибыла в Череповец, но о предстоящем посещении его отцом Иоанном ничего не знала и не помышляла. К вечеру, уже в Череповце, я узнала об этом, а поутру следующего дня стало известно, что батюшка уже приехал и находится у соборного старосты купца Крохина. Я направилась туда, едва пробираясь через огромную толпу народа, и стала убедительно просить батюшку заехать в нашу обитель, находящуюся невдалеке от берега реки Шексны. Батюшка отказывался за неудобством задерживать пароход, арендованный хозяевами для доставления его к ним, а не для заездов. При этом он прибавил: «Если хочешь побеседовать, так лучше поедем с нами на пароходе и поговорим». И таким образом мы отправились. Но и тут я снова повторила ему свою просьбу, заручившись согласием на то хозяев парохода, и он согласился. На пристани (нашей монастырской) Борки мы сошли на берег и поехали в экипаже в обитель*.

Во время заездов его к нам в монастырь летом на обратном пути с родины мы получали поистине неземное наслаждение, находясь в непрерывном общении с этим благодатным пастырем в течение нескольких дней и даже недель. Он обыкновенно писал мне с родины из с. Суры или из Архангельска о том, куда предполагает заехать, сколько где пробыть и когда приблизительно быть у нас и на своем ли пароходе или на арендованном, и мое дело было встретить его на назначенном месте. Вот тут-то начинался мой праздник, мой отдых, т.е. буквально отдых душевный, обновление сил и подъем духа. Едем с ним, бывало, от пристани нашей Борки до монастыря; дорога все идет лесом, а версты за три до монастыря, пересекая дорогу, проходит полоса монастырского леса; и станет батюшка благословлять его на обе

стороны: «Возрасти, сохрани, Господи, все сие на пользу обители Твоей, в нейже Имя Твое святое славословится непрестанно». Дорогою расспрашивает о состоянии сестер, о здоровье их и т.п. Подъезжаем к деревне, расположенной за одну версту от обители и составляющей весь ее приход, а там по обеим сторонам пестреет народ, вышедший на благословение к великому гостю: мужички с обнаженными головами кланяются в пояс; женщины с младенцами на руках спешат наперерыв поднести своих деток, хоть бы ручкой-то коснулся их батюшка; только и слышно: «батюшка-кормилец», «родимый ты наш», «красное солнышко». А батюшка на обе стороны кланяется, благословляет, говоря: «Здравствуйте, братцы! Здравствуйте, матери! Здравствуйте, крошечки Божии! Да благословит вас всех Отец наш Небесный! Христос с вами! Христос с вами!»

А как только пойдут монастырские постройки — дома причта, гостиницы и пр., тут встречают сестры с громким стройным пением: «Благословен грядый во имя Господне!» — и далее с пением же провожают до самого соборного храма, где встречают священнослужители, а звон в большой колокол давно уже гудит. Похоже на что-то пасхальное, прерадостное: общий подъем духа, общее торжество! После литургии, за которой всегда бывает много причастников, батюшка проходит прямо в сад, куда приглашаются и все сослужившие ему священнослужители, гости, приехавшие к нему; туда же является и самоварчик со всеми своими атрибутами, и дорогой батюшка, зная, что всякому приятно получить чаек из его рук, старается всех утешить. Потом пойдет гулять по аллеям сада или один, или с собеседником, но никто не беспокоит его. Как только батюшка проходит через террасу в дом —

сад пустеет, так как все расходятся. Но ведь батюшка слишком любит чистый воздух: не только днем проводит все время или в саду, или катаясь со мною по полям и лесам, но иногда в теплые сухие ночи и спит на террасе. Иногда в саду соберет более близких знакомых своих и некоторых сестер обители и, сам выбрав где-нибудь местечко, станет читать нам книгу, им же самим выбранную, но чаще всего читал Евангелие, Апокалипсис или книгу пророков и все читаемое тут же объяснял. Иногда чтение прерывалось и беседами на объясняемую тему. Когда устанет сидеть или утомится чтением, скажет мне: «А что, матушка, не худо бы и прокатиться нам в Пустыньку твою». И, конечно, это моментально исполняется, и мы едем. Катались мы всегда небыстро, медленно, потому что в это время батюшка или молился тайно, или беседовал со мною, или просто дремал; да и нужды не было скоро ехать: народ, как бы много его ни было, никогда у нас не бросался к нему, не беспокоил его на дороге.

Как известно, батюшка имел обыкновение читать канон, а вместе и седальны на кафизмах и антифоны. Был 3-й глас, и, прочитав антифоны: *В юг сеющие слезами Божественными, жнут класы радостию присноживотия,* батюшка, обратясь ко мне, сказал: «Вот это тебе на утешение, Таисия, «сеющие слезами радостию пожнут в будущем веке». Как много утешения Господь возвещает скорбящим и труждающимся Его ради! Помни, что труды для Господа и скорби ради Его — выше всего».

На утрени Евангелие читалось о явлении Господа Марии Магдалине. По прочтении Евангелия, батюшка обратился ко мне и сказал: «Слышала ты, матушка, как Господь-то утешил Марию Магдалину: Марие, *что плачеши, кого ищеши* (Ин. 20: 15)? Вот и тебе Он

говорит: «Таисия, что плачеши, кого ищеши?» Ищи, ищи Иисуса, и Он предстанет тебе. Много утешений у верующего! Вот, например, за Божественною литургиею бывает такое утешение, озарение души, откровение тайн!»

Однажды батюшка сидел углубленный в свои мысли, а я думала о нем: «Господи, что это за человек?» Вдруг он обратился ко мне, устремил на меня свои полные кротости и мира глаза и говорит: «Пытай!» Я, в свою очередь, не смутилась этим, ибо не новостью было для меня то, что он отвечает на мысли, и сказала ему, тоже глядя ему в глаза прямо: «Я не пытаю, батюшка; могу смотреть в глаза вам прямо, потому что не фальшивлю перед вами; но не задумываться о вас не может человек мыслящий и имеющий духовное настроение жизни; вот и я часто о вас думаю, батюшка: что вы за человек и чем все это кончится?»

Отец Иоанн: Ишь ты, куда заглядываешь: «чем кончится?». Начало и конец — милость Божия. Смотри и суди по плодам, как указано в Евангелии: *от плод их познаете их* (Мф. 7: 16). И в себе ищи плодов, и в тебе они будут и быть должны. Помни между тем, что мир от Бога; враг не может дать мира душевного; его дело — смущать, а не умирять.

Этот наш разговор происходил во время пребывания батюшки в нашей обители. Дня через два или три после сего поехали мы с батюшкой кататься, и, по обычаю, прежде всего в Пустыньку. Когда батюшка располагал там уединиться для молитвы или для отдыха, он приказывал запереть входные ворота оградки, чтобы никто не входил, не беспокоил его. На этот раз он распорядился так же. Нелишне здесь пояснить, что все место, огражденное здесь деревянным забором (скиток «Пустынька»), представляет собой

ровный квадрат, посредине которого расположен одноэтажный деревянный дом, на восточной половине коего — храм во имя св. апостола Иоанна Богослова. С этой стороны от ограды до храма — кельи сестер, а по ту сторону церковного домика — садик с аллеями, где и любил всегда прохаживаться отец Иоанн, совершая свои тайные молитвы.

Из предосторожности, чтобы кто не побеспокоил его, я во время таких его прогулок всегда почти сидела на ступеньках крыльца, и если батюшке было что-либо нужно, он обращался ко мне. В описываемый мною случай батюшка недолго погулял по садику, но, видимо, он молился, нередко останавливался, скрестив на груди руки и устремив взор на небо. Затем быстрым движением подошел к стоявшему на одной аллее стулу и потащил его за собой к алтарной стене с юго-востока. Я, от неожиданности такого поступка, растерялась, не успела да и не посмела помочь ему. Смотрю — батюшка уже и второй стул тащит за собой подобно первому. Я поспешила к нему, но он поставил его рядом с первым и говорит мне: «Садись, я почитаю тебе». С этими словами он достал из кармана довольно большую книгу, открыл ее, где было заложено, и стал читать. Расскажу вкратце прочитанную историю. В Киево-Печерской Лавре, основателем коей, как известно, был преподобный Антоний, один из старцев, занимавший высокий пост и пользовавшийся всеобщим почтением, скончался. Авва, т.е. настоятель, особенно сокрушался о нем, так как имел в нем себе ближайшего и верного помощника по управлению. К немалому его огорчению, усопший в первый же день своей кончины так разложился, что невозможно было ни читать по нем Евангелия, ни петь панихиды не только у гроба, но даже и в соседней келье; зловоние наполнило всю

(тогда еще небольшую) обитель, и все считали это за наказание Божие. Когда авва в полночь стоял на своем правиле и молился об упокоении новопреставленного, он услышал от иконы Спасителя глас, возвещавший ему о том, что почивший имел многие тайные грехи, не раскаявшись в которых и умер, поэтому не может быть помилован от Правосудия Божия. Наутро авва собрал всю братию, объявил им извещение Спасителя о старце и предложил всем в течение сорока дней особенно усиленно молиться за него и поститься. Все с усердием стали подвизаться за душу собрата. На 40-й день авва, опять в полунощной молитве пред тою же иконою Спасителя, слышит глас: «Не ради ваших постов и молитв за связанного грехами брата, а ради раба Моего Антония, молившего Меня еще на земле, да не погибнут души подвизающихся в сей обители, созданной им, Я прощаю усопшего имярек». Прочитав это повествование, батюшка сложил книгу, спрятал ее в боковой карман своего подрясника и, быстро встав, сказал: «Ну, поедем, матушка!» И мы тотчас же тронулись. Долго сидели мы оба молча. Зная, что батюшка никогда и ничего не делает без цели, я раздумывала, чем бы объяснить этот его поступок. Наконец, батюшка начал сам: «Что-ж ты, матушка, призадумалась?»

Игуменья Таисия: Да как не призадуматься, батюшка, ведь вы мне словно загадку загадали. Ведь я понимаю, что вы не без цели это мне прочитали, так вот и хочу додуматься, найти эту цель; а может быть, вы сами мне скажете?

Отец Иоанн: Нет, если нужно, Господь откроет тебе, а сам я ничего не скажу.

Игуменья Таисия: Я пришла только к одному заключению, а иного никакого мне на ум не приходит: как преподобный Антоний умолял Господа, чтобы

все, подвизавшиеся в его обители, не были отринуты Им, а спаслись, так и вашими святыми молитвами Господь спасет всех живущих в этой обители. Об этом ведь я вас и просила на днях, да и всегда прошу.

Отец Иоанн: Да, Господь даровал мне эту обитель твою, и я ваш молитвенник всегдашний.

От избытка сильных ощущений, вызванных этим событием, я не могла разобраться в мыслях. Я сознавала, что сказанное мне батюшкой после чтения было делом слишком большой важности, слишком радостным для меня и для всей обители. Я сидела, углубившись в свои мысли, и даже забыла поблагодарить батюшку за его такой бесценный дар. Наконец я опомнилась и сказала ему: «Батюшка, конечно, я бессильна благодарить вас, да и какое слово благодарности может соответствовать такому великому дару».

Отец Иоанн: Богу благодарение, а не мне, недостойному. Помнишь слова апостола: *подобает нам лишше внимати слышанным, да не когда отпадем* (Евр. 2: 1)?

Игуменья Таисия: Помню, батюшка, но этот текст мне не очень знаком, а вы редко его повторяете, запишите мне его для памяти.

Отец Иоанн: Не хочется, Таисия, я устал.

Но, помолчав немного, он продолжал: «Ну, давай, напишу!»

Игуменья Таисия: Нет, батюшка, если устали, так зачем же утруждать себя? Я и так запомню или сама запишу. И я повторила текст.

Отец Иоанн: Давай, давай — напишу! Надо нудить себя; слышишь: *надо нудить себя* на пользу ближних во славу Божию.

Я поняла урок для себя. «Спаси вас Господи, — отвечала я, — да мне каждое ваше слово дорого, я вни-

мательно слушаю ваши речи и после дома записываю все, о чем говорила с вами. Это служит и для меня самой утешением и пользою, да и как отрадно прочесть хотя речи ваши, когда, расставшись с вами, скучаешь о вас. Кроме того, думаю, и другим полезно слышать (т.е. прочитать) ваши благодатные беседы».

Батюшка очень любил цветы и вообще природу; ему беспрестанно подносили цветы или из сада, или полевые. Бывало, возьмет в ручку розу или пион, какие расцветут к его приезду, и поцелует цветок, говоря: «Лобызаю Десницу, создавшую тебя столь дивно, столь прекрасно, благоуханно! О, Творец, Творец! Сколь дивен Ты и в самомалейшей травке, в каждом лепестке!» Подержит, бывало, батюшка в руке своей цветочек и отдаст кому-нибудь из присутствующих; и сколько радости получает с этим цветочком обладатель его! А батюшка продолжает восхвалять Творца за Его благодеяния к людям. Подадут ли ему ягод из саду, какие поспеют, он говорит: «Какой Господь-то, Отец наш Небесный, милостивый, добрый, щедрый, всеблагой! Посмотрите, поймите: Он не только дает нам насущное, необходимое пропитание, а и услаждает нас, лакомит ягодками, фруктами, и какими разнообразными по вкусу — одни лучше других! Заметьте, вот у каждого сорта ягод свой вкус, своя сладость, свой аромат».

Кто-то из приезжих заметил при этом ему однажды, что ныне культура усовершенствована и дает лучшие сорта продуктов. Батюшка, не глядя на говорившего, а продолжая смотреть на ягоды, ответил: «Культура — культурой, а Творец — Творцом. На то и дан человеку разум, чтобы он работал им, возделывал, совершенствовал, или, как ныне выражаются, культивировал прежде всего самого себя, а затем и другие творения Божии, хотя бы и дерево, и плоды, и все, что

предано в его руки Творцом. Из готового-то семени легко выращать, доводить до высшего качества; а семя-то самое создать, если его нет, одну каплю воды создать там, где ее нет, — попробуйте-ка с вашей культурой! Из готовой воды можно и водопады устраивать; из готовых веществ — земли, песка, глины — можно какие угодно громады воздвигать; а при отсутствии этих веществ что вы сделали бы? О, Творче Всеблагий, Отче Небесный, доколь создание Твое не познает Тебя и не падает в прах пред величием Твоим?!»

Любил также батюшка и сам собирать в саду ягоды и кушать их прямо с веточки. Бывало, заберется в кусты малины или в грядки клубники, кушает да и позовет: «Матушка, у тебя в садике-то воры; что плохо следишь за своим добром?» Любил он наш садик и всякий раз перед отъездом из обители заходил в него и, как бы жалея его, прощался с ним: «Прощай, садик! Спасибо тебе за то удовольствие, которое ты доставляешь мне всегда! Сколько светлых минут проводил я в твоем уединении!» — и тому подобное. Бывало, скажешь ему на это: «Родной наш батюшка, да разве вы уже на будущий год к нам не приедете?» Он ответит: «Будущее в руках Божиих; жив буду — приеду».

Если случалось, что батюшка приезжал к нам во время сенокоса, то мы с ним ездили и на покос к сестрам, всегда приноравливая к тому времени, когда они там пьют чай. Вот радость-то сестрам! Подъезжаем, бывало, и издали уже виднеются черные фигуры в белых фартуках и белых платочках. Поодаль дымятся и самоварчики; тут же на траве разостлана большая простая деревенская (бранная) скатерть, пригнетенная по краям камушками, чтобы не поднимало ее ветром, на ней около сотни чашек чайных, сахар, подле стоят мешки с кренделями (баранками). Как только подъе-

дет батюшка, певчие сестры грянут любимый батюшкин задостойник: «Радуйся, Царице». Батюшка идет к приготовленному для него столику, но иногда прежде погуляет по покосу, посидит на сене, побеседует с сенокосницами, и затем начинается чаепитие. Все собираются к кипящим кубам и самоварчикам, садятся на траву, а батюшка сам раздает им из мешка баранки, многим дает чай из своего стакана и вообще старается всех утешить. Когда он уезжает с покоса, все бегут провожать его, певчие поют ему «многолетие», пока экипаж не скроется из вида. Вообще батюшка любил наше пение и ежедневно призывал клирошанок петь, по большей части в саду, иногда и в Пустыньке, а при дождливой погоде и в кельях. Ежедневно после обеда подходила к нему регентша, которой он назначал, какие пьесы петь ему. Иногда он слушал их молча, сосредоточенно, в молитвенном настроении; иногда стоял или даже ходил среди них и объяснял им смысл поемого, особенно ирмосов; иногда же с увлечением сам пел с ними и регентовал рукою. Когда случалось нам с ним кататься по Волге, по его благословению я брала с собою на пароход от 4 до 6 певчих, которые пели ему на пароходе, также и в побережных церквах, где он останавливался для совершения литургии, без чего не мог провести ни одного дня.

Когда мы с ним катались по нашим лесам и полям, он всегда благословлял поля с молитвою о их плодоносии и изобильном урожае на пропитание обители. Бывало, когда увидит, что нет близко народа, велит остановить лошадей, снимет с себя рясу, положит на свое место и пойдет немножко пройтись в поле. По дорогам между монастырем и скитами у нас поставлено немало скамеечек, так как по этим уединенным дорожкам гуляют монашенки и садятся иногда со сво-

им рукоделием, или отдыхают, когда ходят в лес за ягодами или за грибами. Во время пребывания у нас батюшки все таковые скамеечки служили местом для богомольцев, прибывавших к батюшке; зная, что мы с ним ежедневно, иногда и по нескольку раз, проезжаем тут мимо, они поджидали нас и, завидев издали экипаж, тихо, в полном порядке подходили к батюшке на благословение; иные девушки подносили ему полевые цветы, особенно часто фиалки, белые и лиловые, которые батюшка очень любил.

В 1903 году, в бытность свою у нас, отец протоиерей Иоанн совершил закладку зимнего Троицкого храма при громадном стечении народа, так как в этом году здесь были учительские курсы, в коих принимали участие свыше 70 учительниц.

Грешно было бы умолчать об одном слишком большой важности событии, совершившемся по молитвам отца Иоанна на глазах целой деревни и известном всей окрестности, о котором в свое время все говорили и писали, а теперь, уже после кончины батюшки, упоминал в газетах случившийся в то время у нас в монастыре г-н М. А. Гольтисон. Это было также в 1903 году, еще в начале июня месяца. Во всей здешней местности появилась сибирская язва. Коровы и лошади падали ежедневно по нескольку голов. Со всех сторон были поставлены карантины, и я с ужасом помышляла о том, как выеду за батюшкой и как привезу его в обитель, ибо всем приезжавшим к нам на пароходе из более отдаленных местностей приходилось идти пешком все 10 верст от пристани до нас. В монастыре, собственно, скот не падал, не было никакой эпизоотии; но из него-то, окруженного карантинами, никуда нельзя было попасть иначе, как пешком. Наконец необходимо стало решить вопрос, т.е. или предупредить батюш-

ку о невозможности посетить наше Леушино, или же, презрев опасность подвергнуть эпизоотии весь наш скот, решиться ехать; и я, помолившись с верою, избрала последнее. Со всякими предосторожностями, ночью, во избежание дневного жара, на легком простом тарантасе в одну лошадку, я поехала на пристань. Версты за 2 до нее, на карантине, мы едва пробрались, и то лишь потому, что все знали, что в обители пока все благополучно. Едва проехали эту заставу, как на беду нам пересекают дорогу двое дрог, везущих павших лошадей для закопки их в отведенном месте. Ужас мой и опасение удвоились, и я почти уверена была, что должна лишиться своей лошадки. Кое-как, наконец, добрались до пристани и со всеми предосторожностями, опрыскав и окурив, убрали лошадь в конюшню. Утром я отправилась навстречу батюшке и еще на пароходе рассказала ему все. Выслушав меня молча, батюшка встал со своего места и стал ходить по трапу парохода и молиться. Через полчаса времени он снова сел подле меня и сказал: «Какое сокровище — молитва! Ею все можно выпросить от Господа, все получить, всякое благо, победить всякое искушение, всякую беду, всякое горе». Я уже начинала смекать по этим словам, что и наша беда — сибирская язва — победится его молитвами, что и высказала ему. Батюшка ответил: «Что же — *вся возможна верующим!*» (Мк. 9: 23).

Когда пароход подошел к пристани Борки, то на ней уже собралась не одна сотня домохозяев и хозяек, намеревавшихся просить батюшку помолиться об избавлении их от такого тяжелого наказания, как потеря скота. «Что мы будем делать без скотинки-то, кормилец? Ведь ни земли вспахать, ничего, хоть по миру иди! Уж и без того-то бедно, а тут еще такая беда». — «За грехи ваши Господь попустил на вас такую беду; ведь

вы Бога-то забываете. Вот, например, праздники нам даны, чтобы в церковь сходить, Богу помолиться, а вы пьянствуете; а уж при пьянстве чего хорошего, сами знаете!» — «Вестимо, батюшка-кормилец, чего уж в пьянстве хорошего, одно зло». — «Так вы сознаетесь ли, друзья мои, что по грехам получаете возмездие?» — «Как не сознаться, кормилец! Помолись за нас, за грешных!» И все пали в ноги. Батюшка приказал принести ушат и тут же из реки почерпнуть воды. Совершив краткое водоосвящение, он сказал: «Возьмите каждый домохозяин себе этой воды, покропите ею скотинку и с Богом поезжайте, работайте; Господь помиловал вас». Затем батюшка вышел на берег, где уже стояли наши лошади, которых он сам окропил, равно и привезшую меня на пристань лошадку, и мы безбоязненно поехали в обитель. В тот же день все мужички поехали куда кому было надо, все карантины были сняты, о язве осталось лишь одно воспоминание, соединенное с благоговейным удивлением к великому молитвеннику земли Русской. Хотя у нас в обители и не было падежа скота, но мы, тем не менее, просили батюшку окропить его и помолиться о сохранении его на общую пользу. И бесценный наш молитвенник, совершив водоосвящение, приказал проводить мимо него весь рогатый скот поодиночке, причем каждого отдельно окроплял святой водою, также и лошадей.

Вообще батюшка любил животных; в пример этому могу привести случай, коему и я и все бывшие на пароходе были очевидцами.

Однажды мы с батюшкой ехали на пароходе по Волге вверх, против течения, около 5 часов пополудни, в сенокосное время. Все были на трапе, где батюшка читал нам книгу, а мы окружали его, сидя кто на стульях, кто на скамьях, а кто и на полу. Прекратив чте-

ние, батюшка обратился к бывшему тут же капитану парохода А. А. М. и сказал: «Пойдем, друг, помедленнее: чудный вечер, а аромат-то какой от свежего сена — наслаждение!» Идя тихим ходом, мы подходили к большой, широко раскинувшейся по берегу Волги деревне, а на противоположном берегу находился покос, где еще убирали сено: иные метали стоги, иные накладывали его на воза, чтобы увезти через реку в деревню на пароме, стоявшем у того берега. Вдруг одна лошадь с огромным возом сена, скативши его на паром, не могла остановиться и ринулась прямо в воду, увлекая за собой и воз и державшего ее хозяина-крестьянина. На пароме произошел невообразимый переполох: и лошадь и сено были обречены на верную гибель. Крестьянин, бросив вожжи в реку, моментально сел в лодочку и направился по течению, куда должно было нести и лошадь с возом. Наш пароход совсем остановился. В ужасе мы все смотрели на погибающее, как мы думали, животное. Но что же вышло? Батюшка, стоявший у самого борта на трапе, все время крестился, молился, произнося вслух: «Господи, пощади создание Твое, ни в чем неповинную лошадку! Господи, Ты создал ее на службу человеку, не погуби, пощади, всеблагий Творец!» Он часто изображал крестное знамение в воздухе по направлению к лошади, которая плыла с возом, как будто шла по дну. Когда она доплыла до самой середины реки, где было очень глубоко, — просто сердце замерло, глядя на нее: вот-вот, думалось, скроется под водой, но она продолжала плыть и вот уже была недалеко от другого берега. Крестьянин, плывший за нею в лодке, тоже подплывал к берегу; он подобрал волочившиеся по воде вожжи, опередил лошадь и помог ей поднять воз на берег. Из селения прибежали другие мужички и общими силами стали помогать

потерпевшему. Сначала выпрягли лошадь, и она, почувствовав себя вне опасности, стала стряхиваться, кататься, т. е. валяться по траве, и потом бодро встала на ноги. Сено подмокло, но и то не до самого верха, хотя нам и казалось, что уже только верхушка его не в воде. Так как это было у всех на глазах, и все видели, как отец Иоанн молился о спасении животного, то много народа собралось на берегу, во главе с хозяином лошади, чтобы благодарить дорогого молитвенника и общего отца-печальника, но он, избегая этого, тотчас же приказал капитану парохода идти дальше.

Много, весьма много назидательного и отрадного удостоил меня Господь видеть и слышать во время моего пребывания с отцом Иоанном. Он имел удивительный навык и самомалейшие случаи, по-видимому и незаметные, заурядные, не стоящие и внимания, обращать в полезное назидание окружающим. Вот пример. Все мы однажды были с ним на трапе парохода, где, по обыкновению, батюшка нам читал. Окончив чтение, он сидел молча, приказав лишь убрать столик, на котором лежали книги. Был сильный ветер; опасаясь, чтобы он не смахнул книги в реку, я стала собирать книги, чтобы снести их в каюту. Батюшка, пристально смотревший на пол, окликнул меня и говорит: «Матушка, смотри, как бьется бедная муха! Видишь, вот, вот она! Пришибло ее, бедную, к полу, не может подняться, а все-таки не теряет надежды, борется с ветром: он ее относит назад, а она опять ползет, экая ведь умница! Вот так и враг-диавол борет душу, относит ее, как вихрь, от пути спасительного, коим она идет, а она — борется, не уступает ему. Вот и муха нас учит, урок нам дает».

Бывало, любуется на закат солнца в ясный летний вечер и скажет: «Как дивен Творец в Своем творении!

Смотри хотя бы на это солнышко, какая дивная красота! А если творение так величественно, то что же Сам Творец, каков Он-то!»

Да и не счесть таких и подобных бесед и отрывочных фраз батюшки, которыми он услаждал дух своих спутников. О том, сколько на глазах наших совершилось исцелений, поразительных, разнообразных, я не стану описывать, потому что они и бесчисленны и всем известны; но не менее достойно предать памяти и случаи, говорящие о его проницательности и предвидении и вообще о близости его к миру духовному. Он во время своей тайной молитвы как бы созерцал Бога пред очами и беседовал с Ним, как с близким себе существом. Он как бы вопрошал Бога и получал от Него извещения. Пример сего могу привести следующий.

Однажды батюшка сидел на трапе парохода один, читая свое дорожное маленькое Евангелие, которое держал в руках. Я тоже была на трапе, но далеко от него. Вдруг батюшка, увидев меня, сделал знак рукою, чтобы я подошла к нему, что, конечно, я охотно исполнила. «Послушай, матушка, — обратился он ко мне, усаживая меня подле себя, — какой неправильный перевод: *Аз рех во изступлении моем* (Пс. 115: 2) переведено — «я сказал в безумии моем». Ведь это совсем не то? Я ответила, что надлежало перевести: «Я сказал в восхищении, в восторге чувств», с чем и дальнейшие слова согласуются: *что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми?* Батюшка одобрил мои слова и, опустив книжечку, сидел молча.

Пользуясь его спокойным настроением и досужными минутами, я решилась высказать ему свои тревожные мысли о загробной участи моей матери, которая, будучи вполне религиозной христианкой, в то же время сильно противилась моему уходу в мо-

настырь и не хотела дать мне на это своего благословения. Меня тревожила мысль: не вменит ли ей Господь во грех это ее упорство? И вот я, в описанную минуту, спросила о сем батюшку. Он сказал мне: «Молись за нее» — и, продолжая сидеть неподвижно с Евангелием в руках, сосредоточенно смотрел куда-то вдаль. Я уже более не повторяла вопроса, и мы сидели с ним молча около четверти часа. Вдруг батюшка, обернувшись ко мне, произнес твердо: «Она помилована!» Я никак не дерзала понять эти слова, как ответ на мой вопрос, считая его уже оконченным, и, в недоумении взглянув на батюшку, спросила: «Кто помилована? О ком вы это сказали?» «Да ты о ком спрашивала меня? О своей матери? — возразил он. — Ну, так вот я и говорю тебе, что она помилована». «Батюшка, дорогой, — продолжала я, — вы говорите, как получивший извещение свыше». — «А то как же иначе? Ведь о подобных вещах нельзя говорить без извещения — этим не шутят».

Могу привести примеры не только проницательности батюшки, но и того, что он именем Божиим властно запрещал бесам, козни которых он, очевидно, видел; приведу лишь немногие из них. Однажды мне довелось ехать с батюшкой по Балтийской ж. д. только вдвоем с ним, в отдельном купе. Мне хотелось поговорить с ним наедине о каком-то нужном деле. Началась беседа сердечная, духовная, откровенная. Вдруг батюшка порывисто, быстро поднялся на ноги (не отходя от места, где сидел), и, подняв правую руку вверх, потряс ею в воздухе, как бы грозя кому-то, и, устремив взор вдаль прямо (не в сторону), громко произнес: «Да запретит вам Господь Бог!» Сказав эти слова, он перекрестился, сел на свое место и с обычной своей кроткой улыбкой посмотрел на меня и, поло-

жив свою руку на мое плечо, произнес: «Что, матушка, ты не испугалась ли?» «Испугалась, батюшка, — отвечала я, — но я сразу же поняла, что вы запрещали бесам; неужели вы их видите?» — «Да, матушка, да! Но что об этом говорить? Лучше продолжим нашу сладкую беседу». Таким образом, в этой беседе мы доехали до Ораниенбаума; батюшка направился на пароход, идущий в Кронштадт, а я с тем же поездом, не выходя из вагона, вернулась в Петербург, утешенная и ободренная беседою с великим человеком, имеющим власть на *духов злобы поднебесных* (см. Еф. 6: 12).

Второй подобный сему случай могу привести следующий. В день храмового нашей подворской церкви праздника св. апостола Иоанна Богослова всегда служил у нас батюшка; для этого он приезжал накануне ко всенощной, выходил на величание, сам читал акафист и канон. Затем оставался у нас ночевать и в самый праздник совершал соборно с другими священниками позднюю литургию в 10 часов. Вставал он всегда рано, иногда часа в 4 или 5, писал проповедь или свои заметки, а часов около 7–8 ехал освежиться на воздухе, причем брал всегда с собою меня. Ездили мы обычно на острова, где поутру бывает всегда пусто, уединенно, что при чистом свежем воздухе действительно составляло отдых и отраду пастырю, окруженному в течение целого дня людьми и суетою. Эти часы батюшка употреблял для тайной созерцательной молитвы, и я, зная это, никогда не нарушала ее никакими разговорами, кроме тех случаев, когда он сам заговорит со мною. Однажды ехали мы по Николаевскому мосту, откуда заранее кучеру приказано было повернуть по набережной налево. Когда карета наша поравнялась с часовней на мосту, мимо, вдоль набережной, с левой стороны, везли покойни-

ка; дроги с гробом везла одна лошадь, а провожающих было не более 8 или 10 человек, почему каждый из них был ясно видим. Батюшка вдруг изменился в лице: он пристально глядел на погребальное шествие, и так как оно шло по набережной параллельно с нашей каретой с моей (левой) стороны, то ему приходилось наклоняться на мою сторону, причем я не могла не видеть перемены в лице его. Наконец шествие свернуло на 1-ю линию, а батюшка, несколько успокоившись, стал креститься. Потом, обращаясь ко мне, произнес: «Как страшно умирать пьяницам!» Предположив, что батюшка говорит о покойном потому, что узнал провожающих его гроб, я спросила: «А вы знаете его, батюшка?» Он ответил мне: «Так же, как и ты». Все еще не понимая ничего, я пояснила ему свое предположение, прибавив, что я никого из провожающих не знаю. «И я тоже, — сказал он, — но вижу бесов, радующихся о погибели души пьяницы».

Не могу умолчать о времени пребывания этого праведника у нас в обители в 1908 году. Это было уже последнее его посещение; он был уже очень слаб, почти ничего не мог кушать, мало разговаривал, все больше читал, уединялся, но служил ежедневно в соборном храме, который он всегда так хвалил и о котором говорил неоднократно, что ему легко в нем служить, о чем я уже упоминала. Пробыл он у нас в обители 9 дней, и в день отъезда спросил меня: «Сколько дней я пробыл у вас, матушка?» Когда я ответила, то он продолжал: «Девятины справил по себе, уже больше не бывать мне у тебя. Спасибо тебе, спасибо за твое усердие, за любовь, за все!» Сестры провожали его, как и обычно, с пением и со слезами, — всем было ясно, что бесценный светильник догорает. Когда мы с ним выехали из обители и, миновав деревню Леушино, свернули на-

лево в поля, батюшка стал все оборачиваться назад и глядел на обитель. Предполагая, что он забыл что-нибудь или хочет сказать едущим позади нас, я спросила его об этом, но он отвечал: «Любуюсь еще раз на твою обитель: тихая, святая обитель! Да хранит ее Господь; поистине, с вами Бог!» Теперь эти чудные, отрадные слова служат нам великим, высоким утешением. С пристани Борки мы поехали на пароходе к Рыбинску и вниз по Волге на далекую Каму, куда приглашали батюшку. С нами было 5 сестер-певчих, которые по распоряжению батюшки отправляли на пароходе богослужения и в течение дня пели ему по его желанию. Это оставалось уже единственным утешением из обычного препровождения времени на пароходе. Накануне того дня, когда мы должны были расстаться с батюшкой, он попросил сестер-певчих пропеть все номера Херувимских песней, которые они знают. Таковых набралось очень много (так как ноты были с собою), и сестры, став подле батюшки, начали петь. Когда дошла очередь до Симоновской Херувимской, батюшка сказал: «Это моя любимая песнь, я сам ее пел еще будучи мальчиком», и попросил ее повторить. Затем попели по назначению же батюшки: «О Тебе радуется» и «Высшую небес». Батюшка во все время пения сидел в кресле у борта парохода, закутанный в теплую рясу, и, сидя, регентовал правой рукой своей и подпевал. Когда пропели «Высшую небес», он заметил: «Это хорошо, но уже новый напев, а я певал иначе», и он своим мелодичным, но уже старческим, дрожащим голосом пропел всю эту песнь до конца, т. е. «во еже спастися нам». Все прослезились, да и могло ли быть иначе? Пропев, батюшка встал и, обратясь к певчим, произнес: «Ну, дай Бог и нам всем спастися! Спасибо вам, сестры, за ваше прекрасное сладкопение, которым вы и всегда

утешали меня». На следующий день мы с батюшкой расстались. Это было 6 июля 1908 года.

Заканчивая эти записи бесед моих с незабвенным батюшкой Иоанном, я считаю нелишним прибавить, что цель издания настоящих записей — единственно поделиться с верующими людьми этим духовным сокровищем, так как и они могут почерпнуть из них немало назидательного. Я здесь открывала перед батюшкой свою душу, что не стеснилась передать и читателям; но ведь и они — люди, на земле живущие и тоже обложенные немощами, потому будут снисходительны и к моим недостаткам. Прошу верить всему здесь написанному, принимая во внимание, что у меня не могло быть никаких побуждений говорить неправду на усопшего, уже предстоящего лику Божию. Если бы я написала это при жизни его, то еще можно было бы заподозрить меня как сторонницу и почитательницу батюшки, но и это было бы несообразно с моими воззрениями, ибо я не могу не понимать важности данного вопроса, и в мои преклонные годы это было бы непростительно. Мне уже 70, я готовлюсь последовать за батюшкой в вечность.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. Т.

В первый раз увидел я отца Иоанна у тетушки, графини Тизенгаузен. Старушка жила в антресолях Зимнего дворца со своей племянницей Ниной Пиллер, которая была безнадежно больна. Помолиться об ее выздоровлении и был приглашен отец Иоанн, который произвел на меня сильное впечатление. Он обратился к больной, а затем и к присутствующим с речью, убеждая всецело положиться на волю Божию и отдаться с покорностью Его благому Провидению. После этого он пригласил всех помолиться о больной и начал чи-

тать импровизированную и прочувствованную молитву, тронувшую всех до слез. Плакала больная, плакали присутствовавшие, плакал и сам отец Иоанн. После молитвы он благословил больную, обещал о ней еще молиться, когда будет служить литургию, и ободрил всех ее близких. Всем он советовал молиться, но не ждать чуда и не видеть в христианской кончине чего-нибудь ужасного, а каждому быть всегда готовым к смерти, только бы это была смерть праведная.

Вскоре после этого, недели через три, больная умерла, и отец Иоанн служил о ней панихиду, причем всех снова растрогал своим добрым пастырским словом. Кто хоть раз видел вблизи Кронштадтского пастыря, тот никогда не забудет его кроткого взора и его мягкого, теплого голоса, когда он произносил слова утешения. От него веяло миром душевным и чувствовалась особая благодатная сила в его речах. Он производил неотразимое впечатление, и я помню, как один мой родственник, увлекавшийся лордом Рэдстоком и модными в то время лжеучениями штундистского характера, встретив в нашем доме отца Иоанна, бросился целовать его руки, и одного взгляда отца Иоанна оказалось достаточным, чтобы он остановил свое увлечение и выразил желание отправиться в Кронштадт исповедаться и причаститься Святых Тайн, к которым не приступал больше десяти лет. После этого он стал искренно верующим человеком и перестал чуждаться Церкви и ее служителей.

Чем более росла слава отца Иоанна, тем труднее становился к нему доступ. Помню, во время болезни моей матери я тщетно писал и телеграфировал отцу Иоанну, и мой призыв до него не доходил. Тогда я собрался к близко знавшему его генералу Богдановичу, отцу моего товарища по корпусу, и тот написал мне телеграмму, заставив подписать: «Паж Двора Его

Величества», и действительно на этот раз телеграмма дошла. В ответ на нее отец Иоанн приехал сам и помолился о нашей дорогой больной, умиравшей от неизлечимого недуга.

Ездил я, будучи пажом, к отцу Иоанну в Кронштадт вместе с одним товарищем. Когда мы садились в Ораниенбауме на пароход, оказалось, что с тем же пароходом возвращается к себе отец Иоанн, к которому мы тотчас же и подошли и имели счастье всю дорогу с ним беседовать и поучаться его наставлениями.

Когда пароход пристал к Кронштадту, оказалось, отца Иоанна уже там ждали. На улице, прилегающей к пристани, в два ряда стояли шпалерами нищие, человек около двухсот. Отец Иоанн, выйдя на берег, подошел к ним и начал оделять их милостыней. При этом нам посчастливилось быть очевидцами прозорливости отца Иоанна. Кто-то около нас из пассажиров, молодой интеллигент довольно развязного типа, шепнул своему соседу студенту вполголоса, указывая на отца Иоанна, раздающего деньги на другом конце улицы: «Поощрение тунеядства!» Когда отец Иоанн окончил раздачу, то вернулся к пристани, где еще стояли те молодые люди, дожидаясь извозчика, и произнес, обращаясь к ним: «Все мы должны быть милостивыми к нищим, ибо сказано в Писании: блажен, кто призирает на нищего и убогого, в день лют избавит его Господь, но мы, священники, обязаны еще более заботиться о бедных, так как там же сказано, тебе оставлен есть нищий!» И, проговорив эти слова, он отошел, оставив молодых людей в большом смущении.

Перед домом отца Иоанна стояла толпа, через которую нельзя было протискаться. Поэтому мы не решились туда проникнуть, тем более, что имели уже счастье видеть отца Иоанна и беседовать с ним, и на-

правились в Андреевский собор, где тоже уже была масса народа, так как ожидали, что отец Иоанн туда придет служить вечерню. Через несколько времени прибыл отец Иоанн, и народ бросился к нему с такой силой, что, не стой тут наряд полиции, батюшку бы смяли. После вечерни отец Иоанн долгое время благословлял народ, причем мы были свидетелями таких сцен: подходит прилично одетый господин и сообщает отцу Иоанну, что он разорился и ему грозят позор и тюрьма, так как он растратил чужие деньги. В это время какая-то плохо одетая женщина в платке передает батюшке через головы других какой-то белый узелок. Отец Иоанн берет узелок и, не взглянув на него, передает прилично одетому господину. Женщина вскрикивает: «Батюшка, тут три тысячи!» Отец Иоанн к ней обращается со словами: «Ведь ты жертвуешь Богу? Господь принимает твой дар, и твои деньги спасут человека». А человек с узелком в руках уже стоит на коленях перед иконой Спасителя и сквозь слезы повторяет: «Три тысячи, три тысячи! Как раз та сумма, которую я должен!» После вечерни отец Иоанн принял нас у себя, благословил и, наскоро напутствовав, так как его ждали многие, обещал за нас молиться. Остаться до другого дня мы не могли, так как должны были вернуться в Красносельский лагерь в тот же вечер, и потому уехали из Кронштадта, унося в душе самые светлые воспоминания.

После этого я часто встречался с отцом Иоанном, когда я жил в Москве, а он туда приезжал и бывал у князя Долгорукова. Князь оказывал Кронштадтскому пастырю знаки большого внимания и уважения, каждый раз оставляя его у себя обедать, причем, зная, как дорожит временем отец Иоанн, предоставлял ему в его распоряжение свой экипаж и просил не

стесняться и уходить тотчас же по окончании обеда, если ему некогда. Один раз князь поручил мне, в то время молодому офицеру, проводить отца Иоанна на Николаевский вокзал и распорядиться, чтобы открыли парадные комнаты. У вокзала стояла несметная толпа, так что экипажу пришлось ехать шагом, и при выходе из кареты мне едва удалось отца Иоанна провести до дверей парадных покоев, до того нас стиснула толпа. Так как опасались, что такая же давка будет на перроне, где толпа окружила вагоны первого класса, начальник станции распорядился провести отца Иоанна потихоньку через колею и усадить его в вагон с противоположной стороны. Для отвода глаз перед вагоном на перроне стояли шпалерами жандармы, как бы ожидающие его прихода, и публика их обступила. В самый момент отхода поезда жандармы разошлись, а перед изумленной публикой в окне вагона поднялась штора и появилось лицо любимого пастыря, который, ласково улыбаясь, благословил присутствующих. Князь очень смеялся, когда я ему докладывал, каким образом нам удалось усадить в вагон отца Иоанна.

Что опасность давки была не шуточная – показывает то, что в предыдущий отъезд отца Иоанна из Москвы вокзальная публика до такой степени смяла его, что погнула его золотой наперсный крест.

Отец Иоанн, бывая в Москве, посещал и командующего войсками генерала Костанду и один раз, приехав туда на второй неделе Пасхи, похристосовался со всеми присутствующими, так как, по его словам, Пасха не прошла, а приветствовать друг друга словами: «Христос воскресе!» — можно не только всю Пасху, но и круглый год.

Один раз мне посчастливилось ехать с отцом

Иоанном из Петрограда в Москву со скорым поездом в одном вагоне. Узнав, что в купе рядом с моим путешествует отец протоиерей Сергиев, я постучался к нему, и он любезно пригласил меня войти и дозволил провести в своем назидательном сообществе несколько незабвенных для моей памяти часов. На следующее утро, подъезжая к Москве, отец Иоанн пригласил меня в свое купе, и мы продолжали вчерашний разговор, который закончился только тогда, когда поезд въехал под стеклянный навес Николаевского вокзала первопрестольной столицы. Последними словами, обращенными ко мне, любвеобильного Кронштадтского пастыря, было обещание вспоминать меня молитвенно за литургией и увещание — я в то время уже был священником, — как можно чаще совершать литургии и взаимно молиться за него.

Встретился я еще один раз с отцом Иоанном в Крыму, куда он приезжал осенью 1894 года, вызванный к болезненному одру Царя-Миротворца, и удостоился быть приглашенным им к сослужению в Ялтинском соборе.

Сначала отец Иоанн служил утреню, причем сам читал тропари канона, и по окончании утрени произнес проповедь. После литургии отец Иоанн, по обыкновению, несмотря на сослужение дьякона, потреблял Святые Дары, а затем совершил молебен о здравии государя императора Александра III.

Скромность отца Иоанна была поразительная. Он никогда не заботился лично о себе, никогда не старался выдвинуться вперед, никогда не приписывал получаемых милостей Божиих своим молитвам, а всегда говорил, что исцеление дается Богом по вере самого страждущего и по молитвам всех с ним молившихся, а не его одного. Чем более он высказывал христианского смире-

ния и старания стушеваться, тем более Господь выдвигал Своего праведника, прославлял его. Помню такой случай. Когда он первый раз явился к князю Владимиру Андреевичу Долгорукову, его еще никто не знал из генерал-губернаторской прислуги: его провели в переднюю и там оставили ждать. Никто его не замечал; чиновники проходили мимо него в приемную, не обращая внимания, и никто о нем и не думал доложить князю, и сам он о себе не напоминал, скромно стоя в уголке, в рясе и камилавке. В таком виде я его застал в передней и сейчас же сказал о нем дежурному чиновнику, который поспешил доложить о нем князю, и князь его немедленно велел привести к себе. С этих пор князь постоянно приглашал его к себе и выказывал знаки уважения; помню, раз в присутствии архиепископа Амвросия князь подошел к отцу Иоанну под благословение, и тот не отказался ему его дать, хотя не принято, чтобы священники благословляли в присутствии архиерея.

Отношения отца Иоанна к людям, которые к нему обращались за помощью, были трогательны: он страдал со страждущими и плакал с плачущими, но строго и гневно обличал упорных еретиков и сектантов, вроде Льва Толстого и его последователей. За это последние его ненавидели той непримиримой ненавистью, какой сатана ненавидит ангелов света. А между тем батюшка Иоанн Кронштадтский вовсе не мог быть назван узким фанатиком, так как благотворил одинаково и православным, и иноверцам, причем мне известен такой случай как раз в Крыму, когда отец Иоанн посоветовал одному позвавшему его больному — поляку, который долго не был у исповеди, исповедаться и причаститься Святых Тайн у своего священника, и когда тот исполнил совет батюшки, то выздоровел.

Я знаю, что отец Иоанн благотворил даже евреям,

и знал евреев, которые его высоко уважали и почитали святым.

За границей слава отца Иоанна возросла с тех пор, как Ванутелли написал о нем в своей книге о России, причем сравнил его с тезоименитым ему жившим в эпоху Наполеона Арским приходским священником Иоанном Вианней, причисленным католической церковью к лику святых. Лев XIII тоже очень интересовался личностью отца Иоанна и много меня расспрашивал о нем. Точно так же интересовались им и французское духовенство, и английское (протестантское), и мне в бытность мою за границей и в Париже, и в Лондоне, и в Америке постоянно приходилось говорить о Кронштадтском пастыре как об идеале священника.

Один раз я, по просьбе пассажиров, прочел об отце Иоанне целую лекцию на пароходе в Тихом океане, и его имя нередко фигурировало в моих проповедях среди иноверцев.

Должен, к сожалению, сказать, что даже в России встречались люди, относившиеся к отцу Иоанну отрицательно. Так, один почитаемый иеромонах одного подгородного монастыря, который я намеренно не называю, выразился в разговоре об Иоанне Кронштадтском: «Он у нас не в ходу». Мне кажется, это говорила известного рода монашеская ревность, что такой подвижник не принадлежал к монашеству, а украшал собой ряды белого духовенства.

Мне часто приходилось выступать в защиту отца Иоанна, особенно когда его упрекали как раз в таких вещах, которых он всего более избегал. Ему ставили в упрек его дорогие бархатные рясы, которых он никогда себе не заказывал, а носил потому, что ему их дарили почитатели, чтобы их не обидеть, — раз, а во-вторых, потому, что сыновне помнил преподанный ему покой-

ным митрополитом Исидором урок, когда он явился к нему в простой шерстяной рясе. «Неужели, — сказал митрополит — вы и во дворец показываетесь в такой рясе?» На ответ, что это его лучшая выходная ряса, митрополит заметил отцу Иоанну, что являться в таких простых одеждах к высоким особам показывает признак недостаточного уважения. Как раз после этого отцу Иоанну подарили новую рясу, и он стал ее носить, когда ему приходилось посещать высокопоставленных особ.

Точно так же отец Иоанн не мог считаться ответственным и за то, что его тесным кольцом окружали и опекали его почитательницы, почитание которых выразилось впоследствии в уродливой форме особого обожания сектантского характера. В сущности, это было то же чувство, которое окружает каждого уважаемого в приходе священника, но доведенное до апогея ввиду обаятельности самой личности отца Иоанна и его всевозраставшей популярности. Ни один монарх в мире не получал столько писем и приношений, как отец Иоанн: эти кипы писем и телеграмм сортировались окружавшими отца Иоанна, и только наиболее важные, по их мнению, передавались Батюшке. Здесь, конечно, были злоупотребления, но сам отец Иоанн тут был ни при чем, так как не мог лично, при массе дел, перечитывать в день по нескольку сот писем. Впоследствии он завел себе секретаря, и тогда дело пошло глаже, и злоупотребления прекратились.

В заключение скажу, что я видел отца Иоанна в последний раз уже после моего возвращения из-за границы незадолго перед его праведной и мирной кончиной. Он отнесся ко мне так же сочувственно и доброжелательно, как и прежде, подарил мне на память свою «Жизнь во Христе» и благословил мои труды, которые я ему почтительнейше поднес. Отец

Иоанн всегда был моим идеалом доброго пастыря, и, когда я служил на приходе, то так же, как и многие мои товарищи в то время по служению, такие же почитатели отца Иоанна, как и я, мы старались ему подражать и всегда ставили его перед собой образцом всех пастырских добродетелей и нередко в затруднительных случаях спрашивали себя, как бы отец Иоанн поступил в данном случае, и старались поступать так же.

Отец Иоанн покинул нас, но память о нем и пример его жив между нами, и мы можем с уверенностью надеяться, что душа этого доброго пастыря и ныне предстательствует за нас перед престолом Всевышнего и молитвы его о нас, грешных и скорбных, стали еще более действенны, чем они были при его жизни.

АДМИРАЛ Д.В. НИКИТИН

Вторым священником Андреевского собора в Кронштадте и ключарем его был преподававший нам в гимназии Закон Божий отец Иван Сергиев.

Отцу Ивану нужно отвести особое почетное место в моем рассказе. Через несколько лет вся Россия узнала этого скромного священника, уроженца заброшенного в глуши Архангельской губернии села Суры. Не только в пределах нашей родины, но и за границей он стал известен как «Отец Иоанн Кронштадтский».

Со времени своего назначения в Кронштадт отец Иоанн стал другом моих родителей и частым гостем у них. Мой отец был его помощником и сотрудником, когда он вырабатывал план совершенно нового тогда для России учреждения: Дома Трудолюбия для доставления заработка и помощи всем сирым и убогим, оказавшимся в тяжелом положении. Вместе с моим отцом он и проводил этот проект в исполнение в Кронштадте.

В гимназии урок Закона Божия. После молитвы за преподавательский столик садится отец Иоанн. На его щеках играет румянец и он кажется моложавым, несмотря на пробивающуюся седину в бороде. Огнем, но огнем доброты и приветливости горят его светло-голубые глаза. Этих глаз не забудет никто, кто их видел. Батюшка, не в пример прочим преподавателям, говорит всем нам «ты» и это «ты» звучит так необыкновенно просто и естественно в его устах. Обратись к нам так другой педагог — это показалось бы нам грубым и даже оскорбительным.

Двое моих одноклассников начинают играть в «перышки» на его уроке. «Ничего, отец Иван добрый, да он не заметит». Но батюшка заметил, тотчас же извлек обоих с их мест и попросту поставил на колени около своего столика. Одного «одесную», другого «ошую» себя.

Как сейчас вижу эту картину. Преподавательский столик приходится как раз на высоте глаза стоящих на коленях и те, вытягивая, сколь возможно, свои шеи, стараются рассмотреть, что батюшка пишет в классном журнале. — Вот, ужо я вас, — говорит он им, стараясь казаться сердитым, но те в ответ только широко улыбаются, по глазам его видя, что это только так — одна угроза.

Мои родители рассказывали, что когда отца Иоанна назначили в Кронштадт, город, считающий себя пригородом Петербурга, то местные обыватели, привыкшие видеть своих батюшек щеголевато одетыми в рясы модного покроя и старающимися держать себя на «столичный» лад, ворчали про себя: «ну и послали попа, простого сельского. Никакого вида у него нет».

Не нравилась им также и проникновенная искренней мольбой к Богу служба отца Иоанна, который то протяжно, слог за слогом, произносил знакомые слова

молитвы, то молниеносной скороговоркой выражал непосредственность своего обращения к Создателю.

В жизни отца Иоанна было два раздельных периода и первый из них являлся как бы подготовлением его к последующему подвигу. В это время для него существовали еще разные мелкие утехи и радости жизни, свойственные всякому человеку. Впоследствии, когда отец Иоанн был уже Членом Святого Синода и вполне равнодушно относился ко всем выпавшим на его долю высоким орденам и наградам, трогательно было вспомнить, как его заботило и огорчало, когда его, скромного соборного священника, почему-то обходили первой очередной маленькой наградой: орденом св. Анны III степени.

В моей памяти живет до сих пор «Отец Иван» этого первого периода, мой законоучитель, друг моей семьи, частый гость в нашем доме и на редкость милый и бесконечно добрый человек.

В средине восьмидесятых годов в газетах стали появляться заметки, сначала отрывочные и краткие, а затем все более и более подробные о том необыкновенном влиянии, которое стал иметь отец Иоанн на народные массы и об исцелении им сотен недугующих, совершенных посредством молитвы и простого наложения рук. Сообщалось также о чудесном свойстве проповедника видеть и ощущать события, происходящие в сотнях верст от него, а также об его даре проникать мыслью сквозь завесу грядущего.

Нет пророка в своем отечестве.

Друзья и знакомые отца Иоанна, которые видели его так недавно запросто в своих домах, поддерживающим за стаканом чая разговор на самые обыденные темы, причем он не отказывался и от рюмки легкого вина, пришли сначала в некоторое смуще-

ние. «Что это газеты делают с нашим милым отцом Иваном?» — говорили они. — «Ведь они его каким-то ИКОНОПИСНЫМ угодником и чудотворцем изображают. Это же кощунство».

К нему потекли со всех концов нашей обширной родины толпы ищущих помощи духовной и телесной, он стал как в России, так и за ее пределами — высоким авторитетом в религиозных вопросах. Многие, никогда и не подозревавшие, что существует такой город — Кронштадт, узнали, что есть «отец Иоанн Кронштадтский».

Но личной жизни у отца Иоанна, увы, не стало больше. Он как бы сгорал в лучах своей славы и не располагал больше своим временем. Он навсегда утратил возможность зайти вечерком в гости к кому-нибудь из своих знакомых и друзья отца Иоанна могли теперь только мельком видеть его, когда, окруженный жадно стремящейся к нему толпой, он выходил из экипажа у подъезда дома, где живет ожидающий его помощи больной.

В Кронштадте редкими ударами гудит большой колокол Андреевского собора, обозначая которое из Евангелий прочитано на вечернем чтении Страстей Господних. Служит сам отец Иоанн. Когда он начинает читать главу Евангелия, он, видимо, далеко удаляется от всего окружающего. Он переживает всей душой Страсти Господни. Он вдруг начинает сам себя перегонять. Слова бегут неудержимым потоком. Затем он как будто бы снова замедляет темп, растягивая каждое слово. Отец Иоанн не смотрит на Священную Книгу; то, что там написано, он с детства, когда еще был мальчиком в глухом селе Суре, Архангельской губернии, вытвердил наизусть. Сейчас он не с нами. Он телом находится среди нас, но духом, мыслью он в далекой стране Иудейской. Читая священные строки, он подымается

вместе с Христом на небольшой холм в окрестностях столичного города. День уже перевалил за полдень. Идти в гору жарко, место заброшенное, печальное. Сюда приходят толпы только в дни даровых зрелищ: мучения и казни людей. Дороги хорошей нет, ноги вязнут в песке, острый щебень чувствуется даже сквозь подошву. Раскрывши рты, смотрит на происходящее иерусалимская чернь. Это ее день. Но среди оборванцев есть и более нарядно одетые люди — завсегдатаи всяких казней, любители сильных ощущений.

На вершину холма, однако, проходимцев не пускают. Небольшой караул, всего в несколько человек, выглядит слишком внушительно. Втянутые в войну и походы мускулистые люди в красивых касках и латах имеют у бедра короткие острые мечи, а в руках длинные копья с металлическим наконечником. Удар таким мечом плашмя по голове — и череп будет проломлен. Чернь это знает и боязливо косится на столь нарядно одетых, но неприятных ей иностранцев. Выражение лиц у солдат сурово-равнодушное: «Нам что ж, — думают эти люди. — Нас назначили сюда в наряд наблюдать за порядком, а что тут происходит — для нас безразлично»...

Отец Иоанн взглянул вверх на купол собора, увидел изображение 4-х евангелистов, столь ему знакомых за годы его служения здесь, опустил взор на аналой с Евангелием, вспомнил, что его слушает его паства и он обычным тоном читающего Священную Книгу священника заканчивает главу.

Голос отца Иоанна, довольно высокого тембра, — «удивительно молодой голос», — как тогда говорили, звучит все так же, как несколько лет тому назад, когда в гимназии он был моим законоучителем, звучит так же, как у нас в доме, где он был близким другом моего

отца и часто запросто бывал. 13 лет они прослужили вместе в соборе, где мой отец был старостой.

Удивительным сейчас кажется, что он, как и всякий другой гость, принимал чашку чая из рук матери, не отказывался от рюмки вина, принимал участие в разговорах на общие темы, его интересовали тогда всякие «злобы дня».

Обласканный Царской Семьей и глубоко чтимый ею, он был бесконечно далек от стремления к каким бы то ни было мирским благам и почестям.

В моей семье был такой случай: «В 1888 году поступал в морское училище мой брат. Отец нашел случай попросить отца Иоанна:

— Батюшка, благословите нового моряка на службу Царю и Отечеству.

Отец Иоанн сначала глубоко задумался, затем сразу как бы очнулся и, обратившись к кадету, сказал:

«Да благословит тебя Господь Всемогущий и да охранит тебя святая Десница Его, как на водах, так и под водою».

За отцом Иоанном уже установилась тогда слава провидения будущего. Поэтому сказанное батюшкой даже несколько обеспокоило моего отца.

— Что это значит — «под водою»? Тонуть моему сыну придется, что ли? — говорил он, придя домой.

Слова отца Иоанна были прочно забыты. Вспомнили о них только через четверть века, когда брат плавал на подводных лодках и был назначен командиром подводной лодки (1909–1914 гг.).

В то время, когда отец Иоанн произносил свои вещие слова, еще и разговоров не было о судах, плавающих под водой.

В последние годы жизни отца Иоанна злобный лик грядущего большевизма стал показываться на горизон-

те. Отец Иоанн был всегда полон снисхождения к людским слабостям и прегрешениям, но по адресу губителей нашей родины он нашел слова гнева и проклятия. Огненным словом обрушился он на них в своих проповедях, полных горячего патриотизма. Это не было, очевидно, забыто теперешними московскими владыками. Им нужно было стереть с лица земли все, напоминающее об отце Иоанне, ибо память о нем несомненно до сих пор живет среди подвластного большевикам населения.

Поэтому они разрушили Андреевский собор, столь тесно связанный с его именем. Будут ли, благодаря этому, забыты заветы отца Иоанна и будет ли забыт он сам — покажет будущее.

П.А. СОКОЛОВА
Путешествие отца Иоанна по Волге

Чтобы познакомиться с батюшкой отцом Иоанном, мы с мужем ездили из Рыбинска, где гостили у родных, в Ярославль, к Архиепископу Агафангелу и в первый раз увидали своими глазами то, что читали в газетах и слышали от очевидцев.

После молебна батюшка прошел с владыкой в гостиную, куда приглашены были некоторые лица, в том числе и я с мужем. Нас представили батюшке. Он очень ласково расспрашивал нас и, узнав, что мы с Волги, батюшка как бы пророчески сказал: «А, с Волги, я очень люблю Волгу и мы, наверное, часто будем встречаться с вами».

Слова батюшки действительно сбылись полностью...

Ни один приезд наш в Петербург не прошел, чтобы мы не виделись с батюшкой, разве только когда он бывал в это время в отъезде; обычно или батюшка приезжал к нам в гостиницу, или мы ехали к нему в Кронштадт.

Был батюшка в нашем городе С. 3 раза и каждый

раз бывал у нас в доме.

Батюшка приезжал в наш город два раза к больным, а один раз на освящение храма, построенного в память его посещения нашего города в честь его св. Ангела Иоанна Рыльского.

В этот раз произошел интересный случай: после освящения храма все духовенство, во главе с епископом Гурием и официальными лицами города, были приглашены на обед к городскому голове.

Все духовенство и приглашенные приехали, а батюшка заехал к больному и приехал позднее. Когда сказали, что батюшка приехал, владыка вышел из гостиной в зал встретить его и первый поклонился ему земным поклоном, а батюшка, в свою очередь, владыке и оказались оба в коленопреклоненном положении.

Батюшка из С. должен был ехать по Волге до Рыбинска, направляясь на родину в Архангельск. Городской голова предложил батюшке свой пароход. И он поехал со своим протоиереем, с личным секретарем и еще 2–3-мя лицами, приехавшими с батюшкой, затем городской голова с женой и я с мужем и двумя детьми, посторонней публики не было. Доехали до Нижнего Новгорода, дальше пароход идти не мог из-за мелководья. Тогда мой муж предложил батюшке небольшой пароход от Нижнего до Рыбинска. Батюшка согласился и так мы путешествовали 5 суток вместе с батюшкой.

Забыть этой поездки в обществе батюшки невозможно. С 7-ми часов утра до 11–12 часов ночи бывали мы с ним.

Вставал батюшка в 5 часов утра и шел на трап молиться.

Капитану было сказано, чтобы каждое утро пароход приставал к какому-нибудь селу, на берегу Волги (от Нижнего Новгорода до Рыбинска очень

населенные берега). Часов в 6–7 пароход подходил к пристани, посылался гонец к местному священнику сказать, что отец Иоанн Кронштадтский будет служить литургию. И вот тут начиналось сильное движение: ехали верховые оповещать крестьян, помещиков, народ бежал, ехали на лошадях и собиралось столько народу, что не только церковь и ограда, но и вся площадь перед церковью полны были собравшегося народа. Пройти обратно на пароход было очень трудно.

По вечерам на пароходе батюшка служил всенощные, пароходная команда и наши мужчины пели.

Обедали и чай пили все вместе, во главе с батюшкой. Через полчаса после обеда батюшка выходил на палубу, и мы все шли за ним. Батюшка читал нам вслух или вел беседу.

В Костроме отец Иоанн служил литургию в соборе. Накануне послана была телеграмма, встречали батюшку очень много духовенства и светские власти.

На Волге для остановок пароходов ставятся «пристани» — это большие баржи, укрепленные якорями и цепями, к берегу с пристани шли широкие и длинные мостки. Когда батюшка возвращался из города на пароход, то выйти ему из кареты у мостков было невозможно, так много было народу, что могли смять батюшку. Тогда лошади с каретой въехали по мосткам на пристань к самому пароходу, а народ удерживала полиция на берегу, но не могла сдержать, и народ хлынул в воду, мимо пристани и стояли по пояс в воде, кричали, крестились, молились, а батюшка стоял на палубе парохода и благословлял народ.

Перед Костромой батюшка нас всех исповедал, а в Костроме мы причащались.

Та же картина встречи и проводов батюшки была в

Ярославле и Рыбинске.

Бывая у нас в доме, батюшка всегда служил молебен. Сначала к молебну собирались знакомые, а затем уже наполнялись несколько комнат незнакомыми людьми. Перед молебном расставлялись на нескольких столах свежие и глазированные фрукты, мятные пряники, несколько бутылок прованского масла, разлитого в маленькие пузыречки, и несколько мисок с водой. Все это батюшка освящал и благословлял и мы раздавали присутствующим.

Провожать батюшку приходилось через другой, не главный, выход, а в парадном входе стояла громадная толпа, и вся улица была запружена народом, — нельзя было пройти.

Наша семья никогда ничего не начинала делать серьезного и важного, не спросив телеграммой батюшку и прося у него благословения.

У сестры моего мужа был болен сын 16 лет брюшным тифом. После тифа было осложнение, и ноги у него (пятки) были пригнуты к спине. Была очень высокая температура.

Послали телеграмму батюшке, просили помолиться. Батюшка ответил: «Молился и еще буду молиться. Господь милосердный поможет и помилует». К получению телеграммы температура у больного упала, ноги распрямились, и он начал быстро поправляться.

А вот еще случай. Дочь наша должна была выйти замуж; просили благословения у батюшки. Он ответил — «благословляю». Затем дело затянулось и свадьба расстроилась. Вскоре батюшка приехал в наш город. Говорим ему, что свадьба дочери не состоялась, а батюшка возразил: «А все-таки она выйдет за этого жениха!» Так и случилось.

Похоронен батюшка, как известно, в Петербурге, в

Иоанновском монастыре, в нижней церкви, где до революции служились панихиды, целые дни без перерыва.

Однажды, будучи в Петербурге, мы решили поговеть и причаститься у могилы батюшки. После литургии игуменья пригласила нас на завтрак, а когда мы уходили от нее, то матушка игуменья и говорит мне: «Я хочу вас попросить, не сделаете ли вы в боковом приделе нижней церкви (где погребен батюшка) мраморный белый иконостас, а то у нас средний-то мраморный, где стоит гробница батюшки, а боковой деревянный». Мы ответили согласием, но заметили: «Сейчас у нас нет свободных денег, а как вернемся домой, вышлем». По приезде домой, с неделю или более не посылали денег, муж увлекся накопившимися делами и замедлил посылку денег.

Однажды батюшка приснился мужу: пришел к нам в комнату и грозно спрашивает моего мужа: «Что же ты обещал послать деньги на иконостас, а не посылаешь?!» В этот же день деньги были посланы.

Лет 5 тому назад писали нам, что монастырь разорен, монахини разошлись.

Бывало после того, как повидаешься с батюшкой, поговоришь с ним, да помолишься за его службой, так с неделю не хочется ни за что приниматься, ни за дела, ни за хозяйство. Все он дорогой и его чудные голубые блестящие глаза стоят перед тобой, а как он молился за литургией, как воодушевлял к молитве! Простоишь бывало 3–4 часа и не заметишь, и не устанешь.

ЧАСТЬ IV

ПОУЧЕНИЯ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Святой праведный Иоанн Кронштадтский вел духовный дневник, записывая ежедневно свои мысли, приходившие ему во время молитвы и созерцания, в результате «благодатного озарения души, которого удостаивался он от всепросвещающего Духа Божия». Эти мысли составили собою целую замечательную книгу, изданную под заглавием: «Моя жизнь во Христе». Эта книга — яркое свидетельство того, как жил великий праведник и как надо жить всем православным христианам. Замечательный и ценный материал для назидания дают нам также три тома проповедей отца Иоанна. Впоследствии накопилось еще очень много отдельных его сочинений, издававшихся и издающихся отдельными книжками в огромном количестве.

Предлагаем вниманию читателей подборку высказываний святого Иоанна на различные духовно-нравственные темы, собранные из его многочисленных творений.

О БОГЕ

Так как Бог есть мысленное Существо, то чрезвычайно скоро можно потерять Его из сердца; равно как скоро же можно решительным покаянием во грехах приобресть Его сердцу. [10, т. 2, с. 243].

***

Когда я вспомню о Сыне Божием, восприявшем в единство Божества Своего человеческую природу, и о том, как живут именующиеся христианами, то берет меня страх и жалость: страх потому, что ожидаю великого гнева Божия на невнимательных, неблагодарных и злонравных; жалость — потому, что вижу многое множество христиан, добровольно лишаю-

щих себя неописанного блаженства будущей жизни и ввергающих себя в огнь вечный — на вечные муки. [10, т. 1, с. 204–205].

***

Если ты сомневаешься в получении просимых тобою благ от Бога, то вспомни хотя о том, как даже ты, будучи зол и скуп, и не богат, и не всемогущ, подаешь нуждающимся, просящим у тебя или даже прежде прошения их подаешь, зная только их нужду. *Кольми же паче Отец ваш Небесный*, всеблагой, всебогатый, премудрый, всемогущий, *даст блага просящим у Него* (Мф. 7, 11). [10, т. 2, с. 135–136].

***

Бог, как вечная Истина, не терпит в нас и мгновения сомнения в истине. Бог, как вечная Благость, *всем человеком хощет спастися и в разум истины приити* (1 Тим. 2: 4). И мы, как чада благого Бога, также должны от всего сердца желать всем, даже врагам своим, спасения и заботиться об этом. [10, т. 1, с. 17–18].

***

Болий есть Бог сердца нашего, и весть вся (1 Ин. 3: 20). Сердечным оком своим мы видим и знаем самомалейшие движения сердечные, все мысли свои, желания и намерения, вообще почти все, что есть в душе нашей. Но Бог больше сердца нашего. Он в нас и около нас и везде, на всяком месте, как единое, всевидящее, духовное Око, Коего только малым образчиком служит наше сердечное око, и потому знает все, что в нас, — лучше, в тысячу раз яснее нас самих, знает в одно и то же время все, что есть в каждом человеке, в каждом Ангеле и во всех силах небесных,

в каждой твари одушевленной и неодушевленной, видит, как на ладони, всю внутренность нашу и внутренность всей твари, будучи всякой из них присущ и всякую из них, как Творец и Промыслитель, содержа в бытии и силах. [10, т. 1, с. 124].

***

Иисус Христос со Отцем и Духом Святым есть неисследимая пучина человеколюбия. В этой пучине милосердия достанет с избытком для всех милости, только обратитесь к Богу с верою, упованием и сердечным болезнованием о неправдах своих, об оскорблениях, причиненных нами Господу, Владыке и Благодетелю. [10, т. 1, с. 133].

***

Господь — жизнь в смерти моей, сила в немощи моей, свет во тьме моей, радость в скорби моей, дерзновение в малодушии моем, спокойствие в смятении моем, благопослушество в молитве моей, слава в бесчестии моем и избавление от бесчестия моего. Дивно, могущественно, скоро заступает и спасает Он меня в бедах и теснотах моих, в увлечениях моих. Когда я взываю к Нему о спасении своем, — невидимые враги бегут от меня после пакостей своих внутри меня, и я осязательно познаю над собою спасительную десницу Бога моего, Спасителя моего. Слава, благодарение Пастырю и Посетителю души моей! [10, т. 1, с. 184].

***

Сохрани тебя Бог от того, чтобы пожалеть вещественного твоего достояния в жертву Господу, или Пречистой Его Матери, или другим святым Божиим и таким образом предпочесть вещество духу; смо-

три, чтобы достояние твое не было тебе в погибель. Ты должен твердо верить, что вместо тленных благ Господь или святые Его воздадут тебе нетленными, вместо временных — вечными, и считать блага духовные, например: свет духовный, прощение грехов, дар веры живой, надежды крепкой и любви нелицемерной, мира и радости в Духе Святом, — бесконечно выше вещественных даров. С радостью расточай стяжания свои в жертву Господу и святым Его; если чрез чьи-либо руки пересылаешь их, верь, что они дойдут по принадлежности, и если люди утаят жертву Господню, взыскуя взыщет с них Господь Бог твой, и ни единая лепта твоя не пропадет туне, но принесет тебе соразмерный вере и расположению сердца твоего дар от Господа, Который есть Бог дарований, особенно для тех, кои приносят Ему в дар сердечные дары свои. [10, т. 1, с. 210].

***

Бог благ и всеблаг, и ты, образ Его, будь благ; Он щедр ко всем; и ты будь щедр, а скупости, жаления ближнему вещественного, тленного бегай, как величайшего несчастия и безумия. [10, т. 1, с. 336].

***

Мы только называем Господа Богом, а на деле-то у нас свои боги, потому что волю Божию не творим, а волю плоти своей и помышления, волю сердца своего, страстей своих; наши боги — плоть наша, сласти, одежды, деньги и проч. [10, т. 1, с. 341].

***

Говорят: Бог милосерд; Он помилует нас. Конечно, у Бога бесконечно много милости. Но

если Бог бесконечно милостив к нам и щедр, то зачем мы произвольно Его оскорбляем своими беззакониями? Чем больше мы облагодетельствованы от Него, тем больше должны любить Его, быть благодарны Ему и послушны Его святым заповедям или повелениям. Где же эта любовь, эта благодарность, это послушание? [10, т. 2, с. 54–55].

***

Яко Твое есть Царство и сила и слава, а не наша. Мы сами хотели бы царствовать со своими страстями, т.е. поставить все на своем: на свою бы силу, а не на Твою надеялись, своей бы искали славы, а не Твоей; но это желание в нас бесовское. Мы должны все покорить Твоей воле, искать во всех делах Твоей силы и делать все для Твоей славы. *Вся во славу Божию творите* (1 Кор. 10: 31). [10, т. 2, с. 57–58].

***

Бог есть Жизнь: Он даровал всему бытие и жизнь; Он есть Сущий и Вседержитель, ибо от Него все и Им все поддерживается; Его единого Сущего и да знаем. Диавол есть смерть, потому что произвольно уклонился от Живота-Бога, и как Бог есть Сущий, так он, диавол, по причине совершенного отпадения от Сущего, есть виновник не сущего, виновник мечтания, прелести, ибо истинно не может ничего привести в бытие словом; он есть ложь, как Бог есть истина. [10, т. 2, с. 157–158].

***

Господь твой есть Любовь; люби Его и в Нем всех людей, как чад Его во Христе. Господь твой есть Огонь; не

будь холоден сердцем, но гори верою и любовью. Господь твой есть Свет; не ходи во тьме и не делай ничего в темноте разума, без рассуждения и понимания или без веры. Господь твой есть Бог милости и щедрот; будь и ты для ближних источником милости и щедрот. Если ты будешь таким, то улучишь спасение со славою вечною. [10, т. 1, с. 107].

***

Господи! имя Тебе — Любовь: не отвергни меня заблуждающего человека. Имя Тебе — Сила: подкрепи меня изнемогающего и падающего. Имя Тебе — Свет: просвети мою душу, омраченную житейскими страстями. Имя Тебе — Мир: умири мятущуюся душу мою. Имя Тебе — Милость: не преставай миловать меня. [10, т. 2, с. 239].

***

Прося у Бога различных благ, веруй, что Бог все для всех: просишь у Него здравия — веруй, что Он здравие твое; просишь веры — Он вера твоя; любви – Он любовь твоя; мира и радости — Он мир и радость твоя; помощи на врагов видимых и невидимых — Он помощь твоя всесильная; какого бы ты блага у Него ни попросил, Он есть именно это благо, как и всякое, и если найдет благопотребным даровать тебе это благо, то и будет для тебя этим благом. *Будет Бог всяческая во всех* (1 Кор. 15: 28). [10, т. 2, с. 256].

***

Господь имеет полное уважение к созданной Им природе и ее законам, как произведению Своей бесконечной, совершеннейшей Премудрости; посему и волю Свою совершает обыкновенно чрез посредство

природы и ее законов, например, когда наказывает людей или благословляет их. Чудес потому не требуй от Него без крайней нужды. [10, т. 2, с. 282].

***

Се стою при дверех и толку (Апок. 3: 20). Это значит, что Господь постоянно стоит при дверях нашего сердца, запертого или запираемого для Него грехами или разными пристрастиями. *Вот стою.* Вы молитесь, а Он у самого сердца вашего стоит и внимает каждому вашему сердечному движению и чувству. [10, т. 2, с. 328].

О БОГОРОДИЦЕ

Приступая молиться Царице Богородице, прежде молитвы будь твердо уверен, что ты не уйдешь от Нее, не получивши милости. Так мыслить и так быть уверенным относительно Ее — достойно и праведно. Она — Всемилостивая Матерь Всемилостивого Бога Слова и о Ее милостях, неисчетно великих и бесчисленных, возглашают все века и все церкви христианские; Она точно есть *бездна благостыни и щедрот*, как говорится о Ней в каноне Одигитрии (Канон, песнь 5, ст. 1). Потому приступать к Ней в молитве без такой уверенности было бы неразумно и дерзко, а сомнением оскорблялась бы благость Ее, как оскорбляется благость Божия, когда приступают в молитве к Богу и не надеются получить от Него просимого. Как спешат за милостию к какому-либо высокому и богатому человеку, милости коего все знают, который милость свою доказал многочисленными опытами? Обыкновенно с самою покойною уверенностью и надеждою получить от него, чего желают. Так надо и в молитве не сомневаться, не малодушествовать. [10, т. 1, с. 63–64].

***

Мы молимся Всеблагой и Всенепорочной Матери Божией — и Она молится о нас. Мы прославляем Ее — Высшую всякой славы, и Она уготовляет нам самим вечную славу. Мы говорим Ей часто: «радуйся», и Она у Сына Своего и Бога просит: «Сын Мой возлюбленный, дай им вечную радость за приветствие Меня радостью». [10, т. 1, с. 132].

***

Дева Мария — Владычица благосерднейшая всех сынов и дщерей человеческих, как Дщерь Бога Отца, Который есть любовь; Мать Бога Слова — любви нашей, избранная Невеста Духа Всесвятого, Иже есть любовь единосущная Отцу и Слову. Как не прибегать к такой Владычице и не чаять от Нее всех благ духовных! [10, т. 1, с. 254].

***

Молитесь, братия мои, Матери Божией, когда буря вражды и злобы восстанет в доме вашем. Она всеблагая и всеблагомощная удобно и преудобно может умирить сердца человеческие. Мир и любовь от единого Бога происходят, как от своего Источника, а Владычица — в Боге едино с Богом и, как Матерь Христа-Мира, ревнует и молится о мире всего мира, паче же — всех христиан. Она-то имеет всеблагомощие — манием Своим прогонять от нас духов злобы поднебесных, этих неусыпных и усердных сеятелей между людьми злобы и вражды, и всем, с верою и любовью притекающим в державный покров Ее, подает скоро, быстро мир и любовь. Ревнуйте и сами о сохранении веры и любви в сердцах своих; если же не будете сами о том заботиться, то не удостоитесь и предстатель-

ства о вас пред Богом Божией Матери; притом будьте всегда сами усердными и благоговейными чтителями Матери Господа Всевышнего; ибо *достойно есть яко воистинну блажити* Ее, *Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную*, высшую всей твари, Заступницу рода человеческого. Старайтесь воспитать в себе дух смирения, ибо Она Сама смиренная, как никто из смертных, и любовью призирает только на смиренных. *Призре на смирение рабы Своея*, говорит Она Елисавете *о Боге Спасе Своем* (Лк. 1: 48). [10, т. 1, с. 267].

***

Если враги окружают тебя и ты будешь в беде душевной, немедленно воззови ко Пресвятой Владычице нашей: на то Она и Владычица, чтобы владычествовать державною силою Своею над сопротивными нам силами и державно спасать нас, ибо мы — Ее наследие. [10, т. 1, с. 355].

***

Благая Владычица! яви и являй присно владычество Твое надо мною и людьми Твоими, богобоящимися и благонравными — избавлением нас, по молитве нашей, от скверных, лукавых и хульных помышлений, от всех грехов и страстей и от всех козней демонских, яко благая Мати Божия. [10, т. 2, с. 46].

***

Владычице Богородице! Ты, Коей любовь к христианам превосходит любовь всякой матери земной, всякой жены, внемли нам в молитвах наших и спаси нас! Да памятуем мы о Тебе постоянно! Да молимся Тебе всегда усердно! Да прибегаем всегда под кров Твой неленостно и без сомнения. [10, т. 1, с. 132].

О СВЯТЫХ

Господь хранит не только *вся кости* (Пс. 33: 21), но и образа св. угодников, не давая им погибать в тлении, пренебрежении и долулежании, взыскуя их чудесно, как это мы знаем из описания явлений чудотворных икон, особенно икон Пречистой Матери Божией — Владычицы нашей. Так Господу дорог образ человека, особенно святого человека, сосуда благодати. Чрез образ Он и чудеса творит, или подает невидимые силы исцелений и утешения. [10, т. 1, с. 124].

***

Святые Божии люди имели *просвещенныя очеса сердца* (Еф. 1: 18) и этими очами ясно созерцали нужды нашей растленной грехом природы, ясно видели, о чем нам нужно молиться, чего просить, за что благодарить, как славить Господа, и оставили нам превосходнейшие образцы молитв всякого рода. О, как хороши эти молитвы! Мы иногда не чувствуем и не знаем цены их, между тем как прекрасно знаем цену пище и питию, цену модной одежде, хорошо меблированной квартире, цену театрам, цену музыке, цену светской литературе, именно цену романам, этому красноречивому, пустому многословию — и увы! драгоценный бисер молитвы попираем ногами своими; и тогда как все светское находит просторный приют в сердцах большей части, молитва — увы! — не находит и тесного уголка в них, не вмещается в них. А когда она попросится к нам и взойдет хотя одною ногою, ее тотчас выталкивают как нищего, как человека, не имеющего одеяния брачного. [10, т. 1, с. 271].

***

Святые Божии велики по своему душевному расположению, по своей вере, по своему твердому упованию на Бога и горячей любви к Богу, для Которого презрели все земное. О, как мы пред ними ничтожны, как на них не похожи! Велики они по своим подвигам воздержания, бдения, поста, непрестанной молитвы, упражнения в слове Божием, в богомыслии. О, как мы на них не похожи! Как же мы должны по крайней мере почитать их! Как просить их молитв за себя с благоговением! Но ни в каком случае не относиться к ним легкомысленно, неблагоговейно, памятуя их обожение, единение с Божеством. [10, т. 1, с. 371–372].

***

Молятся ли за нас святые, которых мы призываем? Молятся. Если я, грешный человек, холодный человек, иногда злой и недоброжелательный человек, молюсь за других, заповедавших и не заповедавших мне молиться, и не сомневаюсь, не скучаю терпеливо перебирать их имена на молитве, хотя иногда и не сердечно, то святые ли Божии человеки — эти светильники и пламенники, горящие в Боге и пред Богом, полные любви к собратьям своим земным, не молятся за меня и за нас, когда мы с посильною верою, упованием и любовью призываем их? Молятся и они, скорые помощники и молитвенники о душах наших, как уверяет нас богопросвещенная Мать наша Св. Церковь. Итак, молись несомненно святым Божиим человекам, прося их ходатайства за себя пред Богом. В Духе Святом они слышат тебя, только ты молись Духом Святым и от души, ибо когда ты молишься искренно, тогда дышит в тебе Дух Святый, Который есть Дух истины и искренности, есть наша Истина и

искренность. Дух Святый в нас и в святых людях один и тот же. Святые святы от Духа Святого, их освятившего и в них вечно живущего. [10, т. 1, с. 131–132].

О ЕВАНГЕЛИИ

Я читаю Евангелие: тут не я говорю, а Сам Господь; Он, Он Сам в этих словах. Ведь Он Дух, премудрость или бесконечная ипостасная мысль; Он-то, Он в этих чудных мыслях и словах Евангелия. Только слово — наше, человеческое, или лучше и слово — Его же: а мысль, сущность его, истина — Сам Господь. Так же точно я вижу, например, образ Спасителя или крест Его: опять тут Он Сам — вездесущий мой Господь, — в этом лике или на этом кресте, как в слове Евангелия; образ Его на иконе или на кресте только внешний вид, а сущность — Он Сам — везде и во всем и чрез все являющийся, особенно чрез образы и знамения, на которых наречено достопоклоняемое имя Его или самый образ Его. Так Он и в священническом крестном рукоблагословении является с силою Своею и как бы Сам благословляет. Очень важно священническое рукоблагословение. И обыкновенное крестное знамение наше имеет также силу Божию, только делай его с верою. — Так везде Господа можно обрести и осязать. [10, т. 2, с. 351–352].

***

Сердце наше есть как бы мрачная земля; Евангелие есть как бы солнце, просвещающее и оживотворяющее сердца наши. Воссияй в сердцах наших истинное солнце правды Твоей, Господи! [10, т. 1, с. 375].

***

Все Евангелие есть Евангелие Царствия, к которому предназначаются христиане, и как бы единое обе-

тование (все притчи, все пророчества, чудеса); послания апостольские подробнее раскрывают обетования христианской надежды. [10, т. 2, с. 352].

***

Не читающим Евангелия. – Чисты ли вы, святы ли и совершенны, не читая Евангелия, и вам не надо смотреть в это зерцало? Или вы очень безобразны душевно и боитесь вашего безобразия? *Приступите к Нему и просветитеся, и лица ваша не постыдятся* (Пс. 33: 6). [10, т. 2, с. 380].

О ЦЕРКВИ

Господь сказал о Церкви Своей: *созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют ей* (Мф. 16: 18). Это сказано как о пастырях Церкви, или иерархии церковной, и о всех истинно верующих, так и о всех таинствах, о всех догматах, заповедях св. православной веры, и о всех чинопоследованиях таинств, напр., литургии, священства, брака, крещения, миропомазания, елеосвящения, которые установлены на все века и прошли уже многие столетия и тысячелетия неизменно. Вот как тверда Церковь, основанная Господом! Помни эти слова Господни и нимало не колеблись, совершая какое-либо таинство. Будь как адамант тверд. [10, т. 2, с. 17].

***

Все, что Церковь влагает нам в уста и в слух, есть истина, дыхание или поучение Духа Святого. Благоговей пред каждою мыслию, каждым словом Церкви. Помни, что область мысли и слова Божие достояние, как и весь мир, видимый и невидимый. Ничего ты своего не имеешь, даже ни мысли, ни сло-

ва. Все Отец наш, все Бог. Сливайся в общий строй, как сливается злато в известные формы или как природа сложена в одно стройное целое. Не живи себялюбивою, отдельною жизнью. [10, т. 2, с. 43].

***

В Церкви все сладкие надежды и чаяния наши, мир наш, радость наша вместе с очищением и освящением. Тут так часто возвещается истина будущего воскресения, победа смерти. Кто, любящий жизнь, не возлюбит Церковь всем сердцем! Все, что есть лучшего, возвышеннейшего, самого драгоценного, святого, мудрого, — все это заключается только в Церкви. В Церкви идеал человечества; Церковь — земное небо. [10, т. 2, с. 89–90].

***

Вера и Церковь, Богослужение, таинства, обряды — все это, говорят вольнодумцы и безбожники, придумано людьми для того, чтобы держать народ в страхе, подчинении и поддерживать добрую нравственность, да, пожалуй, чтобы и доходу собирать с него. Вот как милосердие Божие и чудное Его домостроительство нашего спасения, самое воплощение, страдания и смерть ради нас Сына Божия хулятся невеждами и вольнодумцами, потерявшими страх Божий. Зато посмотрите на их жизнь, как они живут и долго ли живут? Потеряв силы и здоровье в разврате и пьянстве, они преждевременно дряхлеют, тупеют, болеют и умирают. [10, т. 2, с. 91].

***

Церковь — надежная дорога к вечному животу: иди по ней неуклонно, держись ее, и дойдешь до

Небесного Царствия; если уклонишься на распутия своемудрия и неверия, пеняй тогда сам на себя: ты заблудишься и погибнешь. *Аз есмь путь и истина и живот* (Ин. 14: 6). [10, т. 2, с. 169].

***

Церковь храмом и Богослужением действует на всего человека, воспитывает его всецело: действует на его зрение, слух, обоняние, осязание, вкус, на воображение, на чувства, на ум и волю благолепием икон и всего храма, звоном, пением певцов, кадильным фимиамом, лобзанием Евангелия, Креста и святых икон, просфорами, пением и сладкозвучным чтением писаний. [10, т. 2, с. 193].

О ИКОНОПОЧИТАНИИ

Иконы в церкви, в домах необходимы, между прочим и для того, что они напоминают нам о бессмертии святых, *живи суть* (Лк. 20: 38), как говорит Господь, что они в Боге видят нас, слышат нас и помогают нам. [10, т. 2, с. 238].

***

Иконы мы держим у себя в домах и поклоняемся им, между прочим, в показание того, что очи Господа Бога и всех небожителей постоянно устремлены на нас и зрят не только все дела наши, но и слова, и помышления, и желания. [10, т. 2, с. 171].

***

Чудотворные иконы Божией Матери и других святых научают нас взирать на всякую икону, как на самого того святого или святую, которым молимся, как на живые и собеседующие с нами лица, ибо они близ-

ки к нам так же и еще больше, чем иконы, только бы с верою и сердечным расположением мы молились им. Так же о Кресте Животворящем должно говорить. Где крест или крестное знамение, там Христос и сила Его, и спасение Его, только с верою изображай его или поклоняйся ему. [10, т. 2, с. 225].

***

Иконы требуются нашею природою. Может ли природа наша обойтись без образа? Можно ли вспомнить об отсутствующем, не вообразив его? не Сам ли Бог дал нам способность воображения? — Иконы — ответ Церкви на вопиющую потребность нашей природы. [10, т. 2, с. 237].

О БОГОСЛУЖЕНИИ

Во время Богослужения, во время совершения всех таинств и молитвословий будь доверчив, как дитя по отношению к своим родителям. Помни, какие великие отцы, какие светила вселенной, Духом Святым озаренные, руководят тебя! Как дитя, будь прост, доверчив, не сумнителен в деле Божием. Всю печаль возверзи на Господа, а сам будь совершенно беспечален. *Не пецытеся, како или что возглаголете, или что речете: не вы бо будете глаголющии, но Дух Отца вашего глаголяй в вас* (Мф. 10: 19–20). Давно Господь снял с нас эту заботу, эту печаль, научив богоносных отцов наших Духом Своим, что глаголать Господу при Богослужении, совершении Таинств и при разных случаях и обстоятельствах человеческой жизни, требующих молитвы, низводящей свышнее благословение. Нам должно быть легко молиться. Только вот враг стужает. Да что его стужения, если сердце наше утверждено

в Господе! Вот беда, если мы не в Боге, если веры твердой в нас нет, если пристрастиями житейскими связали себя, если разум наш горд и кичлив, тогда и в святейшем, непорочнейшем деле Богослужения, совершения и причащения Св. Таин диавол будет сильно запинать нас. [10, т. 1, с. 244–245].

***

Великая ектения. По ней все мы — едино, в ектении перечисляются все члены Церкви — тела Христова, сначала земные, потом небесные. Таков характер всего богослужения: вечерни, утрени, литургии. С каким духом, с какою возвышенностью мыслей, с какою любовью священник должен молиться Богу о всех и за вся. [10, т. 1, с. 382].

***

Таинство Елеосвящения — духовный мед, живоносное питие. Какое богатство упования! Какие молитвы! Экстракт всего Евангелия. [10, т. 2, с. 383].

***

Не от того ли холодность к общественному Богослужению происходит, что одни не понимают его, а другие, хотя и учили науку о Богослужении, но ее преподавали им сухо, без примеров, одному рассудку, тогда как Богослужение, будучи высоким созерцанием ума, есть вместе, и по преимуществу, мир, сладость и блаженство для сердца? [10, т. 2, с. 12].

***

Те, которые идут к Богослужению покушавши, добровольно налагают на себя ненужную и вредную тяжесть и заблаговременно заглушают сердце свое для

молитвы, преграждая к нему доступ святых помыслов и святых ощущений. Крайне надо остерегаться, чтобы не есть пред Богослужением. Помнить надо, что *Царство Божие несть брашно и питие* (Рим. 14: 17), т. е. не может царствовать Бог в том сердце, которое отягощено объедением и питием. [10, т. 2, с. 320].

***

Голос церковных чтений, песней, молитв и молений — это голос душ наших, излившийся от сознания и чувства наших духовных нужд и потребностей; это голос всего человечества, сознающего и чувствующего свою бедность, свое окаянство, свою греховность, нужду в Спасителе, нужду в благодарении и славословии за благодеяния бесчисленные и совершенства Божии бесконечные. Чудны эти молитвы и песни; они дыхание Духа Святого! [10, т. 2, с. 67–68].

***

Враг бесплотный крепко борет нас во время Богослужения, потому что в это время свершается, чрез наше посредство, благодатью Божиею возрождение душ наших; потому да не унываем от наветов вражьих, но да мужаемся и крепимся, взирая сердечными очами на Подвигоположника Христа, невидимо пред нами стоящего и тайно совершающего возрождение в душах. [10, т. 2, с. 89].

***

Посещающим Богослужение Православной Церкви и изучающим науку о Богослужении надо помнить, что служение здесь, на земле, есть приготовление к всерадостнейшему служению Богу на небеси; что служа Богу телом, надо тем паче служить Богу

духом и чистым сердцем; что слушая Богослужение, надо учиться служить Богу так, как служили святые, о житии и делах которых мы слышим во время Богослужения, о их вере, надежде и любви; что служить Богу наипаче должно делом и истиною, а не словами только и языком. Самым бытием своим мы призваны уже к служению Богу: для того мы получили прямой стан, чтобы взирать непрестанно к Богу, благодарить и прославлять Его, на то даны разум, сердце, воля, на то все чувства. [10, т. 2, с. 86–87].

***

Богослужением своим Православная Церковь воспитывает нас в граждан небесных чрез научение нас всякой добродетели, представляемой жизнью Богоматери и всех святых, чрез очищение, освящение и обожение нас в таинствах, чрез *дарование сил к животу и благочестию* (2 Пет. 1: 3). Потому надо неотложно посещать разумно, благоговейно и охотно Богослужение, наипаче в праздничные дни, участвовать в таинствах покаяния и причащения. А удаляющиеся от Церкви и Богослужения делаются жертвою своих страстей и погибают. [10, т. 2, с. 106–107].

***

Божественная литургия есть поистине небесное на земле служение, во время которого Сам Бог особенным, ближайшим, теснейшим образом присутствует и пребывает с людьми, будучи Сам невидимым Священнодействователем, приносящим и приносимым. Нет ничего на земле святее, выше, величественнее, торжественнее, животворнее литургии! Храм в это особенное время бывает земным небом, священнослужители изображают Самого Христа, Ангелов, Херувимов,

Серафимов и Апостолов. Литургия — постоянно повторяющееся торжество о спасении всего мира и каждого члена в отдельности. Брак Агнчий — брак царского сына, на котором невеста Сына Божия — каждая верная душа, Уневеститель — Дух Святый. С какою уготованною, чистою, возвышенною душою нужно всегда присутствовать при литургии, чтобы не оказаться в числе тех людей, которые, не имея одеяния брачного, а имея осквернённую одежду страстей, связаны были по рукам и по ногам и выброшены вон из брачного чертога во тьму кромешную. А ныне, к несчастию, многие не считают нужным ходить к литургии; иные ходят только по одной привычке, и каковыми пришли, таковыми и уходят — без возвышенных мыслей, без сокрушенного сердца, с неприкаянною душою, без решимости к исправлению. Иные стоят не благоговейно, рассеянно, без всякой сосредоточенности, без всякой подготовки себя дома посредством размышления и воздержания, ибо многие успеют пред обедней напиться, а иногда и наесться. Когда Господь сходил на Синай, народу еврейскому пред тем повелено было приготовиться и очиститься; здесь не меньше синайского схождения Божия, а больше: там только задняя Божия (см. Исх. 33: 23), а здесь самое лице Бога-Законоположника. Когда на Хориве явился Господь Моисею в купине, ему повелено было снять сапоги с ног; а здесь больше хоривского Богоявления: там прообраз, здесь Сам Прообразователь. О, как мы пристрастны к земному! Не хотим даже и один час посвятить, как должно, исключительно Богу! Во время Божественной, пренебесной литургии, и тогда мы дозволяем себе мечтать о земном и наполняем душу образами и желаниями земных вещей, иногда — увы! даже нечистыми образами; между тем как должны были бы молиться пламенно, размышлять усердно о великой

тайне сей, каяться в грехах своих, желать и просить очищения, освящения, посвящения, обновления и утверждения в христианской жизни, в исполнении заповедей Христовых, молиться за живых и умерших; ибо литургия — жертва умилостивительная, благодарственная, хвалебная и просительная. Велика литургия! На ней вспоминается вся жизнь не какого-либо великого человека, а Бога, воплотившегося, пострадавшего и умершего за нас, воскресшего и вознесшегося и паки грядущего судити миру всему! [10, т. 2, с. 177–179].

О ВЕРЕ

Если не возгревать в сердце теплоты веры, то может от нерадения совсем погаснуть в нас вера; может как бы совсем помереть для нас христианство со всеми его таинствами. Враг о том только и старается, чтобы погасить веру в сердце и привести в забвение все истины христианства. Оттого мы видим людей, которые только по одному имени христиане, а по делам совершенные язычники. [10, т. 1, с. 8].

***

Гордость в вере обнаруживается еще в нечувствии грехов своих, в фарисейском оправдании и самовосхвалении, — в нечувствии милостей Божиих, в неблагодарности Богу за все доброе, — в нечувствии нужды славословия велелепоты Божией. — Все не молящиеся Господу Вседержителю, *Богу духов и всякия плоти*, Животу своему, не молятся по тайной гордости. [10, т. 2, с. 254].

***

Ни при каком деле, домашнем и служебном, не забывайте, что сила ваша, свет ваш, успех ваш есть

Христос и Крест Его; поэтому не премините взывать к Господу пред начатием дела: Иисусе, помоги мне! Иисусе, просвети меня! Таким образом будет поддерживаться и возгреваться в сердце вашем живая вера и надежда ваша на Христа; ибо Его сила и слава во веки веков. [10, т. 1, с. 108].

***

Совершенно положись на промысл Божий, на волю Господа, и не печалься, потеряв что-либо из вещей, вообще из видимого: не радуйся приобретению, но да будет для тебя всегдашняя и единственная радость, всегдашнее и единственное приобретение — Господь. Положись на Него совершенно: Он знает, как тебя провесть безбедно чрез настоящую жизнь и привести к Себе — в вечное Свое царство. От недостатка упования на промысл Божий происходят многие и большие огорчения: уныние, ропот, зависть, скупость, сребролюбие или страсть к накоплению денег и вообще имущества, чтобы стало их на лета многа, чтобы есть, пить, почивать, веселиться; от недостатка упования на промысл Божий происходят, в частности, огорчения, например: по случаю потери какого-либо дохода от нашей оплошности, потери вещей особенно ценных и нужных; равно неумеренная радость при находке каких-либо вещей или при получении большого дохода, или выигрыша, или доходного места, должности. Мы, как христиане, как *приснии Богу и сожители святым* (Еф. 2: 19), весь живот наш Христу Богу предадим, со всеми скорбями, болезнями, печалями, радостями, скудостью и довольством. [10, т. 1, с. 339–340].

***

Не унывайте же, подобные мне грешники, но только веруйте в Сына Божия. Уважайте друг друга, грешни-

ки, и не презирайте никакого грешника, ибо все мы — грешники, и всех пришел спасти, очистить и до небес вознести Сын Божий. [10, т. 1, с. 390–391].

***

Сколько христиан, которые говорят: верую в Бога, а делом не веруют? Сколько уст немеют, когда нужно защитить в обществе славу Божию и святых Его, на которую наносят хулу сыны века сего — и немеют пред ними? Иные молчат, когда нужно поддержать разговор о Боге, или когда нужно остановить какое-либо бесчиние, дерзость. Многие говорят: верую в Бога, а случись беда, напасть, искушение, малодушествуют, унывают, иногда ропщут, и куда девается вся вера? Тут бы надо показать преданность воле Божией, сказать: *якоже Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословено* (Иов. 1: 21). А то, видно, они веруют в Бога только в счастье, а в несчастии отвергают Его. [10, т. 2, с. 218].

***

Ради одной веры нашей сдвигаются горы сердечные, т.е. высоты и тяжести греха. Когда христиане снимут в покаянии бремя грехов, то иногда говорят: «Слава Богу, свалилась с плеч гора!» [10, т. 2, с. 277].

***

Что есть вера? Уверенность в духовной истине, в Сущем, или в Боге, в существовании мира духовного с его свойствами, подобно как мы уверены в бытии мира вещественного и его принадлежностей. Быть уверенным в действительности духовного Всеначала и мира духовного со всеми его свойствами и принадлежностями так же, как мы уверены в бытии мира вещественного с его предметами и свойствами их, — значит

веровать. Например, я несомненно уверен, что Бог вечен, всеблаг, премудр и всемогущ, и не помыслю, что Он не вечен, не всеблаг, не премудр, не всемогущ; это значит, что я верую твердо и несомненно; я верую, что Бог, как Благость, даст все, чего ни попросишь у Него, и не усомнюсь в этом; значит, я верую. [10, т. 2, с. 309].

***

Надо надеяться на Господа при всех искушениях, при всех безотрадных состояниях души: избавит Господь. [10, т. 2, с. 344].

***

Со словами в сердце: *все возможно верующему* (Мк. 9: 23) устремляйся ко всему доброму и достохвальному. Имей всегда веру, какое бы доброе дело ни намеревался ты делать. [10, т. 2, с. 373].

***

Ты воссылаешь славу Богу словами, но не воссылаешь делами. Славь Бога паче делами: воздержанием, трудолюбием, любовью, милосердием, смирением и терпением. Не сомневайся ни в какой истине; *маловере, почто усумнелся еси* (Мф. 14: 31)? Беда от нашего сомнения и самомнения. [10, т. 2, с. 382].

***

Вера покоит и услаждает, неверие беспокоит и язвит. [10, т. 2, с. 315].

О ГРЕХАХ

Никто да не думает, что грех есть нечто маловажное; нет, грех страшное зло, убивающее душу ныне и в будущем веке. Грешник в будущем веке связывается

по рукам и по ногам (говорится о душе) и ввергается во тьму кромешную, как говорит Спаситель: *связавше ему руце и нозе, возмите его и вверзите во тму кромешнюю* (Мф. 22: 13), т.е. он совершенно теряет свободу всех сил душевных, которые, будучи созданы для свободной деятельности, терпят через это какую-то убийственную бездейственность для всякого добра: в душе сознает грешник свои силы и в то же время чувствует, что силы его связаны нерасторжимыми какими-то цепями: *пленицами своих грехов кийждо затязается* (Притч. 5: 22); к этому прибавьте страшное мучение от самих грехов, от сознания безрассудства своего во время земной жизни, от представления прогневанного Творца. И в нынешнем веке грех связывает и убивает душу; кто из богобоящихся не знает, какая скорбь и теснота поражает их душу, какой мучительно палящий огонь свирепеет в груди их, когда сделан ими какой-либо грех? Но связывая и убивая душу временно, грех убивает ее и вечно, если мы здесь не раскаемся от всего сердца в наших грехах и беззакониях. Вот и опытное доказательство того, что грех убивает душу временно и вечно. Если случится кому-либо из богобоязненных людей отойти ко сну, не раскаявшись в том грехе или в тех грехах, которые сделаны днем и мучили душу, то мучение это будет сопровождать человека целую ночь дотоле, пока он сердечно не покается в грехе и не омоет своего сердца слезами. (Это опыт). Мучение греха будет пробуждать его от сладкого сна, потому что душа будет в тесноте, связанная пленицами греха. Теперь положим, что человека, отшедшего ко сну в каком-нибудь грехе и мучимого грехом, постигнет ночью смерть: не явно ли, что душа отойдет в тот век в мучении, и так как после смерти нет места покаянию, то она будет

мучиться там, смотря по мере своих грехов. Об этом свидетельствует и Священное Писание (см. Мф. 25: 46; Рим. 2: 6, 9; 2 Кор. 5: 10 и др.). [10, т. 2, с. 12].

***

Се здрав еси: ктому не согрешай (Ин. 5: 14). — Опыт свидетельствует, что грехи и страсти разрушают здравие души и тела, а победа над страстями доставляет небесное спокойствие душе и здравие телу. Победи многоглавую гидру греха — и будешь здрав. Храни в себе спокойствие духа и не возмущайся, не раздражайся никакими противностями, обидами, неисправностями, неправдами, — и вот ты будешь наслаждаться всегда здравием душевным и телесным. Волнение, возмущения, огонь страстей различных порождают в нас множество болезней душевных и телесных. [10, т. 1, с. 184].

***

Когда приходят христиане в церковь молиться Богу, то оказывается, что у них не один, а много богов и много кумиров (и таким образом грешат против первой и второй заповеди): иная или иной сам себе кумир самолюбия: где чье сокровище, там его и сердце (Мф. 6: 21; ср. Лк. 12: 34). [10, т. 2, с. 350].

***

Есть грех рассеянности, которому мы все сильно подвержены; не надо его забывать, а каяться в нем; мы предаемся рассеянности не только дома, но и в церкви. *Симоне, Симоне, се сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу: Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя* (Лк. 22: 31). Виновник рассеянности — диавол и многоразличные пристрастия наши к жи-

тейскому, земному; причина ее — маловерие; средство против нее — усердная молитва. [10, т. 1, с. 237].

***

Все блестящее на земле очень любим: злато, серебро, драгоценные камни, хрусталь, блестящие одежды, — отчего не любим будущей славы, к которой Господь призывает нас? Отчего не стремимся к просветлению наподобие солнечного? *Праведницы*, сказано, *просветятся яко солнце в Царстве Отца их* (Мф. 13: 43). Оттого, что грехом извратили природу души своей и вместо неба прилепились к земле, вместо нетления к тлению, полюбили земной блеск, временный, тленный и прелестный. Но отчего у нас такая сильная любовь к блеску? Оттого, что душа наша создана для света небесного и вначале была вся свет, вся сияние; ей врожден свет, врождено чувство и желание света. Направьте это стремление к исканию небесного света! [10, т. 2, с. 2–3].

***

Когда придет тебе в голову безрассудная мысль — сосчитать какие-либо добрые дела свои, тотчас же поправься в этой ошибке и скорей считай свои грехи, свои непрерывные, бесчисленные оскорбления Всеблагого и Праведного Владыки, и найдешь, что их у тебя как песку морского, а добродетелей, сравнительно с ними, все равно что нет. [10, т. 1, с. 167].

***

Не смотри на чужие грехи и не относись враждебно к согрешающему ни внутренне, ни наружно, но представляй пред собою свои грехи и усердно кайся в них, считая себя действительно хуже всех; молись с

любовью за согрешающих, зная, что все мы склонны ко всякому греху. [10, т. 2, с. 108].

***

За всякое слово праздное, еже рекут человецы, воздадят о нем слово в день судный (Мф. 12: 36). Видишь, что тебя ожидает ответ и наказание за всякое слово праздное, не только соблазнительное. Потому что у Господа нашего, Всетворца-Слова, нет и не может быть праздных слов: *глагол* Господень *не возвратится* к Нему *тощ* (Ис. 55: 11); *не изнеможет у Бога всяк глагол* (Лк. 1: 37); а мы сотворены по образу Божию, потому и наши слова также не должны быть произносимы впусте, напрасно, праздно, а каждое слово наше должно иметь духовную, поучительно-назидательную силу: *слово ваше да будет всегда во благодати* (Кол. 4: 6)... Потому в молитве и в разговорах крайне наблюдай, чтобы тебе не говорить слова праздно, на ветер. [10, т. 2, с. 160].

***

Хочешь, чтобы другие скоро исправлялись от своих недостатков, а сам скоро ли исправляешься, не страдаешь ли сам тем, чем и другие? Не от тебя ли, от твоей неисправности и другие коснеют во грехах и страстях? [10, т. 1, с. 333].

***

Грех сам в себе есть огонь, потому говорим, что такой-то воспламенен гневом или плотскою любовью, или завистью. Итак, грех сам в себе носит огненное осуждение. Каков же будет этот огонь в грешниках, когда за нераскаянность благость Божия совсем оставит их? Каков этот огонь будет вне грешников? так

как несомненно, что будет и озеро огненное, и пещь огненная, или геенна огненная, или дебрь огненная! Все это существенно, истинно. А мы, бесчувственные, не устрашаемся, не трепещем, иждиваем жизнь в наслаждениях, к Церкви холодны, обязанностей христианских не исполняем, в грехах закосневаем! Горе нам! [10, т. 2, с. 191].

***

Вот наше современное в христианстве идолопоклонство: самолюбие, честолюбие, наслаждение земное, чревоугодие и любостяжание, любодеяние; оно-то совсем отвратило очи наши и сердца наши от Бога и небесного отечества и пригвоздило к земле; оно-то искоренило любовь к ближнему и вооружило друга против друга. Горе, горе нам! [10, т. 2, с. 211].

***

Моя ежедневная, величайшая беда — грехи, язвящие и гложущие мое сердце. Но против этой беды есть ежедневный же, величайший Избавитель и Спаситель Иисус Христос. Он мне ежедневно благотворит невидимо, благостно. Грешники бедные! познайте Сего Спасителя, как я знаю Его по благодати Его, по дарованию Его. [10, т. 1, с. 370].

***

Грех закрывает сердечные очи; вор думает, что Бог не видит; блудник, предаваясь сквернодействию, думает, что Бог его не видит; сребролюбивый, объедала, пьяница думают, что они утаиваются с своими пристрастиями. Но Бог видит и судит. *Наг есмь и скрыхся* (Быт. 3: 10). Так говорит своими делами всякий грешник, скрывающийся от вездеприсущего Бога. [10, т. 2, с. 320–321].

***

Тот грех, на который ты не соизволяешь, не вменяется тебе; напр., невольное преткновение на молитве, помыслы скверные и хульные, непроизвольная злоба, с которою мы усердно боремся, скупость, которой мы отвращаемся — это все нападения злого духа. Наше дело терпеть, молиться, смиряться и любить. [10, т. 2, с. 231].

***

Какая тьма, какое безумие, какая немощь и какое насилие ужасное, смертоносное — грех! Прелюбодействуем внутренне, взирая на лица, потому что лица прекрасны; ненавидим человека, потому что он не по нашему нраву, не по нашим страстям, не по нашему настроению духа, часто очень не безгрешному, страстному, порочному. Причина ли блуда, греха — красота лица? Не причина ли удивления Творцу, создавшему так прекрасно человека? Причина ли ненависти ближнего то, что он не по нашему нраву, или своенравию, не потворствует нашей гордости, вообще страстям, что он не по нашему настроению духа? Не у всякого ли свободная воля, свой характер, свой темперамент, свои привычки, свои страсти, замашки? Не снисходить ли всякому должно, не уважать ли должно личную свободу всякого человека, свободу, которую Сам Господь никогда не насилует? [10, т. 1, с. 324].

***

Всевозможные грехи и страсти готовы ворваться в душу и усиливаются ворваться в нее каждую минуту. Но мужественно и недремлемо борись с ними до последнего издыхания, считая их за мечту воображения, за мечту духов злобы. [10, т. 2, с. 58–59].

***

Когда согрешишь против Бога и грехи твои будут мучить, жечь тебя, ищи тогда скорее единой Жертвы о грехах, вечной и живой, и повергай свои грехи пред лице этой Жертвы. Иначе тебе нет ниоткуда спасения. Сам по себе спастись не думай. [10, т. 1, с. 60].

***

О, как страшно для забавы употреблять пищу и питие, пресыщаться и упиваться! Сытая утроба теряет веру, страх Божий и делается бесчувственною для молитвы, для благодарения и славословия Божия. Сытое сердце отвращается от Господа и делается как камень твердо и бесчувственно. Вот почему Спаситель заботливо предостерегает нас от объедения и пьянства, *да не внезапу найдет на нас день смерти* (Лк. 21: 34), по причине гнева Господня на нас, за легкомысленное и праздное препровождение времени в пище и питии. [10, т. 2, с. 130].

О ЗЛЕ

Мало ли какое зло бывает у тебя на душе, но «не все, что есть в печи, на стол мечи». Да будет оно одному Богу известно, ведущему все тайное и сокровенное, а людям не показывай всех своих нечистот, не заражай их дыханием сокрытого в тебе зла, затвори печь: пусть дым зла замрет в тебе. Богу поведай печаль свою, что душа твоя полна зла и жизнь твоя близка к аду, а людям являй лицо светлое, ласковое. Что им до твоего безумия? Или же объяви свою болезнь духовнику или другу своему, чтобы они тебя вразумили, наставили, удержали. [10, т. 1, с. 70–71].

***

Помни изречение Св. Писания: *не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое* (Рим. 12: 21). Тебе грубят, тебя раздражают, на тебя дышат презрением и злобою, — не плати тем же, но будь тих, кроток и ласков, почтителен и — любящ к тем самым, которые недостойно ведут себя пред тобою. Если ты сам смутишься и будешь говорить с волнением, грубо, презрительно и, значит, без всякой любви, тогда ты сам побежден и тебе вправе сказать обидевшие: *врачу, изцелися сам* (Лк. 4: 23), или *что видиши сучец во оце брата твоего, бревна же во оце твоем не чуеши?.. Изми первее бревно из очесе твоего* (Мф. 7: 3, 5). Не дивись тогда, если и часто будут повторяться тебе грубости от оскорбляющих тебя, ибо они заметят твою слабость и будут намеренно раздражать тебя. *Не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое.* Покажи оскорбившему тебя, что он не тебя обидел, а сам себя, пожалей его сердечно, что он так удобно побеждается от своих страстей, что он болен душевно, покажи к нему тем большую кротость и любовь, чем он грубее и раздражительнее, чем он больше питает к тебе ненависти, — и ты верно победишь его. Добро всегда сильнее зла и потому всегда победоносно. Помни еще, что все мы немощны, чрезвычайно удобно побеждаемся от всякой страсти и потому будь кроток и снисходителен к согрешающим пред тобою, зная, что и ты сам часто тем же недугуешь, чем брат; оставляй долги должникам твоим, да и тебе Отец Небесный оставит твои долги, не в пример большие долгов твоих должников. Будь всегда покоен, возвышен, немнителен, тверд духом, прост и добр сердцем, — и ты всегда будешь торжествовать над своими врагами. *Обличения нечестивому раны*

ему. Не обличай злых, да не возненавидят тебе... сказуй праведному, и приложит приимати (Притч. 9: 7–9). [10, т. 1, с. 165–166].

***

Злоба или другая страсть какая, поселяясь в сердце, стремится — по непременному закону зла — излиться наружу. Оттого обыкновенно говорят о злом или разгневанном человеке, что он выместил свою злобу на том-то или выместил гнев свой на том-то. В том и беда от зла, что оно не остается только в сердце, а силится распространиться вовне. Из этого уже видно, что виновник зла сам велик и имеет обширную область, в которой он царствует. *Мир весь во зле лежит* (1 Ин. 5: 19). Как пары или газы, во множестве скопившись в запертом месте, усиливаются извергнуться вон, так страсти, как дыхание духа злобы, наполнивши сердце человеческое, также стремятся из одного человека разлиться на других и заразить своим смрадом души других. [10, т. 1, с. 72].

***

Не допускай, чтобы диавол всеял в сердце твое злобу и вражду на ближнего, не давай ей никоим образом гнездиться в сердце твоем; иначе твоя злоба, хотя и не высказанная на словах, но выраженная только во взгляде, может заразить чрез зрение и душу брата (ибо ничто так не заразительно, как злоба, особенно она заражает удобно тех, которые имеют в сердце избыток недремлющей злобы), раздуть в нем искру злобы в целое пламя. Блюдись: *в нюже меру* меришь, *возмерится* тебе (Мф. 7: 2). *Несть тайно, еже не явлено будет: ниже утаено, еже не познается, и в явление приидет* (Лк. 8: 17). [10, т. 1, с. 268].

***

Злобы как огня бойся; ни из-за какого благовидного предлога, тем более из-за чего-либо тебе неприятного, не допускай ее до сердца: злоба всегда злоба, всегда исчадие диавольское. Злоба приходит иногда в сердце под предлогом ревности о славе Божией или о благе ближних; не верь и ревности своей в этом случае: она ложь или ревность не по разуму; поревнуй о том, чтобы в тебе не было злобы. Бог ничем так не прославляется, как *любовию вся терпящею*, и ничем так не бесчествуется и не оскорбляется, как злобою, какою бы она ни прикрывалась благовидностью. Под маскою попечения о нищих Иуда, скрывая злобу свою на Господа своего, предал Его за 30 сребреников. Помни, что враг неусыпно ищет твоей погибели и нападает на тебя тогда, когда ты менее всего ожидаешь его. Злоба его бесконечна. Не связывайся самолюбием и сластолюбием, да не удобно они пленят тебя. [10, т. 2, с. 357].

***

Не дыши злобою, мщением, убийством даже на животных, чтобы твою собственную душу не предал смерти духовный враг, дышащий в тебе злобою даже на бессловесных тварей, и чтобы тебе не привыкнуть дышать злобою и мщением и на людей. Помни, что и животные призваны к жизни благостью Господа для того, чтобы они вкусили, сколько могут, в короткий срок жизни радостей бытия. *Благ Господь всяческим* (Пс. 144: 9). Не бей их, если они, неразумные, что-либо и напроказят или пострадает от них какая-либо из твоей собственности. *Блажен, иже и скоты милует*. [10, т. 1, с. 162].

***

Корень всякого зла есть самолюбивое сердце, или саможаление, самощадение; от самолюбия или чрезмерной и незаконной любви к самому себе проистекают все страсти: холодность, бесчувственность и жестокосердие по отношению к Богу и ближнему, злое нетерпение, или раздражительность, ненависть, зависть, скупость, уныние, гордость, сомнение, маловерие и неверие, жадность к пище и питию, или чревоугодие, любостяжание, тщеславие, леность, лицемерие. Не жалей себя никогда ни в чем, распни себя — своего ветхого человека, гнездящегося преимущественно в плоти, — ты отсечешь все свои страсти. Терпи благодушно все, что случается неприятного для плоти, не щади ее, иди напротив ей, и ты будешь истинный последователь Христов. Вся мудрость христианина в том, чтобы ему в жизни своей благоразумно идти напротив своей плоти во всем, *ибо не живет во мне, сиречь во плоти моей, доброе*, говорит апостол (Рим. 7: 18). [10, т. 2, с. 141].

***

О злобе. — Если ты злобишься на брата за грехи его, положим даже соблазнительные, то вспомни, что ты сам не без грехов, тоже соблазнительных, хотя, может быть, в другом роде. Сам ты желаешь, чтобы твои соблазнительные грехи были покрыты снисходительною, вся покрывающею (грехи) любовью ближних; как бы ты был им благодарен, с какою бы любовью обнял, поцеловал их за их вся терпящую любовь; как это снисхождение облегчило бы без того тяжкую скорбь твою о грехах, ободрило и укрепило твою немощь в борьбе с ними, укрепило бы дух твой упованием на милосердие Божие! Но чего желал бы ты себе

в подобных случаях, того желай, то делай и брату; он твой член и член Христов, *возлюбиши*, сказано, *ближняго твоего, яко сам себе* (Мк. 12: 31). Помни всегда при осуждении, по злобе сердца твоего на брата за грехи его, что ты сам не без грехов. *Что видиши сучец, иже есть во оце брата твоего, бервна же, еже есть во оце твоем, не чуеши? Лицемере*, воистину лицемере, *изми первее бервно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего* (Мф. 7: 3, 5). Притом брат твой *своему Господеви стоит или падает* (Рим. 14: 4), а не тебе. А если против тебя согрешил брат, то ты непременно должен простить ему обиду, тебе от него причиненную, или погрешности его против тебя. Ты сам ежедневно крепко нуждаешься в прощении тебе грехов Отцом Небесным и молишься: *остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим* (Мф. 6: 12). А если хочешь, чтобы грехи были прощены тебе, прощай брату его согрешения против тебя. *Аще бо отпущаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный; аще ли не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших* (Мф. 6: 14–15). [10, т. 2, с. 156–157].

О ЛЮБВИ К БЛИЖНИМ

Любовь покоит и приятно расширяет сердце, оживотворяет его, а ненависть мучительно стесняет и тревожит его. Кто ненавидит других, тот мучит и тиранит сам себя, — тот глупее всех глупцов. [10, т. 1, с. 33].

***

Помни, что Господь в каждом христианине. Когда приходит к тебе ближний, имей к нему всегда великое уважение, ибо в нем Господь, Который чрез него часто выражает волю Свою. *Бог есть действуяй в нас,*

и еже хотети и еже деяти о благоволении (по благой воле Божией) (Флп. 2: 13). Не жалей для брата ничего, как для Господа, тем более что ты не знаешь, в ком Господь приходит посетить тебя; ко всем будь нелицеприятен, для всех добр, искренен, радушен. Помни, что и чрез неверных Господь иногда говорит, или располагает их сердца к нам, как это случилось в Египте с темничным стражем, коего сердце Господь расположил к Иосифу (см. Быт. 39: 21). [10, т. 1, с. 109].

***

Сколько пустых и непрестанных предлогов представляет ненавистник рода человеческого к ненавидению ближних наших, так что хоть непрестанно сердись на людей, хоть непрестанно злобствуй, живи по адской всеразрушительной воле демонской. Не гоняйся за призраками его, оставь всякую вражду и люби всякого, ибо любовь от Бога. [10, т. 2, с. 25].

***

Когда брат в чем-либо погрешит против тебя, напр., позлословит тебя или передаст злонамеренно другому слова твои в превратном виде и оклевещет тебя, не озлобляйся на него, но отыщи в нем добрые стороны, которые несомненно есть в каждом человеке, и остановись на них с любовью, презирая зло, сплетенное им на тебя, как грязь, не стоящую внимания, как мечту бесовскую. Так золотопромышленники не обращают внимания на множество песку и грязи в золотом песке, но останавливаются на золотых песчинках, и хотя их очень мало, дорожат и немногим и промывают его из множества негодного песку. Так и Бог поступает с нами, долготерпеливо очищая нас. [10, т. 2, с. 374].

***

Люби всякого человека, несмотря на его грехопадения. Грехи грехами, а основа-то в человеке одна — образ Божий. Другие со слабостями, бросающимися в глаза, злобны, горды, завистливы, скупы, сребролюбивы, жадны, да и ты не без зла, может быть, даже в тебе его больше, чем в других. По крайней мере в отношении грехов люди равны: *вси*, сказано, *согрешиша и лишени суть славы Божией* (Рим. 3: 23), все повинны пред Богом и все равно нуждаемся в Божием к нам милосердии. Потому любя друг друга, надо терпеть друг друга и оставлять, прощать другим их погрешности против нас, чтобы и Отец наш Небесный простил нам согрешения наши (см. Мф. 6: 14). Итак, всею душою чти и люби в каждом человеке образ Божий, не обращая внимания на его грехи — Бог един свят и безгрешен. А смотри, как Он нас любит, что Он для нас сотворил и творит, наказуя милостиво и милуя щедро и благостно! Еще почитай человека, несмотря на его грехи, потому, что он всегда может исправиться. [10, т. 1, с. 141].

***

Будьте внимательны к себе, когда бедный человек, нуждающийся в помощи, будет просить вас об ней: враг постарается в это время обдать сердце ваше холодом, равнодушием и даже пренебрежением к нуждающемуся; преодолейте в себе эти нехристианские и нечеловеческие расположения, возбудите в сердце своем сострадательную любовь к подобному вам во всем человеку, к этому члену Христову и вашему собственному — *зане есмы друг другу удове* (Еф. 4: 25), — к этому храму Духа Святого, чтобы и Христос Бог возлюбил вас; и о чем попросит вас нуждающийся, по силе ис-

полните его просьбу. *Просящему у тебе дай, и хотящаго у тебе заяти не отврати* (Мф. 5: 42). [10, т. 1, с. 150].

***

Любы, сказано, *не радуется о неправде, радуется же о истине* (1 Кор. 13: 6). Нам приходится часто видеть неправедные, греховные дела человеческие или слышать о них, и мы имеем грешный обычай: радоваться таким делам и выражать без стыда радость свою безумным смехом. Худо, не по-христиански, нелюбовно, богопротивно мы делаем. Это значит, что мы не имеем в сердце христианской любви к ближнему: ибо *любовь не радуется о неправде, радуется же о истине*. Перестанем вперед так делать, да не осудимся вместе с делающими неправду. [10, т. 1, с. 161].

***

Обиженный кем-либо, не будь злопамятен, и когда обидевшие тебя покажут тебе ласковый вид, обратятся с речью к тебе, не обрати сердца своего к злобе, а говори с ними ласково и добродушно, как будто бы ничего не бывало между тобою и ими; научись побеждать благим злое, злобу благостью, кротостью и смирением. Не говори в сердце обидевшему тебя: как! он говорит со мною, изобидев меня, ни во что вменяет обиду свою мне, да я не считаю его достойным говорить со мною; отвергаю, презираю его; пусть знает, каково обижать меня. Не будь горд и злопамятен, не говори так, да не прогневается на твое жестокосердие Господь. [10, т. 1, с. 173].

***

Ближний — равноправное мне существо, тот же человек, что я, тот же образ Божий; и как он то же, что я, то и любить его надо мне, как я сам себя люблю. *Возлюбиши*

искренняго твоего яко сам себе (Мф. 22: 39), — надо наблюдать его, как свою плоть и кровь: обращаться с любовью, кротко, ласково, прощая погрешности его, как себе охотно прощаю, как сам жажду от других прощения или снисхождения моим немощам, т.е. чтобы и не замечали их, как бы их не было, или заметили ласково, кротко, любезно, доброжелательно. [10, т. 1, с. 175].

***

Те, которые подают алчущим хлеб или деньги с жалением, с лукавым оком и несытым сердцем, — все равно что кладут яд в свой хлеб или в свою милостыню, хотя этот яд — духовный, невидимый. Нужно подавать с любовью, с уважением к лицу ближнего, доброхотно, с радостью, ибо любви свойственно радоваться при оказании помощи любимому. [10, т. 1, с. 209–210].

***

Радуйся всякому случаю оказать ласку ближнему, как истинный христианин, усиливающийся стяжать как можно более добрых дел, особенно сокровищ любви. Не радуйся, когда тебе оказывают ласку и любовь, считая себя по справедливости недостойным того; но радуйся, когда тебе предстоит случай оказать любовь. Оказывай любовь просто, без всякого уклонения в помышления лукавства, без мелочных житейских корыстных расчетов, памятуя, что любовь есть Сам Бог, Существо препростое. Помни, что Он все пути твои назирает, видит все помышления и движения сердца твоего. [10, т. 1, с. 272].

***

Себе все легко прощаешь, если согрешишь против Бога или против людей, легко извиняй и других. Люби

ближнего как себя, прощай ему много. *Колькраты аще согрешит в мя брат мой, отпущу ли ему до седмь крат? не глаголю тебе до седмь крат, но до седмьдесят крат седмерицею* (Мф. 18: 21–22), – говорит Господь. В этом и познается любовь. Даже мало еще этого для любви: любовь любит врагов своих, добро творит ненавидящим, благословляет проклинающих ее и молится за творящих ей обиду (Лк. 6: 27–28). [10, т. 1, с. 265].

***

Обращайся с ближним совершенным сердцем, т.е. истинно и с любовью, какую имеешь к самому себе, да и ближний твой возлюбит тя, а если и не возлюбит, то по крайней мере да почтит в лице твоем добродетель твою и проникнется к ней уважением, сам да возревнует о ней. [10, т. 1, с. 318].

***

Истинная любовь охотно терпит лишения, беспокойства и труды, сносит обиды, унижения, недостатки, погрешности и неисправности, если нет от них вреда другим; терпеливо и с кротостью переносит низости и злобу других, предоставляя суд всевидящему Богу, праведному Судии, и молясь о том, чтобы Бог вразумил омраченных неразумными страстями. [10, т. 1, с. 351].

***

Чтобы тебе испытать себя, любишь ли ты ближнего по Евангелию, обращай на себя внимание в то время, когда люди обижают тебя, ругают, смеются над тобою, или не дают должного, принятого в общежитии почтения, или когда подчиненные погрешают против службы и бывают неисправны. Если ты в это

время спокоен, не исполняешься духом вражды, ненависти, нетерпения, если продолжаешь любить этих людей так же, как и прежде, до их обид, неисправности, то ты любишь ближнего по Евангелию, а если раздражаешься, сердишься, смущаешься, то не любишь. *Аще любите други ваша токмо, кая вам благодать есть* (ср. Мф: 5, 47; Лк. 6: 32)? [10, т. 2, с. 81].

***

Если будешь иметь христианскую любовь к ближним, то будет любить тебя все небо; если будешь иметь единение духа с ближними, то будешь иметь единение с Богом и со всеми небожителями; будешь милостив к ближним, а к тебе будет милостив Бог, равно и все Ангелы и святые; будешь молиться за других, а за тебя все небо будет ходатайствовать. Свят Господь Бог наш, и ты будь таков же. [10, т. 1, с. 386].

***

Все неправды человеческие предоставь Господу, ибо Бог Судия есть, а сам люби прилежно от чиста сердца всякого да помни, что ты сам великий грешник и нуждаешься в милости Божией. А чтобы заслужить милость Божию, надо всячески миловать других. Буди! буди! Все для всех Господь: и Судия, и щедрый Податель даров, и милость и очищение грехов, и свет, и мир, и радость, и крепость сердца. [10, т. 1, с. 399].

***

Не огорчайся на людей, выражающих свою гордость и спесь или злобу, изнеженность и нетерпенье в отношении к тебе или другим, но, вспомнив, что и сам ты подвержен тем же и большим грехам и страстям, помолись за них и кротко обойдись с ними. *Аще и впа-*

дет человек в некое прегрешение, вы духовнии исправляйте таковаго духом кротости, блюдый себе да не и ты искушен будеши. Друг друга тяготы носите (оскорбил ли кто тебя, тяжело ли тебе, — снеси это), *и тако исполните закон Христов* (Гал. 6: 1–2). [10, т. 2, с. 6].

***

Всякого приходящего к тебе человека, особенно с духовной целью, принимай с ласковым и веселым видом, хотя бы то был нищий или нищая, и внутренне смиряйся пред всяким, считая себя ниже его, ибо ты от Самого Христа поставлен быть слугою всех, и все суть члены Его, хотя, подобно тебе, и носят на себе язвы прегрешений. [10, т. 2, с. 37].

***

Любовь к Богу тогда начинает в нас проявляться и действовать, когда мы начинаем любить ближнего, как себя, и не щадить ни себя и ничего своего для него, как образа Божия; когда стараемся служить ему во спасение всем, чем можем; когда отказываемся, ради угождения Богу, от угождения своему чреву, своему зрению плотскому, от угождения своему плотскому разуму, не покоряющемуся разуму Божию. *Не любяй брата своего, егоже виде, Бога, Егоже не виде, како может любити* (1 Ин. 4: 20)? *Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5: 24). [10, т. 1, с. 308].

***

Лучше не передавать укорных слов, посылаемых к нам от кого-либо, а умолчать об них, или передать, хотя ложно, слова любви и благорасположения, тогда дух наш пребудет спокоен. А передавать слова

вражды и зависти весьма вредно; они производят нередко в нетерпеливых и самолюбивых людях, к которым относятся, бурю душевную, возбуждают угасшую вражду и производят раздор. Надо иметь христианское терпение и мудрость змиину. [10, т. 2, с. 76].

***

Все жертвы и милостыни нищим не заменят любви к ближнему, если нет ее в сердце; потому, при подаянии милостыни, всегда нужно заботиться о том, чтобы она подаваема была с любовью, от искреннего сердца, охотно, а не с досадою и огорчением на них. Самое слово *милостыня* показывает, что она должна быть делом и жертвою сердца и подаваема с умилением или сожалением о бедственном состоянии нищего и с умилением или сокрушением о своих грехах, в очищение которых подается милостыня; *ибо милостыня*, по Писанию, *очищает всяк грех* (Тов. 12: 9). Кто подает милостыню неохотно и с досадою, скупо, тот не познал своих грехов, не познал самого себя. Милостыня есть благодеяние прежде всего тому, кто ее подает. [10, т. 2, с. 79–80].

***

Если брат твой сделает что-либо во время службы неправильно или несколько нерадиво — не раздражайся ни внутренне, ни наружно против него, но великодушно снизойди к его погрешности, вспомнив, что ты сам делаешь в жизни много, много погрешностей, что ты сам человек со всеми немощами, что Бог долготерпелив и многомилостив и без числа много прощает тебе и всем нам неправды наши. Припомни слова из молитвы Господней: *остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим*. Эти слова должны всег-

да напоминать нам, что мы сами во всякое время великие должники, великие грешники пред Богом, и чтобы, помня это, смирялись в глубине своего сердца и не были очень строги к погрешностям братии, подобно нам немощных, — чтобы, как мы сами себя не судим строго, так не судили бы строго и о других, ибо братия — члены наши, как бы мы сами. Раздражительность нрава происходит от непознания себя, от гордости и от того еще, что мы не рассуждаем о сильном повреждении своей природы и мало познали кроткого и смиренного Иисуса. [10, т. 1, с. 157–158].

***

Видел я и слышал людей, которые с лукавством и злорадством рассказывают о некоторых темных пятнах в жизни и деятельности великих и даже святых людей, и из-за этих темных мнимых или истинных пятен порицают всю жизнь человека, называя его лицемером и едва не богоотступником. Они представят вам и факты, — только эти факты так же темны и сомнительны, как темна их подозрительная, лукавая душа, которая из чужого пятна, из чужого греха, чужой слабости хочет извлечь для себя мнимое оправдание для своих порочных дел. Но не оправдают они себя, а больше навлекут осуждения на себя за то, что *видят сучец во оце брата своего* и осуждают его; *бревна же* (поистине бревна) *в оце своем не чуют* (Мф. 7: 3). Ты говоришь: в этом святом отце или в этом благочестивом человеке есть такие и такие грехи. Что же? Он — человек, а никто из людей не безгрешен. *Аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас* (1 Ин. 1: 8). Но разве ты без греха? Если же нет, — что же ты бросаешь в брата камень осуждения? Если бы я стал разбирать твою жизнь, по слову Божию, то я соб-

ственными твоими словами осудил бы тебя в бесчисленных и тяжких грехах: и в гордости, и в кичении, и в неверии, и в любостяжании, и в прелюбодеянии, и в кривотолковании слова Божия и заповедей Божиих, и в холодности к своей вере... и мало ли в чем. Я нашел бы, что, может быть, все тело твое темно, потому что сердечное око твое лукаво. Ох! как мне противно это диавольское злорадство о грехе ближнего, это адское усилие доказать его истинную или мнимую слабость. И люди так поступающие еще смеют говорить, что они уважают и всеми силами стараются исполнять закон о любви к Богу и ближнему! какая же тут любовь к ближнему, когда даже в великих и святых людях намеренно хотят видеть и отыскивать темные пятна, за один грех чернят всю его жизнь и не хотят покрыть греха ближнего, если он действительно есть? забыли они, что *любовь вся покрывает* (1 Кор. 13: 7). Как много делают зла эти нравственные черви себе и другим! Они подрывают во многих законное уважение к известной особе, затемняют для них свет ее, отвлекают от подражания ей и смущают души их помыслами осуждения, а себе вредят тем, что принимают от диавола яд осуждения ближнего. Брат! *ты кто еси судяй чуждему рабу? своему Господеви стоит или падает. Станет же: силен бо есть Бог поставити его* (Рим. 14: 4). [10, т. 2, с. 125–126].

***

Носи в сердце постоянно слова: Христос есть любовь, и старайся любить всех, жертвуя для любви не только имением, но и собою. [10, т. 2, с. 141].

***

Когда мы слышим дурные отзывы о каком-нибудь человеке, то внутренне сравнивая его с собою, гово-

рим в сердце своем: я не таков, я, в сравнении с ним, совершенство, и, мечтая так о себе и осуждая внутренне других, услаждаемся своим превосходством пред другими. Это гордость сатанинская, это зловоние плотского, греховного человека. Да бегут из души прочь такие помышления! Да помышляем мы себя худшими всех людей! Когда будут о ком отзываться дурно, вздохнем и скажем про себя: мы хуже, грешнее этого человека во сто раз и от души помолимся об осуждаемом брате. [10, т. 2, с. 295].

***

Взирай в человеке на божественное начало — душу, которая по образу и подобию Божию, и ради этого начала всегда уважай и люби человека от чистого сердца нелицемерно. [10, т. 2, с. 309].

***

При выговоре подчиненным за их неисправность тщательно воздерживайся от рвения, раздражительности и смущения и будь кроток, исполнен любви, степенен и покоен. Если подлежащий исправлению обижается, кротко заметь ему, что ты вовсе не имеешь намерения обижать и раздражать его, а искренно желаешь ему добра и порядка о его деле, что тебе противен не он, а беспорядок, который он производит. Не оскорбляй его самолюбия и человеческого достоинства, возвышая себя в глазах его и унижая его; если ты имеешь эту слабость (гордость), лучше брось исправлять другого и наперед исцелися сам: *вынь прежде бревно из очесе твоего* духовного, *и тогда узриши изъять сучец из* духовного *ока брата твоего* (Мф. 7: 5). В противном случае ты только раздражишь ближнего, а пользы нравственной не принесешь ему. Будь кро-

ток и снисходителен к другим при замечаниях о их недостатках, памятуя, что ты и сам с недостатками, и большими недостатками. Ты обличаешь другого, положим, в пьянстве, но если и ты сам пьешь или если и не пьешь, но лакомишься, чревоугодничаешь, пресыщаешься, ведь ты грешишь так же, как он. Исправься сам от чревоугодия, и тогда сильно будешь говорить против пьянства других. Обвиняешь другого в нерадении к службе, а сам, быть может, тоже нерадив. *Врачу, исцелися сам* (Лк. 4: 23). [10, т. 2, с. 370–371].

***

Когда видишь в ближнем недостатки и страсти, молись о нем; молись о каждом, даже о враге своем. Если видишь брата гордого и строптивого, горделиво с тобою или с другими обращающегося, молись о нем, чтобы Бог просветил его ум и согрел его сердце огнем благодати Своей, говори: Господи, научи раба Твоего, в диавольскую гордость впадшего, кротости и смирению и отжени от сердца его мрак и бремя сатанинской гордыни! — Если видишь злобного, молись: Господи, блага сотвори раба Твоего сего благодатью Твоею! — Если — сребролюбивого и жадного, говори: Сокровище наше нетленное и богатство неистощимое! даруй рабу Твоему сему, сотворенному по образу и подобию Твоему, познать лесть богатства, и яко вся земная — суета, сень и соние. Яко трава дни всякого человека, или яко паутина, и яко Ты един богатство, покой и радость наша! — Когда видишь завистливого, молись: Господи, просвети ум и сердце раба Твоего сего к познанию великих, бесчисленных и неисследимых даров Твоих, ихже прият от неисчетных щедрот Твоих, во ослеплении бо страсти своея забы Тебе и дары Твои богатые, и ища себя быти вмени, богат сый благами Твоими, и сего

ради зрит прелестне на благая рабов Твоих, имиже, о, пренеизглаголанная Благостыня, ущедряеши всех, коегождо противу силы его и по намерению воли Твоей. Отыми, всеблагий Владыко, покрывало диавола от очию сердца раба Твоего и даруй ему сердечное сокрушение и слезы покаяния и благодарения, да не возрадуется враг о нем, заживо уловленном от него в свою его волю, и да не отторгнет его от руки Твоея. Когда видишь пьяного, говори сердцем: Господи, призри милостиво на раба Твоего, прельщенного лестью чрева и плотского веселья, даруй ему познати сладость воздержания и поста и проистекающих от него плодов духа. — Когда видишь страстного к брашнам и блаженство свое в них полагающего, говори: Господи, сладчайшее Брашно наше, никогда не гиблющее, но пребывающее в живот вечный! очисти раба Твоего сего от скверны чревообъядения, всего плоть сотворившегося и чуждого Духу Твоему и даруй ему познать сладость Твоего животворящего духовного брашна, еже есть Плоть и Кровь Твоя и святое, живое и действенное слово Твое. — Так, или подобным образом, молись о всех согрешающих и не дерзай никого презирать за грех его или мстить ему, ибо этим увеличились бы только язвы согрешающих, — исправляй советами, угрозами и наказаниями, которые служили бы средством к прекращению или удержанию зла в границах умеренности. [10, т. 1, с. 171–172].

***

Не слушай клевет врага на ближнего, мерзостей и разных злоб его и гордыни его. На всякого человека смотри просто, с почтением, как на образ Божий, и не думай об нем ничего худого без причины. Когда молишься только внутренне или вместе и наружно, будь

уверен крепко, что Господь тут, у тебя и в тебе, и слышит каждое слово, хотя и про себя, хоть только мысленно говоришь; говори от всего сердца, искренно, осуждай себя также искренно, без малейшего оправдания себя, имей веру, что Господь помилует тебя — и не останешься непомилованным. Верно. С опыта взято. [10, т. 1, с. 372].

***

Как мне быть холодным к ближнему, когда мне Господь велел любить его как себя, или как Сам Он возлюбил нас? А хладны мы делаемся к ближним оттого, что пристрастны к сластям и самолюбивы. Итак, отринем сласти и невоздержание, да Владыке своему угодим. [10, т. 2, с. 222].

***

Любовь не терпит самооправдания, не превозносится, не гордится. [10, т. 2, с. 412].

***

Не смеешься ли ты над недостатками ближнего, не презираешь ли его или не питаешь ли к нему ненависти из-за них? *Любовь вся покрывает.* Помни это и покрой недостатки и согрешения брата своего, да и твои Бог покроет. Терпи немощные уды; мы все едино тело о Господе. [10, т. 2, с. 415].

О МОЛИТВЕ

И на молитве человек большею частою не сын свободы, а раб необходимости и долга. Взгляните на какого угодно человека, хотя бы на священника. Многие ли молятся с свободным, пространным сердцем, с живою верою и любовью? [10, т. 1, с. 20].

***

В молитве необходимо искреннее искание исправления. [10, т. 2, с. 277].

***

Чтобы провести день весь совершенно свято, мирно и безгрешно, — для этого единственное средство — самая искренняя, горячая молитва утром по восстании от сна. Она введет в сердце Христа со Отцом и Духом Святым и таким образом даст силу и крепость душе против приражений зла; только хранить сердце свое надобно. [10, т. 1, с. 26].

***

Молитва есть возношение ума и сердца к Богу. Отсюда очевидно, что молиться не может тот, кого ум и сердце крепко привязаны к чему-либо плотскому, например, к деньгам, к чести, или кто имеет в сердце страсти: ненависть, зависть к другим, потому что страсти обыкновенно связывают сердце, как Бог расширяет его, доставляет ему истинную свободу. [10, т. 1, с. 29].

***

Есть много таких молящихся, которые оказываются всуе чтящими Бога. Есть и такие ленивые и лукавые богомольцы, которые, почуяв в сердце и в голове своей прилив скверных и лукавых мыслей, - бросают тотчас молитву и бегут из церкви или от домашней иконы. [10, т. 2, с. 278].

***

Бывают в жизни христиан благочестивых часы оставления Богом — часы тьмы диавольской, и тогда человек от глубины сердечной взывает к Богу: зачем

Ты отринул меня от лица Твоего, Свете незаходимый? Ибо вот покрыла меня, всю мою душу, чуждая тьма окаянного, злобного сатаны; тяжко душе быть в мучительной тьме его, дающей предчувствовать муки мрачного ада; обрати же меня, Спаситель, к свету заповедей Твоих и исправь духовный путь мой, усердно молюсь Тебе. [10, т. 1, с. 55].

***

Молитва принужденная развивает ханжество, делает неспособным ни к какому занятию, требующему размышления, и делает человека вялым ко всему, даже к исполнению должностей своих. Это должно убедить всех, таким образом молящихся, исправить свою молитву. Молиться должно охотно, с энергией, от сердца. Ни от скорби, ни от нужды (принужденно) молись Богу, — *доброхотна бо дателя любит Бог* (2 Кор. 9: 7). [10, т. 1, с. 81].

***

Наружная молитва нередко исполняется на счет внутренней, а внутренняя — на счет наружной, т.е. если я молюсь устами или читаю, то многие слова не ложатся на сердце, я двоюсь, лицемерю; устами выговариваю одно, а на сердце — другое; уста говорят истину, а сердечное расположение не согласуется с словами молитвы. А если я молюсь внутренне, сердцем, то не обращая внимания на выговаривание слов, я сосредоточиваю его на содержании, на силе их, приучая сердце постепенно к истине, и вхожу в то самое расположение духа, в каком написаны молитвенные слова, а таким образом приучаюсь мало-помалу молиться духом и истиною, по словам вечной Истины: *иже кланяется Богу, духом и истиною достоит кланятися* (Ин. 4: 24). Когда

человек молится наружно вслух, тогда ему не всегда можно уследить за всеми движениями сердечными, которые слишком быстры, так что ему по необходимости надо заняться выговором, внешнею формою слова. Таким образом, у многих причетников, бегло читающих, образуется совершенно ложная молитва: устами они как будто молятся, по всему зришь их аки благочестивых, а сердце спит и не знает, что уста говорят. Это происходит оттого, что они торопятся и не размышляют сердцем о том, что говорят. Надо молиться о них, как они для нас молятся; нужно молиться, чтобы их слова доходили до сердца их и дышали его теплотою. Они для нас молятся словами святых людей, а мы об них. [10, т. 1, с. 105].

***

Иногда человек молится, по-видимому, усердно, но молитва его не приносит ему плодов покоя и радости сердца о Духе Святе. Отчего? Оттого, что молясь по готовым молитвам, он не каялся искренно в тех грехах, которые он учинил в тот день, которыми осквернил свое сердце, этот храм Христов, и коими прогневал Господа. Но вспомни он о них да раскайся, со всею искренностью осуди себя беспристрастно — и тотчас водворится в сердце *мир, превосходяй всяк ум* (Флп. 4: 7). В молитвах церковных есть перечисление грехов, но не всех, и часто о тех-то самых и не бывает упомянуто, коими мы связали себя; надо непременно самому перечислять их на молитве с ясным сознанием их важности, с чувством смирения и с сердечным сокрушением. Оттого-то в молитвах вечерних и говорится при перечислении грехов: или то-то или это сделал худого, т. е. представляется на нашу волю упоминать те или другие грехи. [10, т. 1, с. 148].

***

Хорошо иногда на молитве сказать несколько своих слов, дышащих горячею верою и любовью ко Господу. Да, не все чужими словами беседовать с Богом, не все быть детьми в вере и надежде, а надо показать и свой ум, отрыгнуть от сердца и свое слово благо, притом же к чужим словам как-то привыкаем и хладеем. И как приятен бывает Господу этот наш собственный лепет, исходящий прямо от верующего, любящего и благодарного сердца — пересказать нельзя: надобно только то сказать, что душа при своих словах к Богу трепещет радостью, вся разгорячается, оживляется, блаженствует. Несколько слов скажешь, а блаженства вкусишь столько, что не получишь его в такой мере от самых длинных и трогательных чужих молитв, по привычке и неискренно произносимых. [10, т. 1, с. 155].

***

Ты мечтаешь, что молишься, а ты давно оставил молитву: так называемая тобою молитва — это одни суетные звуки без значения для твоего сердца. Слова говоришь, а сердцем не сочувствуешь им; ты обманываешь Бога и себя. Молясь, непременно нужно внимать своему сердцу и словам молитв, чувствовать их истину и силу. [10, т. 2, с. 294].

***

Молясь, нужно так веровать в силу слов молитвы, чтобы не отделять самых слов от самого дела, выражаемого ими; нужно веровать, что за словом, как тень за телом, следует и дело, так как у Господа слово и дело нераздельны: ибо *Той рече, и быша; Той повеле, и создашася* (Пс. 148: 5). И ты так же веруй, что

ты сказал на молитве, о чем попросил, то и будет. Ты славословил — и Бог принял славословие, поблагодарил Господа — и Бог принял благодарение твое в воню благоухания духовного. То беда, что мы маловерны и отделяем слова от дела, как тело от души, как форму от содержания, как тень от тела, — бываем и на молитве, как в жизни *телесни, духа не имуще* (Иуд. 1: 19), оттого-то и бесплодны наши молитвы. [10, т. 1, с. 185].

***

Не пропускай случаев молиться за какого-либо человека по его прошению или по прошению об нем его родственников, друзей, почитателей или знакомых. Господь с благоволением призирает на молитву любви нашей и на дерзновение наше перед Ним. Кроме того, молитва за других весьма полезна и самому молящемуся за других; она очищает сердце, утверждает веру и надежду на Бога и возгревает любовь к Богу и ближнему. Молясь, говори: Господи! возможно Тебе сделать то и то рабу Твоему сему; сотвори ему это, ибо имя Тебе — благий Человеколюбец и Всемогущий. *Аще мы, лукави суще, умеем деяти даяния благая* не токмо чадам, но и чужим, *кольми паче Ты даси* всевозможные *блага просящим у Тебе* (Мф. 7: 11). [10, т. 1, с. 272–273].

***

О понуждении себя ко всякому добру. — *Царство Небесное*, сказано, *нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11: 12). Поэтому нужно постоянно принуждать себя к истине и добру; на молитве нужно во всякое мгновение принуждать себя выговаривать каждое слово с силою, истинно, от сердца; в случае же оплош-

ности, невнимания к своему сердцу, принуждения себя к искренности, молитва будет лицемерная, ложная, богопротивная; нужно убедительно для себя самого говорить слова молитвы. Когда убедительны для тебя самого будут молитвенные слова, тогда они будут убедительны и для Бога, а без убеждения себя не думай твоею молитвою убедить Бога даровать тебе какое-либо благо. Бог дает по сердцу нашему (Пс. 19: 5): чем больше искренности, сердечного жару в молитве, тем щедрее дар. [10, т. 2, с. 127].

***

Иногда в продолжительной молитве только несколько минут бывают истинно угодны Богу и составляют истинную молитву и истинное служение Богу. Главное в молитве — близость сердца к Богу, свидетельствуемая сладостью Божьего присутствия в душе. [10, т. 1, с. 38].

***

Не хочется тебе молиться за ненавидимого и презираемого тобою человека; но потому-то и молись, что не хочется, потому-то и прибегай к Врачу, что ты сам болен духовно, недугуя злобою и гордостью; болен и враг твой или презираемый тобою; молись о том, чтобы незлобивый Господь научил тебя незлобию и терпению, чтобы Он научил и укрепил тебя любить врагов, а не доброжелателей только, чтобы Он научил тебя искренно молиться за недоброжелателей так же, как за доброжелателей. [10, т. 1, с. 223].

***

Говорят: нет охоты, так не молись — лукавое мудрование плотское; не стань только молиться, так и

совсем отстанешь от молитвы; плоть того и хочет. *Царствие Небесное нудится* (Мф. 11: 12), без самопринуждения к добру не спасешься. [10, т. 1, с. 309].

***

Иной как будто молится Господу, а сам работает диаволу, гнездящемуся в сердце, потому что молится устами только, а сердце его холодно, не чувствует и не желает того, чего уста просят и что говорят, и *далече отстоит* (Ис. 29: 13) от Господа. Также есть много причастников, которые причащаются тела и крови Христовой не искренно, не с великою любовью, а только устами и чревом, с маловерием, холодностью, с сердцем, пристрастным к пище и питью, к деньгам или склонным к гордости, злобе, зависти, лености, и сердцем далече отстоят от Того, Кто весь есть любовь, святыня, совершенство, премудрость и доброта неизреченная. Таковым нужно глубже входить в себя, глубже каяться и глубокомысленнее размышлять о том, что есть молитва и что причащение. Хладность сердца к Богу, к молитве — от диавола; он есть хлад тартара, а мы, как чада Божии, возлюбим Господа горячайшею любовью. Даруй, Господи, ибо *без Тебя не можем творити ничесоже* (Ин. 15: 5). Ведь Ты — все для нас, а мы — ничто. Ты из небытия в бытие привел нас и всем снабдил. [10, т. 1, с. 381].

***

Приносит ли пользу невольная, наружная молитва? Нет; она противна Богу. То же разумей и об учении. Учение невольное, буквальное не приносит пользы. Как невольный молитвенник только слова перебирает, а силы их часто не понимает и не чувствует и не просвещает, не согревает, не оживотворя-

ет ими сердца своего, так и невольный ученик. Надо приучать добровольно учиться, надо учить размышлять о том, что говорят. [10, т. 2, с. 35]

***

Когда молишься Господу и испрашиваешь у Него для себя или других благ духовных, небесных, вещественных, земных, тогда для совершенной уверенности в получении просимого или вообще блага, благопотребнейшего для нас, по усмотрению премудрости и благости Божией, имей в уме и сердце следующие слова Спасителя: *просите и дастся вам, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вам: всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется. Или кто есть от вас человек, его же аще воспросит сын его хлеба, еда камень подаст ему? или аще рыбы просит, еда змию подаст ему? Аще убо вы лукави суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него* (Мф. 7: 7–11). [10, т. 2, с. 113]

***

О лицемерной молитве. — Думали ли фарисеи, что они лицемерно молятся? — Не думали; они считали себя правыми в самом лицемерии. Оно вошло у них в привычку, сделалось, так сказать, их природою, и они думали, что приносят службу Богу своею молитвою. Думают ли нынешние христиане-лицемеры, что они лицемерно молятся и лицемерно живут? — Не думают. Они молятся ежедневно, может быть долго, молятся по привычке, устами, а не сердцем, без сердечного сокрушения, без твердого желания исправления, чтобы только исполнить заведенное правило — и *мнят службу приносити Богу* (Ин. 16: 2), тогда как молитвою своею

они навлекают на себя только гнев Божий. Все мы больше или меньше грешны в том, что лицемерно молимся, и примем за это великое осуждение. Смиряйся, считая себя за траву, которая ничто пред вековыми дубами, или за колючее терние, которое ничтожно, малоценно пред великолепными благоуханными и нежными цветами, — ибо ты — трава, ты — колючее терние по причине своих страстей. [10, т. 2, с. 116].

***

Когда молишься, старайся молиться больше за всех, чем за себя одного, и во время молитвы живо представляй всех людей вместе с собою единым телом, а каждого в отдельности — членом Тела Христова и твоим собственным членом: *есмы друг другу удове* (Еф. 4: 25); молись за всех так, как молишься за себя, с такою же искренностью и теплотою; их немощи, болезни считай своими немощами и болезнями; их невежество духовное, их грехи и страсти — своим невежеством, своими грехами и страстями; их искушения, напасти и скорби многообразные — своими искушениями, напастями и скорбями. Такую молитву с великим благоговением принимает Отец Небесный — этот общий всех всеблагий Отец, у Него же *несть лицеприятия* (Рим. 2: 11), *ни тени перемены* (Иак. 1: 17), — эта Любовь, не имеющая пределов, все твари объемлющая и сохраняющая. [10, т. 2, с. 139].

***

Молитвою часто называют то, что вовсе не есть молитва: сходил в церковь, постоял, посмотрел на иконы, или прежде на людей, на их лица, наряды, — говорит: помолился Богу; постоял дома пред иконою, покивал головою, проговорил заученные слова без

понимания и сочувствия, — говорит: помолился Богу, хотя мыслями и сердцем вовсе не молился, а был где-либо в другом месте, с другими лицами и вещами, а не с Богом. [10, т. 2, с. 235].

***

Когда молишься, веруй твердо, что Господь присущ каждому слову молитвы, и о чем ни попросишь – Он есть исполнение, для тебя и для всякого другого, каждого прошения твоего. [10, т. 2, с. 246].

***

Хотя Бог знает наши нужды, но молитва нужна для очищения и просвещения нашей души. Хорошо стоять на солнце: и тепло, и светло, — так и на молитвах пред Богом — нашим духовным Солнцем: и согреваешься, и просвещаешься. [10, т. 2, с. 291].

***

Потому ты не получаешь от Бога просимого, что мерзости идолопоклонства не оставляешь: служения чреву. Бога истинного просишь, а богу — чреву работаешь. *Не может человек двема господинома работати* (Мф. 6: 24). Перестань служить идолу — чреву и тогда надейся получить просимое от Бога. Истинного Бога просишь, а ложному богу служишь. У него и проси, если может он дать. Или ты работаешь бесу лихоимства, и потому истинный Бог, тобою пренебреженный и оставляемый, не исполняет твоих молитв. Или же ты работаешь идолу гордости и тщеславия, и этот идол владеет твоим сердцем, как те идолы: и вот Господь не склоняется к мольбам идолопоклонствующего сердца. *Ты оставил Источника живых вод, Господа, а ископал себе кладенцы сокрушенные* (см. Иер. 2: 13);

ну, и пей из этих кладенцев — воду мертвую, темную, как *темна вода во облацех воздушных* (Пс. 17: 12). [10, т. 2, с. 293].

***

Учитесь молиться, принуждайте себя к молитве: сначала будет трудно, а потом чем более будете принуждать себя, тем легче будет; но сначала всегда нужно принуждать себя. [10, т. 2, с. 348].

***

Господь так милосерд, что не гнушается никогда нашею молитвою, но милостиво приемлет всякую и несовершенное в ней Сам исправляет, — только бы мы обращались к Нему искренно и не совсем забывали бы Его. [10, т. 2, с. 362].

О МИЛОСТЫНЕ

Ничтожна милостыня того человека, который подает ее не доброхотно, потому что милостыня вещественная не его, а Божий дар, ему же принадлежит только расположение сердечное. Поэтому многие милостыни окажутся почти суетными оттого, что они были подаваемы недоброхотно, с сожалением, с неуважением к лицу ближнего. Как и гостеприимцы многие окажутся суетными вследствие лицемерного, тщеславного обращения с своими гостями. С сердечным расположением да приносим жертвы свои на алтарь любви к ближнему: *доброхотна бо дателя любит Бог* (2 Кор. 9: 7). [10, т. 1, с. 211].

***

Благотвори бедному доброхотно, без мнительности, сомнения и мелочной пытливости, памятуя, что

ты в лице бедного благотворишь Самому Христу, по писанному: *понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25: 40). Знай, что милостыня твоя всегда ничтожна в сравнении с человеком, этим чадом Божиим; знай, что твоя милостыня есть земля и прах; знай, что с вещественною милостью непременно должна об руку следовать духовная: ласковое, братское с чистосердечною любовью обращение с ближним; не давай ему заметить, что ты одолжаешь его, не покажи гордого вида. *Подаваяй*, сказано, *в простоте, милуяй с добрым изволением* (Рим. 12: 8). Смотри же, не отнимай цены у своей милостыни вещественной чрез неоказание духовной. Знай, что Владыка на суде и добрые дела будет испытывать. Помни, что для человека небо и земля, ибо ему *соблюдается наследие нетленное на небесах* (1 Пет. 1: 4); для человека Бог Отец Сына Своего единородного не пощадил, но за него отдал на смерть. Диавол, по нашему лукавству, запинает нас в добрых делах наших. [10, т. 2, с. 163].

***

Милостыня хороша и спасительна, когда соединяется с исправлением сердца от гордости, злобы, зависти, праздности, лености, чревоугодия, блуда, лжи и обмана и прочих грехов. А если человек не заботится об исправлении сердца своего, надеясь на свою милостыню, то он мало получит пользы от нее, ибо что одною рукою созидает, то другою разрушает. [10, т. 1, с. 301].

***

Много практикующие врачи, получающие много денег с больных, должны для души своей подавать

щедрую милостыню, если верят, что у них есть бессмертная душа; богатые священники, получающие щедрое вознаграждение за свои труды молитвенные, также должны подавать богатую милостыню, да не осуждены будут с Иудою предателем, продавшим за сребреники Господа славы; купцы, получающие большие барыши, должны непременно упражняться в милостыне и в украшении и снабжении храмов Божиих; чиновники, получающие большое жалованье, не должны также считать своим исключительным достоянием щедрое вознаграждение за свои посильные труды и также помнить нищую братию свою, да примут награду от Господа и да очищают души свои. Все должны запасаться елеем милостыни и добрых дел, да не туне явятся пред Судиею в день страшного испытания, да не наги явятся на оном всемирном позорище. [10, т. 2, с. 69–70].

***

Благо во всех отношениях — подавать нищим: кроме помилования на Страшном суде, и здесь, на земле, милостынодавцы получают часто великие милости от ближних, и что другим достается за большие деньги, то им дают даром. В самом деле, человеколюбивейший, праведнейший и прещедрый Отец Небесный, чад Коего милуют милостивые, не наградит ли их и здесь, в поощрение их к большим делам или хотя к продолжению тех же дел милосердия и к исправлению немилостивых, посмевающихся милостивым? Наградит и достойно и праведно. [10, т. 2, с. 25].

***

Когда подаешь просящему, который не беден, здоров и, по-видимому, не заслуживает подаяния, — отче-

го сердце твое пожалеет для него поданной милостыни, — покайся в этом, ибо и нам божественная Любовь подает блага свои, тогда как мы имеем их и без того довольно. Любовь к ближнему должна так говорить в тебе: хотя он и имеет, но не худо, если я увеличу его благосостояние (а сказать правду, одна или две-три копейки не очень-то увеличат и поправят его благосостояние). Мне подает Бог, почему же мне не подать нуждающемуся? говорю: нуждающемуся, ибо кто станет протягивать руку без нужды? Если бы ты сам только по заслугам получал от Бога дары Его благости, то, быть может, должен был бы ходить нищим. К тебе Бог щедр не по заслугам, да и ты сам хочешь, чтобы Он был щедр. Как же ты не хочешь быть щедрым к братьям своим, имея избытки? [10, т. 2, с. 117].

***

Для чего Господь попустил быть нищим? для твоего блага, чтобы ты мог очистить и загладить грехи свои, ибо *милостыня очищает всякий грех* (Тов. 12: 9), чтобы стяжать тебе молитвенников за себя в лице их, чтобы милостивым к тебе сделать Господа твоего, ибо *милостивии помиловани будут* (Мф. 5: 7). [10, т. 1, с. 225].

***

Не на груды денег надейся, а на Бога, неусыпно пекущегося о всех и наипаче о разумных и словесных тварях Своих и, в особенности, о живущих благочестиво. Веруй, что не оскудеет рука Его наипаче для творящих милостыню, ибо человеку щедрее Бога не быть. Этому доказательством служит твоя собственная жизнь и жизнь всех прежде бывших людей, подававших милостыню. Да будет один Бог сокровищем сердца твоего; к Нему прилепись всецело, как создан-

ный по образу и подобию Его, и беги от тли земной, непрестанно тлящей души и тела наши. Поспешай к жизни непреходящей, к жизни, не стареющейся в бесконечные веки; влеки туда и всех, сколько есть сил. [10, т. 2, с. 198].

***

О нынешних благотворениях. — Ты полною мерою вкушаешь блага земные, подаешь нуждающимся, но себя ласкаешь больше, значит делаешь добрые дела без малейшего самоотвержения. Не велики дела твоих благотворений. А то что еще есть? Какие благотворения мнимые? С благотворительною целию делают увеселения, т.е. прежде всего хотят намеренно послужить своей греховной плоти, диаволу, а потом уже — ближнему и Богу. Да это, господа, вовсе не благотворение! Одно только имя благотворения носит. Не *сотворим злая, да приидут благая* (Рим. 3: 8). *Горе вам, насыщеннии ныне, яко взалчете! Горе вам, смеющимся ныне, яко возрыдаете и восплачете* (Лк. 6: 25). [10, т. 2, с. 113].

О ПОКАЯНИИ

Когда молишься о прощении грехов своих, укрепляйся всегда верою и упованием на милосердие Божие, готовое всегда прощать наши грехи по искренней молитве, и всячески бойся, как бы не запало в сердце отчаяние, выражающееся тяжелым унынием сердца и принужденными слезами. Что твои грехи против милосердия Божия, каковы бы они ни были, лишь бы только искренно ты каялся в них! А бывает часто, что человек молится и внутренне сердцем не надеется, что грехи его будут прощены, считая их как бы выше Божия милосердия. За то, действительно, и

не получает прощения, хотя и источники невольных слез прольет, и с скорбным, стесненным сердцем отходит от щедрого Бога, — того он и достоин: *веруйте, яко приемлете*, говорит Господь, и *будет вам* (Мк. 11: 24). Неуверенность в получении просимого у Бога — хула на Бога. [10, т. 1, с. 96–97].

***

Покаяние должно быть искреннее и совершенно свободное, а никак не вынужденное временем и обычаем или лицом исповедующим. Иначе это не будет покаяние. *Покайтеся*, сказано, *приближи ся бо Царствие Небесное* (Мф. 4: 17), приближися, то есть само пришло, не нужно долго искать его, оно ищет вас, вашего свободного расположения, то есть: сами раскаивайтесь с сердечным сокрушением. *Крещахуся* (сказано о крестившихся от Иоанна), *исповедающе грехи своя* (Мф. 3: 6), то есть: сами признавались в грехах своих. А так как молитва наша по преимуществу есть покаяние и прошение о прощении грехов, то и она должна быть непременно всегда искренняя и совершенно свободная, а не невольная, вынужденная обычаем и привычкою. Такою же должна быть молитва и тогда, когда бывает благодарением и славословием. Благодарность предполагает в душе облагодетельствованного полноту свободного, живого чувства, свободно переливающегося чрез уста: *от избытка сердца уста глаголют* (Мф. 12: 34). Славословие предполагает восторг удивления в человеке, созерцающем дела бесконечной благости, премудрости, всемогущества Божия в мире нравственном и вещественном и потому также естественно должно быть делом совершенно свободным и разумным. Вообще молитва должна быть свободным и вполне сознательным

излиянием души человека пред Богом. *Пред Господем изливаю душу мою* (молитва Анны, матери Самуила). [10, т. 1, с. 255].

***

Каяться — значит в сердце чувствовать ложь, безумие, виновность грехов своих, — значить сознавать, что оскорбили ими своего Творца, Господа, Отца и Благодетеля, бесконечно святого и бесконечно гнушающегося грехом, — значит, всею душою желать исправления и заглаждения их. [10, т. 1, с. 382].

***

Покаянию помогает сознание, память, воображение, чувство, воля. Как грешим всеми силами души, так и покаяние должно быть вседушевное. Покаяние только на словах, без намерения исправления и без чувства сокрушения, называется лицемерным. Сознание грехов затмевается, надо его прояснить; чувство заглушается, притупляется, надо его пробуждать; воля тупеет, обессиливает для исправления, надо ее принуждать: *Царство Небесное силою берется* (Мф. 11: 12). Исповедь должна быть сердечная, глубокая, полная. [10, т. 2, с. 15–16].

***

Кто привыкает давать отчет о своей жизни на исповеди здесь, тому не будет страшно давать ответ на Страшном суде Христовом. Да для того и установлено здесь кроткое судилище покаяния, чтобы нам, очищенным и исправившимся чрез здешнее покаяние, дать непостыдный ответ на Страшном суде Христовом. Это первое побуждение к искреннему покаянию и притом непременно ежегодному. Чем доль-

ше не каемся, тем хуже для нас самих, тем запутаннее узы греховные становятся, тем труднее, значит, давать отчет. Второе побуждение составляет спокойствие: тем спокойнее будет на душе, чем искреннее исповедь. Грехи — тайные змеи, грызущие сердце человека и все его существо; они не дают ему покоя, непрестанно сосут его сердце; грехи — колючее терние, бодущее непрестанно душу; грехи — духовная тьма. Кающиеся должны приносить плоды покаяния. [10, т. 2, с. 15].

***

Совершая таинство покаяния, чувствуешь и свое преокаяннейшее окаянство пред Богом и всю бедность, невежество, греховность природы человеческой. Крест, поистине крест — исповедь! О, каким должником пред своими духовными чадами чувствует себя священник на исповеди! поистине неоплатным должником, повинным небесной правде и заслуживающим тысячи огней геенских! Видишь и чувствуешь, что при глубоком невежестве людей, при неведении ими истин веры и грехов своих, при их окамененном нечувствии, духовнику надо крепко, крепко молиться за них и учить их днем и ночью, рано и поздно. О, какое невежество! Не знают Троицы, не знают, кто Христос, не знают, для чего живут на земле! А грехопадений-то? А мы ищем обогащения, покоя, не любим трудов, раздражаемся, когда их больше обыкновенного! Ищем пространного жилища, богатой одежды! Да не возлюбим земной покой, да не разленимся, не вознерадим о духовных делах своих и да не лишимся вечных благ и покоя небесного, ибо вкусившим в изобилии мирского покоя здесь какого ожидать там? [10, т. 2, с. 148–149].

***

К чему ведет пост и покаяние? Из-за чего труд? Ведет к очищению грехов, покою душевному, к соединению с Богом, к сыновству, к дерзновению пред Господом. Есть из-за чего попоститься и от всего сердца исповедаться. Награда будет неоценимая за труд добросовестный. У многих ли из нас есть чувство сыновней любви к Богу? Многие ли из нас со дерзновением, неосужденно смеют призывать Небесного Бога Отца и говорить: *Отче наш!*... Не напротив ли, в наших сердцах вовсе не слышится такой сыновний глас, заглушенный суетою мира сего или привязанностью к предметам и удовольствиям его? Не далек ли Отец Небесный от сердец наших? Не Богом ли мстителем должны представлять себе Его мы, удалившиеся от Него на страну далече? — Да, по грехам своим все мы достойны Его праведного гнева и наказания, и дивно, как Он так много долготерпит нам, как Он не посекает нас, как бесплодные смоковницы? Поспешим же умилостивить Его покаянием и слезами. Войдем сами в себя, со всею строгостью рассмотрим свое нечистое сердце и увидим, какое множество нечистот заграждают к нему доступ божественной благодати, сознаем, что мы мертвы духовно. [10, т. 1, с. 2].

***

Сказал Господу грехи с сокрушением сердца — и растаяли, вздохнул, пожалел о грехах — и нет их. *Глаголи беззакония твоя, да оправдишися.* Как приходят, так и уходят. Мечта — мечта и есть. Сознал, что они мечта, нелепость, безумие, возымел намерение впредь вести себя исправно — и Бог очистил их чрез Своего служителя и святые таинства. [10, т. 2, с. 227].

***

Аще семь раз падет, и семь раз покается, глаголя: каюся, — остави ему (см. Лк. 17: 4; Мф. 18: 21–22). Знает Владыка, как Сердцеведец, что люди склонны к весьма частым падениям, и падая, часто восстают, потому и дал заповедь — часто прощать грехопадения; и Сам первый исполняет Свое святое слово: — как только скажешь от всего сердца: каюся, — тотчас прощает. [10, т. 2, с. 352].

***

Надежда на Бога по содеянии грехов, какие бы они ни были, т. е. на примирение с Ним, после ссоры, в унынии, тоске, в страстях. Нигде, кажется, не выражается так ясно и сильно надежда грешника на прощение грехов и спасение, как в молитвах ко причащению и в канонах Иисусу Сладчайшему, Божией Матери, Ангелу хранителю и в канонах дневных. [10, т. 2, с. 354].

***

Если согрешишь в чем пред Богом (а мы грешим премного каждый день), тотчас же говори в сердце своем с верою в Господа, внимающего воплю твоего сердца, со смиренным сознанием и чувством своих грехов, псалом *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей*, и прочитай сердечно весь псалом; если не подействовал он один раз, сделай другой прием, только прочитай еще сердечнее, еще чувствительнее, и тогда тебе немедленно воссияет от Господа спасение и мир душе твоей. Так всегда сокрушайся: это верное, испытанное средство против грехов. Если же не получишь облегчения, вини себя самого; значит, ты молился без сокрушения, без смирения сердца, без твердого жела-

ния получить от Бога прощение грехов; значит, слабо уязвил тебя грех. [10, т. 2, с. 59–60].

О ПОСТЕ

Говорят: не важное дело есть скоромное в посте, не в пище пост; не важное дело носить дорогие, красивые наряды, ездить в театр, на вечера, в маскарады, заводить великолепную дорогую посуду, мебель, дорогой экипаж, лихих коней, собирать и копить деньги и проч.; но — из-за чего сердце наше отвращается от Бога, Источника жизни, из-за чего теряем вечную жизнь? Не из-за чревоугодия ли, не из-за драгоценных ли одежд, как евангельский богач, не из-за театров ли и маскарадов? Из-за чего мы делаемся жестокосердыми к бедным и даже к своим родственникам? — Не из-за пристрастия ли нашего к сластям, вообще к чреву, к одежде, к дорогой посуде, мебели, экипажу, к деньгам и проч.? *Возможно ли работать Богу и мамоне* (Мф. 6: 24), быть другом мира и другом Божиим, работать Христу и велиару? Невозможно. Из-за чего Адам и Ева потеряли рай, впали в грех и смерть? Не из-за яди ли единой? Присмотритесь хорошенько, из-за чего мы нерадим о спасении души своей, столь дорого стоившей Сыну Божию; из-за чего прилагаем грехи ко грехам, впадаем непрестанно в противление Богу, в жизнь суетную, не из-за пристрастия ли к земным вещам, и в особенности к сластям земным? из-за чего грубеет наше сердце? из-за чего мы делаемся плотью, а не духом, извращая свою нравственную природу, не из-за пристрастия ли к пище, питию и проч. земным благам? Как же после этого говорить, что есть скоромное в посте не важно? Это самое, что мы так говорим, есть гордость, суемудрие, непослушание, непокорность Богу и удаление от Него. [10, т. 2, с. 29–30].

***

Пост — хороший учитель: 1) он скоро дает понять всякому постящемуся, что всякому человеку нужно очень немного пищи и питья, и что вообще мы жадны и едим, пьем гораздо более надлежащего, т.е. того, чем сколько требует наша природа; 2) пост хорошо оказывает или обнаруживает все немощи нашей души, все ее слабости, недостатки, грехи и страсти, как начинающая очищаться мутная, стоячая вода показывает, какие водятся в ней гады или какого качества сор; 3) он показывает нам всю необходимость всем сердцем прибегать к Богу и у Него искать милости, помощи, спасения; 4) пост показывает все хитрости, коварство, всю злобу бесплотных духов, которым мы прежде, не ведая, работали, которых коварства, при озарении теперь нас светом благодати Божией, ясно показываются и которые теперь злобно преследуют нас за оставление их путей. [10, т. 2, с. 65].

***

Кто отвергает посты, тот забывает, от чего произошло грехопадение первых людей (от невоздержания) и какое оружие против греха и искусителя указал нам Спаситель, когда искушался в пустыне (постясь сорок дней и ночей), тот не знает или не хочет знать, что человек отпадает от Бога именно наичаще чрез невоздержание, как это было с жителями Содома и Гоморры и с современниками Ноя, — ибо от невоздержания происходит всякий грех в людях; кто отвергает посты, тот отнимает у себя и у других оружие против многострастной плоти своей и против диавола, сильных против нас особенно чрез наше невоздержание, тот и не воин Христов, ибо бросает оружие и отдается добровольно в

плен своей сластолюбивой и грехолюбивой плоти; тот наконец слеп и не видит отношения между причинами и последствиями дел. [10, т. 2, с. 87–88].

О ПРАВИЛЬНОМ УСТРОЕНИИ ДУШИ

Величайшее дарование Божие, в коем мы больше всего нуждаемся и которое получаем весьма часто от Бога вследствие нашей молитвы, есть сердечный мир, как говорит Спаситель: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11: 28). И радуйтесь и считайте себя богатыми, имеющими все, когда получили мир. [10, т. 1, с. 88].

***

Будь христианином в сердце, т. е. будь всегда искренен на молитве, в обращении с ближними, всегда верующий, уповающий, кроткий, незлобивый, ко всем доброжелательный, справедливый, нелюбостяжательный, сострадательный, милостивый, воздержный, целомудренный, терпеливый, покорный, мужественный. [10, т. 2, с. 13].

***

Что такое сердце чистое? Кроткое, смиренное, нелукавое, простое, доверчивое, нелживое, неподозрительное, незлобивое, доброе, некорыстное, независтливое, непрелюбодейное. [10, т. 1, с. 82].

***

Чаще приводи себе на память, что в тебе зло, а не в людях. Таким убеждением, совершенно истинным, предохранишь себя от многих грехов и страстей. Беда наша часто в том, что мы свое зло приписываем другому. [10, т. 2, с. 369].

***

Ты печешься о человеческом мнении, о человеческой славе: — примись деятельно за исцеление этого душевного недуга. Помышляй и ревнуй единственно о славе Божией. Вменяй в ничто человеческое бесчестие. Когда нужно почтить бедного, или необразованного и грубого отца, или такую же мать, или сродника, или друга, или знакомого пред знатными и образованными века сего, или стать за какую-либо истину в кругу глумящихся над истиною: имей тогда в виду единого Бога и заповеди Его да родителей, родственника, друга или знакомого и истину Божию и стой за почтение к ним твердо, без малодушия и стыда, не стыдясь нимало всех предстоящих и соседящих или совопросников. [10, т. 1, с. 391–392].

***

Дивное дело! Душа наша чувствует при столкновении с неверующим и хладным к Богу человеком отвращение к нему, а диавол старается обратить это справедливое нерасположение и негодование в злобу к нему. Чтобы не питать злобы и не служить диаволу, надо сказать самому себе: я не расположен и хладен к брату за его нерасположение и хладность к Богу, а не питаю в сердце своем ненависти и злобы к нему, ибо терплю его, как свой больной член, и хочу врачевать его с кротостью, наказуя противного, *еда како даст им* (ему) *Бог покаяние в разум истины* (Тим. 2: 25). Если он обратится к Богу, и я обращусь к нему сердечною любовью, если он будет сострадателен к другим, а не будет думать только о себе, о своих выгодах и удовольствиях, то и я буду ему сочувствовать. Впрочем, терпи любовью всякого и смотри более сам на себя: каков ты сам, не хладен ли к Богу и

ближнему? Если же так, то незачем бросать камень в брата, когда этот камень надо обратить на себя. [10, т. 2, с. 139–140].

***

Имей христианское благоискусство от сердца благословлять проклинающих тебя, да угодишь тем Христу твоему, рекшему: *благословите кленущия вы. Люби врагов своих* искренно, не обращая внимания на их вражду, но — на образ Божий, по коему они сотворены, видя в них себя самого. *Делай добро ненавидящим тебя*, как сын Отца Небесного, Который *благ есть на безблагодатныя и злыя*, веруя, что благим победишь злое; потому что добро всегда сильнее зла. *Молись за творящих тебе напасть*, да молитвою и их избавишь, если Бог благоволит, от лукавства, злобы и козней, и себя избавишь от напасти. *Просящему у тебе дай, и от взимающаго твоя, не истязуй* (Лк. 6: 27, 35), ибо все Божие, и Господь, если восхощет, может все отнять от тебя. Помни, что ты наг сам исшел из чрева матери своей, наг и отыдешь (Иов. 1: 21), и ничего с собою не возьмешь. Если так будешь жить, стяжешь себе бесценное сокровище мира и любви и долголетен будеши на земли: ибо *кротцыи*, сказано, *наследят землю* (Мф. 5: 5), *и насладятся о множестве мира* (Пс. 36: 11). [10, т. 1, с. 268].

***

Когда в глазах твоих люди впадают в различные грехи против тебя, против Господа, против ближних и против себя самих, — не озлобляйся на них, ибо и без тебя много злобы в мире, но жалей их от души и извиняй их, когда они обижают тебя, говоря сам себе: *Господи! отпусти им, ибо* их путает грех, *они не знают, что делают* (Лк. 23: 34). [10, т. 2, с. 63].

***

Мир есть целость, здравие души; потеря мира — потеря здравия душевного. [10, т. 1, с. 282].

***

Мысли человека имеют крайне сильное влияние на состояние и расположение его сердца и действий; потому, чтобы сердце было чисто, добро, покойно, а расположение воли доброе и благочестивое, надо очищать свои мысли молитвою, чтением Св. Писания и творений св. отцов, размышлением о тленности и скоропреходности и исчезновении земных удовольствий. [10, т. 2, с. 203].

***

Что есть милосердие? Милосердие есть любить врагов, благословлять проклинающих, добро творить ненавидящим, творящим нам напасть, изгоняющим нас, защищать гонимых и проч. [10, т. 1, с. 291].

***

Ставить свечи перед иконами хорошо. Но лучше, если приносишь в жертву Богу огнь любви к Нему и к ближнему. Хорошо, если вместе бывает то и другое. Если же ставишь свечи, а любви к Богу и ближнему в сердце не имеешь: скупишься, не мирно живешь, — то напрасна и жертва твоя Богу. [10, т. 2, с. 400].

***

Помышляй всегда, что ты окаянен, беден, нищ, слеп и наг душевно без Бога, что Бог для тебя — все: Он твоя правда, освящение, богатство, одеяние, твоя жизнь, твое дыхание, — все. [10, т. 1, с. 291].

***

Благоговей всеми силами души пред всеми таинствами и говори в себе о каждом таинстве пред совершением или причащением его: это — тайна Божия. Я только недостойный приставник ее или участник ее. — А то гордый разум наш и тайну Божию хочет исследовать, а если не может ее исследовать, то отвергает, как не подходящую под ничтожную мерку его разума. [10, т. 1, с. 282].

***

Совершенно нечем гордиться христианину, совершающему дела правды, ибо он и спасен, и постоянно спасается от всякого зла только чрез одну веру, равно как и творит дела правды тою же верою. *Благодатию бо есте спасени чрез веру, и сие* (и самая вера) *не от вас, Божий дар; не от дел, да никтоже похвалится* (Еф. 2: 8–9), чтобы никто ничем не гордился. [10, т. 1, с. 307–308].

***

Быть смиренным значит считать себя достойным за грехи всякого унижения, оскорбления, гонения, побоев; а быть кротким значит в незлобии сердца переносить неправды относительно нас, ругательства и пр. и молиться за врагов своих. [10, т. 2, с. 28].

***

Внимай: за очищение своего сердца от грехов ты получишь бесконечную награду — Бога узришь, всеблагого Создателя своего, Промыслителя своего. Труден подвиг очищать сердце, потому что соединен с большими лишениями и скорбями, зато награда велика. *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5: 8). [10, т. 2, с. 54].

***

Только верные рабы Христовы дают истинную цену воплощению Сына Божия и смотрению Бога Отца и всей Святой Троицы о спасении рода человеческого, только они истинно оценивают Пречистое Тело и Кровь Христову, а люди века сего живут как несмысленные животные, в печалях житейских и в чувственных удовольствиях, не дорожа ни воплощением Сына Божия, ни Его Пречистыми Тайнами. И так как избранные Божии ценят как должно дела Божии и любовь Божию бесконечную к миру прелюбодейному и грешному, то и Бог ценит их, и дивные дела соделывает чрез них; в них обитает Дух Святый, купно со Отцом и Сыном, и от чрева их текут реки воды живы; а знающие Бога идут пить к ним, как к источникам сладким. Будемте все рабами Христовыми. [10, т. 2, с. 194–195].

***

Не на слово разгордевшегося обращай внимание, но на силу. Часто слово, по видимому грубое, говорится вовсе не от грубости сердца, а так, по привычке. Что, если бы на наши слова обращали все люди строгое критическое внимание, без христианской любви, снисходительной, покрывающей, кроткой, терпеливой? Нам давно бы надо было умереть. [10, т. 1, с. 331].

***

Как мы иногда хулим Божество нечистым, мрачным и злобным состоянием своей души, — хулим Отца, Слово и Духа Всесвятого, Духа Утешителя, так, напротив, человек с благостным настроением души своей, способный утешать всех словом, сла-

вит тем Отца и Сына и Святого Духа Утешителя. *Яко возмощи нам утешити сущия во всякой скорби, утешением, имже утешаемся сами от Бога* (2 Кор. 1: 4). [10, т. 1, с. 253].

***

Береги всемерно свое сердце, или искренность сердечную, способность сочувствия ближним в их радостях и скорбях, и как яда смертельного беги холодности и равнодушия к разным бедам, напастям, болезням, нуждам людским: ибо в сочувствии, особенно в деятельном, выражается любовь и доброта христианина, а в любви — весь закон, и напротив, в бесчувствии выражается наше самолюбие, наша злоба, недоброжелательство и зависть. Так, молись за всех, за кого молиться велит Церковь, или сам добровольно молишься, как за себя, и не ослабевай в искренности, не теряй внутреннего уважения к лицу или к лицам, о коих молишься; не допускай погаснуть святому огню любви, затмиться свету твоему; не унывай от козней врага, подкапывающего сердце твое и усиливающегося поселить в сердце ко всем отвращение, вырвать из уст молитву о всех людях, которая есть лучшее доказательство евангельской любви к ближним. [10, т. 2, с. 207].

***

Прочувствованная нищета, плач о существовании зла, жажда спасения находятся во всякой душе прямой и смиренной. [10, т. 2, с. 356].

***

Любовь — Бог. Если Бога любишь, *Бог в тебе пребывает, и ты в Боге* (см. 1 Ин. 4: 16). Злоба — диавол.

На мгновение озлобишься на ближнего — и бес в тебе, зайдет иголкой и постарается сделаться в тебе горой, — так он расширяется и так он тяжел! Итак, люби постоянно Бога и ближнего. Не допускай до сердца своего злобы ни на мгновение, считая ее бесовскою мечтою. [10, т. 2, с. 356].

***

Когда кто-нибудь по доброте своей похвалит тебя каким-либо людям и они передадут тебе похвалы от своего ближнего, не считай их должною, справедливою себе данью, но отнеси их единственно к доброте сердца этого человека и помолись об нем, чтобы Господь утвердил его в благом сердце и во всякой добродетели, а себя признай величайшим грешником, не по смиренномудрию только, а по самому существу дела, как хорошо знающий свои худые дела. [10, т. 2, с. 378].

***

Некоторые поставляют все свое благополучие и исправность пред Богом в вычитывании всех положенных молитв, не обращая внимания на готовность сердца для Бога, на внутреннее исправление свое; например, многие так вычитывают правило к причащению. Между тем здесь прежде всего надо смотреть на исправление и готовность сердца к принятию Святых Таин; если сердце право стало во утробе твоей, по милости Божией, если оно готово встретить Жениха, то и слава Богу, хотя и не успел ты вычитать всех молитв. *Царство Божие не в словеси, а в силе* (1 Кор. 4: 20). Хорошо послушание во всем Матери Церкви, но с благоразумием и, если возможно, *могий вместити* – продолжительную молитву — *да вместит*. Но *не вси вмещают словесе сего* (Мф. 19: 11); если же продол-

жительная молитва несовместима с горячностью духа, лучше сотворить краткую, но горячую молитву. Припомни, что одно слово мытаря, от горячего сердца сказанное, оправдало его. Бог смотрит не на множество слов, а на расположение сердца. Главное дело — живая вера сердца и теплота раскаяния во грехах. [10, т. 2, с. 416].

***

Любовь христианская лучше предпочитает терпеть все внешние неудобства жизни, тесноту, отсутствие чистого воздуха, убытки, нежели из-за внешних этих и подобных неудобств допускать нетерпение, огорчение, раздражение, озлобление, ропот на стесняющих нас по нужде или по капризу характера, или по желанию пожить на чужой счет, на чужое спокойствие. Любовь все терпит и все переносит с ущербом для себя, для своей материальной и телесной жизни: ибо где любовь, там благодать Божия и всякое добро, там спокойствие, там довольство. Христианин претерпевает все, только бы не лишиться благодати Божией, которая для него величайшее из благ. [10, т. 2, с. 91–92].

***

Не малодушествуй, не унывай, когда ненавидят тебя человеки за обличение путей их, но паче радуйся, помня слова Спасителя: *блажени будете, егда возненавидят вас человецы* (Лк. 6: 22). [10, т. 1, с. 295].

***

Будь умерен во всех религиозных делах, ибо и добродетель в меру, соответственно своим силам, обстоятельствам времени, места, трудам предшествовавшим, есть благоразумие. Хорошо, напр., молиться

от чистого сердца, но коль скоро нет соответствия молитвы с силами (энергиею), различными обстоятельствами, местом и временем, с предшествовавшим трудом, то она уже будет не добродетель. Потому апостол Петр говорит: *покажите в добродетели разум* (т.е. не увлекайтесь одним сердцем), *в разуме же воздержание, в воздержании терпение* (2 Пет. 1: 5–6). [10, т. 2, с. 421].

***

Не будьте беспощадными судиями людей, работающих Богу и впадающих в жизни в противоречие самим себе, т. е. своему благочестию; их поставляет в противоречие самим себе диавол, злой сопротивник их; он сильно хватается зубами своими за их сердце, нудит их делать противное. [10, т. 1, с. 217].

***

Иногда люди младшие тебя или равные, или старшие, дают тебе намеком наставления, которых ты не терпишь, досадуя на своих учителей. Надо терпеть и с любовью выслушивать все полезное от кого бы то ни было. Самолюбие наше скрывает от нас наши недостатки, а другим они виднее: они и замечают нам. Помни, *что мы друг другу удове* (Еф. 4: 25) и обязаны взаимно исправлять друг друга. Если ты не терпишь наставления и досадуешь на наставника, значит — ты горд, значит — в тебе действительно есть тот недостаток, от которого намекают тебе исправиться. [10, т. 2, с. 405–406].

***

Совесть каждого человека — это луч света от единого, всех просвещающего духовного Солнца — Бога.

Чрез совесть Господь Бог державствует над всеми, как Царь Праведный и Всемогущий. И как могущественна Его держава чрез совесть! Никто не силен совершенно заглушить ее голоса! Она говорит без лицеприятия всем и каждому, как глас Самого Бога! Чрез совесть мы все у Бога, как один человек, потому и Десятословие обращено как бы к одному человеку: *Аз есмь Господь Бог твой, да не будут тебе... Не сотвори кумира... Не приемли... Помни день субботный... Чти отца и матерь; не убий; не прелюбы сотвори; не укради; не лжесвидетельствуй; не пожелай...* (Исх. 20: 1–17). Или: *возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и... ближняго своего яко сам себе* (Мрк. 12: 30–31), потому что «он» совершенно то же, что «я». [10, т. 1, с. 118–119].

***

Следи за каждым движением сердца; смотри, угодно ли оно Троице и не есть ли оно, напротив, движение твоего ветхого страстного человека. [10, т. 2, с. 390].

***

Всякая ложная мысль в самой себе носит доказательство своей ложности. Это доказательство — смертельность ее для сердца; *мудрование плотское смерть есть* (Рим. 8: 6). Равно всякая истинная мысль заключает в себе самой доказательство своей истины. Это доказательство — животворность ее для сердца; *мудрование духовное — живот и мир* (там же), говорит апостол. [10, т. 1, с. 104].

***

Не бойся толков и насмешек о себе людских. Это диавольская боязнь, а помышляй, что речет о те-

бе Господь Бог, что рекут о тебе Ангелы и святые. [10, т. 2, с. 401].

О СВЯЩЕНСТВЕ

Какие должны быть чистые, духовные уста у священника, столь часто произносящие всесвятое Имя Отца и Сына и Святого Духа! Еще более — как духовно, чисто должно быть сердце, чтобы вмещать и ощущать в себе сладость этого пречестного, великолепного и достопоклоняемого имени! О, как должен священник удаляться от плотских наслаждений, да не соделается плотию, в которой не пребывает Дух Божий! [10, т. 1, с. 296].

***

До плотских ли наслаждений священнику, когда ему надобно неотменно наслаждаться единым Господом, да даст Он ему прошения сердца его? До плотских ли наслаждений, когда у него так много духовных чад, предъявляющих ему свои многоразличные духовные или телесные немощи, в которых нужно им душевно сочувствовать, подавать искренние и здравые советы, когда ему каждый день предстоит подвиг от всего сердца и со слезами молиться об них пред Владыкою, да не набежит на них и не расхитит их мысленный волк, да даст им Господь преуспеяние жития и веры и разума духовного! До наслаждений ли плотских священнику, когда ему надо часто совершать службы в храме и предстоять престолу Господню, когда ему так часто надо совершать Божественную пречудную литургию и быть совершителем и причастником небесных, бессмертных и животворящих Таин, когда ему вообще так часто приходится совершать другие таинства и мо-

литвослосия! Сердце, любящее плотские удовольствия, не верно Господу. *Не можете Богу работати и мамоне* (Мф. 6: 24). [10, т. 1, с. 296].

***

Аз же точию свидетель есмь, да свидетельствую пред Ним вся, елико речете ми (слова духовника духовному чаду). Священники на Страшном суде будут свидетелями пред Спасителем о покаявшихся грешниках, что они раскаялись или не раскаялись в тех или других грехах, и покаявшиеся будут прощены. Но для чего Богу свидетели, когда Он все знает Сам, как сказано: *не требоваше, да кто свидетельствует о человецех: Сам бо ведяше, что бе в человеце* (Ин. 2: 25)? Богу не нужны, но нам они нужны; нам приятно будет видеть, как священники засвидетельствуют об нас, пред Ангелами и человеками, что мы покаялись в грехах своих, осуждали себя, выражали отвращение ко греху, принимали твердое намерение не грешить. Вспомним слова Спасителя апостолам: *вы будете ведени к царем и владыкам во свидетельство им* (Мк. 13: 9), или: *проповедано будет Евангелие всем языком во свидетельство им* (Мф. 24: 14). [10, т. 1, с. 325].

***

Священник, как врач душ, сам должен быть свободен от душевных недугов, т. е. от страстей, чтобы врачевать других; как пастырь, должен сам быть упасен на пажитях злачных, евангельских и святоотеческих, чтобы знать, где пасти словесных овец; сам должен быть искусен в борьбе с мысленными волками, чтобы уметь прогонять их от стада Христова; должен быть искусен и силен в молитве, воздержании; не должен быть связан житейскими похотями и сластями, осо-

бенно любостяжанием, славолюбием, гордостью; словом, — должен быть сам светом, чтобы просвещать других, солью духовною, чтобы предохранять других от душевного растления, и сам быть свободным от растления страстей. В противном случае ему всякий больной духовно может сказать: *врачу, исцелися сам* (Лк. 4: 23) наперед, а потом я дам тебе лечить себя. *Лицемере, изми первее бревно из очесе твоего, и тогда прозриши изъяти сучец из очесе моего* (Мф. 7: 5). [10, т. 2, с. 12].

***

Как иерей, молись наипаче о очищении, просвещении, освящении и обновлении людей Божиих и о своем обновлении, ибо хотя ты часто пиешь Кровь Завета нового и вкушаешь животворящую Плоть Агнца Божия, могущего тебя скоро переродить и обновить, однако же, по твоему нерадению, ты доселе не переродился и не обновился, будучи предан в глубине сердца тем же страстям, которые были в тебе и прежде. Приноси же Богу пламенную молитву о обновлении своем и людей Его. Это приятнейшая Богу жертва. Приноси с верою, упованием крепким, любовью нелицемерною: ибо Тому, Кто пришел из ризы ветхой сделать новую и влить вино новое в мехи ветхие, молитва о обновлении есть благовонный фимиам и содействие Владычним намерениям о возрождении рода человеческого, обветшавшего грехом. [10, т. 2, с. 27].

***

Крестное знамение священника или архиерея есть выражение благословения или благоволения Божия человеку во Христе и ради Христа. Какой

радостный, знаменательный, драгоценный обряд! Блаженны все, с верою приемлющие сие благословение! Как должны быть внимательны священники при подании благословения верным! *Возложите имя Мое на сыны Израилевы: и Аз, Господь, благословлю я* (их) (Чис. 6: 27). [10, т. 2, с. 68].

***

Отверзая другим дверь в Царствие Небесное чрез крещение, сами ужели не войдем? Очищая других покаянием и разрешая грехи чужие, ужели не получим оставления своих грехов? Соединяя других со Христом в таинстве причащения, ужели сами не соединимся с Ним приискренне *в невечернем дни Царствия Христова*? Подавая в миропомазании укрепляющую и возвращающую благодать Духа Святого, ужели сами не получим крепости и силы от Всесвятого Духа и не возрастим дарования своего духа? Воистину твердо надеемся получить обетованная благая по благодати, щедротам и человеколюбию Спаса нашего Бога. Дай Бог и всем получить их! Только да не разленимся, не уныем, *не будем творить плоти угодия в похоти* (Рим. 13: 14), да храним *таинство веры в чистой совести* (1 Тим. 3: 9) и да преуспеваем в любви к Богу и ближнему. [10, т. 2, с. 134].

***

Священник, как Ангел Господа Вседержителя, должен быть выше всех страстей и возмущений духа, всех пристрастий мирских или суетных страхов, наводимых от бесов; он должен быть весь в Боге, Его одного любить и бояться. Боязнь человеческая означает, что он не прилепился к Богу всецело. [10, т. 2, с. 175].

О СВОБОДЕ

Увы! многих соблазняет дар свободы, данный человеку от Бога, и возможность человека быть добрым и злым, а по падении в грех — удобопреклонность человека более ко злу, чем к добру. Винят Творца и говорят: зачем нас Бог сотворил такими, почему не сотворил нас так, чтобы мы не могли падать и делать зло? А иные относят повреждение человека грехом к несовершенству природы, обходя Бога в мыслях своих и признавая мир весь, со всеми его явлениями и предметами, каким-то безличным, несамостоятельным, несвободным существом, коего они — части. Вот что делает удаление от Церкви! Вот в какое невежество вы впадаете, суемудренные! Между тем дети у нас знают ясно, отчетливо, твердо то, чего вы не знаете. Вы вините Творца; да виноват ли Он в том, что вы, по невнимательности к гласу Его, по злонравию своему и неблагодарности своей, употребили во зло величайший дар Его благости, премудрости и всемогущества, — разумею свободу, которая есть неотъемлемая черта образа Божия! Не тем ли больше Его надо признать благим, что Он дал этот дар, не поколебавшись неблагодарностью получивших дар, чтобы яснее солнца светила всем благость Его? И не доказал ли Он самым делом безмерной любви Своей и бесконечной премудрости Своей в даровании нам свободы, когда, по падении нашем в грех и удалении от Него и духовной погибели, Он послал в мир Сына Своего единородного, *в подобии образа тленна человека* (Рим. 1: 23), и отдал Его на страдания и смерть за нас? Кто после этого станет винить Творца в том, что Он даровал нам свободу! *Да будет убо Бог истинен, всяк же человек ложь* (Рим. 3: 4). Спасайся каждый, борись, побеждай, но не высокомудрствуй и не обвиняй Творца в неблагости и немудрости; не хули Бога Всеблагого. Возвышайся в любви; восходи выше и выше по ступеням совершенства духовного, коего

без свободы нельзя было бы достигать. *Будьте совершени, якоже Отец Небесный совершен есть* (Мф. 5: 48). [10, т. 1, с. 99–100].

***

Плотской человек свободу христианскую считает неволею, например: хождение к Богослужению, посты, говение, исповедание, причащение, все таинства, а не знает того, что все это есть требование его природы, необходимость для его духа. [10, т. 1, с. 205].

***

Как смотреть на дары ума, чувства и свободы? Надо умом познавать Бога из дел Его творения, откровения, промышления, из судеб человеческих. Сердцем чувствовать любовь Божию, мир Его пренебесный, сладость Его любви, любить ближнего, сочувствовать ему в радости и в скорби, в здоровом и в болезненном состоянии, в бедности и в богатстве, в знатности и в низкой доле (унижении); свободу употреблять как средство, как орудие, на то, чтобы сделать сколь можно больше добра, и на усовершенствование себя во всякой добродетели, чтобы принести Богу плод сторичный. [10, т. 1, с. 335–336].

О СКОРБЯХ

Ты хочешь постигнуть непостижимое; но можешь ли понять, как постигают тебя внутренние, убивающие душу твои скорби, и найти средства — вне Господа — как их прогонять? Узнай же сердцем, как освобождаться тебе от скорбей, как соделывать покойным сердце свое, и тогда, если нужно, мудрствуй о непостижимом. *Аще ни мала чесо можете, что о прочих печетеся?* (Лк. 12: 26). [10, т. 1, с. 9].

***

Когда Господь поразит тебя сильною скорбью, или болезнью, или бедою, тогда будь благонадежен, что Он верно пошлет тебе и отраду и соответственно твоим страданиям подаст тебе потом благодать мира, силы и радости. Ибо *щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив. Не до конца прогневается... не по беззаконием нашим сотворил есть нам, ниже по грехом нашим воздал есть нам* (Пс. 102: 8–10). [10, т. 1, с. 197].

***

Никогда так не трудно сказать от сердца: *да будет, Отче, воля Твоя*, как в сильной скорби или в тяжкой болезни, особенно при неправдах от людей, при наваждениях или кознях врага. Трудно от сердца сказать: *да будет воля Твоя* — и тогда, когда мы сами сделались виновниками какого-либо несчастия, ибо, думаем мы, это не Божия, а наша воля поставила нас в такое положение, хотя ничто не бывает без воли Божией. Вообще трудно поверить сердечно, что воля Божия есть страдание наше, когда сердце знает и по вере и по опыту, что Бог есть блаженство наше, а потому трудно и говорить в несчастии: *да будет воля Твоя*. Мы думаем, неужели это воля Божия? Отчего же Бог нас мучит? Отчего другие покойны и счастливы? Что мы сделали? Будет ли конец нашей муки? и т. д. Но когда растленной природе нашей трудно бывает признать над собою волю Божию, без коей ничто не бывает, и покориться ей со смирением, тогда-то пусть она и покорится ей, тогда-то пусть и принесет Господу свою драгоценнейшую жертву – преданность Ему сердечную не только в покое и счастье, но и в скорби и несчастии; свое суетное, ошибочное мудрование да покорит премудрости Божией совершенной, ибо как отстоит небо от земли, так отстоят помышления наши от мысли Божией (Ис. 55: 8–9). — Да

принесет всякий человек своего Исаака, своего единородного, своего возлюбленного, своего обетованного (коему обещаны покой и блаженство, а не скорбь) в жертву Богу и да покажет Ему свою веру и свое послушание, да будет достоин даров Божиих, коими он пользовался или будет пользоваться. [10, т. 1, с. 203–204].

***

В болезни и вообще в немощи телесной, равно как и в скорби, человек поначалу не может гореть к Богу верою и любовью, потому что в скорби и болезни — сердце болит, а вера и любовь требует здравого сердца, покойного сердца, поэтому и не надо очень скорбеть о том, что в болезни и скорби мы не можем, как бы следовало, веровать в Бога, любить Его и усердно молиться Ему. Всему время. Иногда и молиться не благоприятное время. [10, т. 1, с. 318].

***

Скорби — великий учитель; скорби показывают нам наши слабости, страсти, нужду в покаянии; скорби очищают душу, вытрезвляют ее, как от пьянства, низводят благодать в душу, смягчают сердце, внушают отвращение к греху, утверждают в вере, уповании и добродетели. [10, т. 2, с. 226].

***

В самые скорбные, безотрадные минуты Господь с нами. *С ним есмь в скорби* (Пс. 90: 15). А мы думаем, что нет, что Бог оставил нас. О, несказанная держава Бога нашего над сердцами нашими! Мать не может совершенно привлечь нашего сердца в любовь свою, а Господь привлекает Святыми Тайнами и молитвою. [10, т. 2, с. 365–366].

О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Задача нашей жизни — соединиться с Богом, а грех совершенно препятствует этому; поэтому бегайте греха, как страшного врага, как убийцы души, потому что без Бога — смерть, не жизнь. Поймем же свое назначение, будем помнить непрестанно, что общий Владыка зовет нас к соединению с Собою. [10, т. 1, с. 29].

***

Всякий да памятует постоянно, что он Божий душою и телом и во всех нуждах душевных и телесных зависит во всякое мгновение своего бытия от Бога, а потому к Нему да обращается всякий раз, когда чувствует в чем-либо нужду (души и тела), когда, например, стесняется его бытие душевное или телесное, т.е. когда поражают его скорби (болезни душевные) или страсти (болезни телесные), тогда, когда ему угрожают стихии своим непостоянством (огонь, вода, воздух, буря), когда он предпринимает что-либо делать. Да помнит он тогда Единого Содетеля, все из небытия создавшего и тварям Своим даровавшего разнообразные силы — делать многие и различные дела. [10, т. 1, с. 88].

***

Что такое жизнь наша? Горение свечи: стоит лишь дунуть Тому, Кто ее дал, — и она потухла. Что такое жизнь наша? Шествие путника: дошел до известного предела — ему отворяются врата, он покидает странническую одежду свою (тело) и посох и входит в дом свой. Что такое жизнь наша? Продолжительная, кровопролитная война за обладание истинным отечеством и за истинную свободу. Кончилась война — вы победитель или побежденный, вас отзывают из места борьбы к месту воздаяния, и вы получаете от Мздовоздателя

или награду вечную, славу вечную, или наказание вечное, посрамление вечное. [10, т. 2, с. 196].

***

Цель нашей жизни — соединение с Богом: в этой жизни — в вере, надежде и любви, а в будущей — в любви всесовершенной. Посмотрите, как враг и мы сами искажаем здесь эту цель. Мы соединяемся сердцем с разными предметами, по различию наших страстных привязанностей. Иногда — о, ужас! — наша любовь обращается к сребру, к пище, питию, одежде, дому, убранству, к подобным нам людям — до забвения Бога. Иногда мы гордимся, завидуем, ненавидим, лжем — и тогда мы соединяемся прямо с самим диаволом, который есть олицетворенная злоба, ложь, гордость, зависть, — и как мы оскорбляем своего Владыку, Который сотворил нас по образу Своему и по подобию, как не искажаем этого богописанного и с Самого Бога писанного образа! Но мы слишком мало об этом думаем, слишком несведущи в том, что касается существенного для нас дела — соединения с Богом! [10, т. 2, с. 270].

***

В чем жизнь христианина? Чтобы не иметь ничего и иметь Христа в сердце, или чтобы, имея земные блага, не привязываться к ним нимало и всем сердцем прилепляться ко Христу. [10, т. 2, с. 292].

О СПАСЕНИИ

Как удобно и скоро может спасать нас Господь! Мгновенно, неожиданно, неприметно. Часто днем я бывал великим грешником, а вечером после молитвы отходил на покой оправданным и паче снега убелен-

ным благодатью Святого Духа, с глубочайшим миром и услаждением на сердце! Как легко Господу спасти нас и в вечер нашей жизни, при закате дней наших! О, спаси, спаси, спаси меня, преблагий Господи, приими мя во царствие Твое Небесное! Все возможно Тебе. *Своему Господеви стоим или падаем, станем же: силен бо есть Бог поставити нас* (см. Рим. 14: 4). [10, т. 1, с. 39].

***

О оставлении согрешений других молись так, как молишься об оставлении своих согрешений, когда они, поражая скорбью и теснотою душу твою, побуждают тебя с болезнованием, сокрушением сердца и со слезами умолять Бога о помиловании; равно и о спасении других молись так, как о своем собственном. Если достигнешь этого и обратишь это в навык, то получишь от Господа обилие даров духовных, даров Духа Святого, Который любит душу, сочувствующую спасению других, потому что Сам Он, Всесвятый Дух, всячески хочет спасти всех нас, только бы мы не противились Ему, не ожесточали сердец своих. *Сам Дух ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанными* (Рим. 8: 26). [10, т. 1, с. 45].

***

Хорошо праздник проведешь, во славу Божию и во спасение души, если будешь упраздняться от страстей: злобы, гордости, любостяжания, зависти, скупости, невоздержания, лености и рассеянности, нерадения о душе и угождении Богу и будешь упражняться в противоположных этим грехам добродетелях и в прочих добрых делах. Праздновать не Богу, а сатане будешь, если будешь в праздник увлекаться своими страстями и пороками. Хорошо проведешь воскресный день,

если душой воскреснешь для Бога, оставив беззаконные дела, если возродишься, обновишься благодатью. Но худо, бесплодно проведешь воскресенье, если не воскреснешь сам духовно, если не отымешь от сердца своего злобу, свое любостяжание, свое пристрастие к вещам земным, и не уязвишься в душе любовью небесною, любовью Божией, любовью горнего отечества и той, не стареющейся жизнью, которую предызображает воскресный день — день Солнца правды. [10, т. 1, с. 334].

***

Смотря на многоразличные развлечения людей, на исключительные попечения о плоти, думаешь: есть ли в людях душа? А если есть, то почему они не заботятся, не думают о ее спасении, ибо она предана бесчисленным грехам, которые составляют смерть ее, и смерть вечную? Есть ли вечная мука и вечное блаженство? А если есть, то отчего так мало стараются или вовсе нет старания избежать вечного мучения и наследовать вечное блаженство? Вот что меня удивляет. И еще: отчего людей не страшит страшный час смерти? Ведь не вечно же будем жить на земле. Когда-нибудь и до нас очередь дойдет, и нам скажут: обратитесь и вы, сыны человеческие, в персть, из которой созданы. О, рассеянность наша, гордость наша, пристрастие, пригвождение к земле! Грешники, думаете ли, что Богу нечем наказать вас? О, есть чем, есть чем! Это геенна огненная, озеро огненное, которого и сам сатана трепещет, червь не умирающий и скрежет зубов. Но что я обращаю речь только к вам! И себе, и себе я должен сказать то же: ибо я первый из грешников, которым уготованы были муки ада, но от которых спас меня Христос, на Которого вся моя надежда.

А у вас, братия мои, у всех ли есть вера во Христа, в Его Евангелие? Где у вас жизнь евангельская? Кто из вас хотя читает ежедневно Евангелие, этот величайший дар Бога и закон жизни? *Вси уклонишася, вкупе непотребни быша, несть творяй благостыню, несть до единаго* (Рим. 3: 12; см. Пс. 13: 3). [10, т. 2, с. 10–11].

***

Ты не можешь без благодатной помощи победить ни одной страсти, ни одного греха, — проси же всегда помощи у Христа Спасителя своего. Он для того и пришел в мир, для того пострадал, умер и воскрес, чтобы во всем помогать нам, чтобы спасать нас от греха и от насилия страстей, чтобы очищать грехи наши, чтобы подавать нам в Духе Святом силу к деланию добрых дел, чтобы просвещать нас, укреплять нас, умиротворять нас. Говоришь: как спастись, когда на каждом шагу грех стоит и на всякую минуту грешишь? На это ответ простой: на всяком шагу, на всякую минуту призывай Спасителя, помни о Спасителе, и спасешься и других спасешь. [10, т. 2, с. 49].

О СТРАСТЯХ

Замечай за собою — за своими страстями, особенно в домашнем быту, где они свободно проглядывают, как кроты в безопасном месте; вне дома одни наши страсти обыкновенно прикрываются другими страстями, более благовидными, а там нет возможности выгнать этих черных кротов, подкапывающих целость нашей души. [10, т. 1, с. 49].

***

Человек, страстям подверженный, что тебе нужно? Жизнь, говоришь ты. Из-за чего ты хлопочешь?

Из-за жизни. Но живешь ли ты истинною жизнью? Разум и опыт заставляют сказать, что нет. Итак, что же составляет твою жизнь? Вера, надежда и любовь — разум и опыт говорят мне. Жизнь души нашей — Бог, живая вера в Него и любовь к Нему, любовь к подобным мне людям — они покой и широта моего сердца, без них я мученик греха, раб, невольник страстей; в скорби и тесноте проходит жизнь моя. [10, т. 1, с. 74].

***

Страсти по духовному устроению заразительны; например: злоба, еще не высказанная на словах, не выраженная на деле, а скрывающаяся лишь в сердце и отражающаяся слегка на лице и в глазах, уже передается душе того, на которого я имею злобу, и другим приметна; возмущаюсь я страстью, мое возмущение касается и сердца другого, делается какой-то духовный перелив нечистого потока из одного духовного вместилища в другое. Уничтожишь в себе страсть к брату, уничтожится и в нем; успокоишься сам, успокоится и он. Какая тесная связь между душами! Верно слово апостола: *мы есмы друг другу удове* (Еф. 4: 25) — члены, или *едино тело есмы мнози* (1 Кор. 10: 17). *От единыя крови весь род человеческий* (Деян. 17: 26). Потому-то божественная заповедь требует: *возлюбиши искренняго твоего, яко сам себе* (Мф. 22: 39). На взаимном чувстве или понимании наших душ друг друга основывается действие или бездействие проповеднических слов: если проповедник говорит не от сердца, лицемерно, слушатели внутренним чутьем понимают несоответствие слов проповедника с его сердцем, с его жизнью, и слово не имеет той силы, которую оно могло бы принести в том случае, ког-

да проповедник произнес бы его сердечно, особенно когда сам исполнял бы слово свое на деле. Между душами человеческими находится слишком тесная внутренняя связь и сообщение. Потому-то добрые, благочестивые, сердечные расположения сообщительны душам других, особенно же добрые дела. [10, т. 1, с. 144–145].

***

Люди в продолжение всей земной жизни всего ищут, кроме Христа Жизнодавца, — оттого и не имеют жизни духовной, оттого и преданы всяким страстям: безверию, маловерию, корыстолюбию, зависти, ненависти, честолюбию, удовольствиям пищи и пития. Только при конце всей жизни ищут Христа — в причащении, и то по вопиющей необходимости, и то как бы по принятому другими обычаю. О, Христе Боже, Животе и Воскресение наше! до чего мы осуетились, до чего мы ослепли! А что было бы с нами, если бы искали Тебя, если бы мы имели Тебя в сердце своем? Язык не может изречь того блаженства, которое вкушают имеющие Тебя в сердцах своих. Ты для них и пища крепкая, и питие неисчерпаемое, и одежда светлая, и солнце, и *мир, превосходяй всяк ум* (Флп. 4: 7), и веселие неизреченное, и все, и все. С Тобою все земное прах, тлен. [10, т. 1, с. 311].

***

Всякая скорбь и теснота происходят от маловерия или от какой-либо страсти, кроющейся внутри, или от другой какой-нибудь нечистоты, зримой Всевидящим, и, значит, от того, что в сердце диавол, а Христа нет в сердце. Христос — покой, свобода души и свет неизреченный. [10, т. 1, с. 313].

***

Все любим жизнь, хлопочем о счастливой жизни, а у самих жизнь тлеет в страстях. Отчего? Оттого, что не там, где надо, ищем жизни. [10, т. 1, с. 344].

***

Страсти, как жестокие погонщики, так и подгоняют нас, ежедневно понуждая, по нашей страстности к земным вещам, делать противное Господу и нашему истинному благу и угодное сатане льстивому. [10, т. 2, с. 182].

О ТАИНСТВЕ ПРИЧАЩЕНИЯ

Везде прославило меня Имя Твое, Господи: и у трона царей, и у всех важных и сильных мира сего, и у богатых и небогатых, образованных и простых людей: всюду принесло оно и приносит непрестанно отраду, мир, избавление, спасение, исцеление, здравие, утешение, облегчение, победу над кознями вражиими. Столь чудно Имя Твое, Господи! Как чудно, державно, властно, сильно влечет всех ко мне, убогому, благодать Твоя, во мне живущая и пребывающая чрез частое причащение Св. Тайн Твоих, пречистых Тела и Крови. [10, т. 2, с. 10].

***

Как в Иисусе Христе обитает *вся полнота Божества телесно* (Кол. 2: 9), так и в животворящих Тайнах Тела и Крови Его. В малом человеческом теле — вся полнота бесконечного, невместимого Божества, и в малом агнце, или хлебе, в каждой малейшей частице его — вся божественная полнота. Слава всемогуществу и благости Твоей, Господи [10, т. 1, с. 124–125].

***

С верою несомненною причащаясь Животворящих Таин, я осязательным образом поучаюсь вездесущию Христову. Каким образом? Вот каким: в каждой частице тела и в каждой капле крови я принимаю Всецелого Христа и, таким образом, вижу сердечными очами, что Он в одно и то же время весь во всех частицах и каплях, сколько бы их ни было, до бесконечности. Так же точно Господь весь во всяком храме, в Св. Тайнах и в каждой самомалейшей частице, а как храмы православные находятся по всей земле, то Господь не только Божеством, но и душою и телом Своим присутствует по всей земле, везде сообщаясь верующим весь нераздельно и производя в них сладостные плоды: очищение грехов, освящение душ и телес христианских, праведность, мир и радость о Дусе Святе, соединяя всех с Собою, со Отцом и Святым Своим Духом. Знаем, кроме того, что Он и чрез усердную молитву вселяется в души верующих со Отцом Своим и Духом Святым. Будучи присущ всему вещественному миру и разом оживляя его весь и каждую часть его порознь, Господь тем более присущ людям и особенно христианам, живет в них: *Или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть, разве точию чим неискусна есте* (2 Кор. 13: 5)? *Не весте ли, яко телеса ваша храм живущаго в вас Святаго Духа* (1 Кор. 6: 19)? [10, т. 1, с. 126–127].

***

Иногда только лишь насладишься Господом, а враг вскоре же после того или сам или чрез людей нанесет тебе крайнюю скорбь. Таков удел работающих в этой жизни Господу. Например, ты упокоился и возвеселился у Чаши Господней, и иногда тотчас после службы встре-

чает тебя огненное искушение, с ним и скорбь; даже у самой Чаши враг делает тебе козни и смущает тебя разными помыслами, и не хочешь, да борись, и хотел бы долго, долго опочить с Господом, да враги не дают. Пока в нас страсти будут действовать, пока ветхий человек в нас будет жить и не умрет, до тех пор нам придется много скорбеть от различных искушений в жизни, от борьбы ветхого человека с новым. [10, т. 1, с. 160].

***

Тело и Кровь Христовы по преимуществу суть тело и кровь, потому что в каждой самомалейшей частице Тела и Крови почивает весь Христос Бог, все части исполняяй. Не так это в теле человеческом. В Теле и Крови Христовой каждая частичка, капелька, есть Христос всецелый, никогдаже разделяемый, един и Тот же. [10, т. 1, с. 291].

***

Если Христос в тебе чрез частое причащение Св. Таин, то будь весь, как Христос: кроток, смирен, долготерпелив, любвеобилен, беспристрастен к земному, горняя мудрствующий, послушлив, разумен; имей в себе непременно Дух Его; не будь горд, нетерпелив, пристрастен к земному, скуп и сребролюбив. Литургия есть вечеря, трапеза любви Божией к роду человеческому. Около Агнца Божия все собираются на дискосе — живые и умершие, святые и грешные. Церковь торжествующая и воинствующая. [10, т. 1, с. 294].

***

Какое величие христианина и наипаче христианского священника: он — едино со Христом и Спасителем Богом (чрез Св. Тайны)! [10, т. 1, с. 356].

***

Как достойно, с верою и любовью, примешь ты Тело Христово, когда ты презираешь члены Его или не милосердуешь о них? Христиане — члены Христовы, особенно бедные. Люби Его члены, окажи им милость, и Владыка окажет Свою богатую милость и тебе. А может ли быть какая другая милость богаче той, которую Спаситель наш подает нам в причастии самого Пречистого Тела и самой Пречистой Крови Его? [10, т. 2, с. 160].

***

Святые Тайны называются Божественными Дарами, потому что подаются нам Господом совершенно туне, даром, незаслуженно с нашей стороны; вместо того чтобы нас наказывать за бесчисленные наши беззакония, совершаемые каждый день, час, минуту, и предавать нас смерти духовной, Господь в Святых Тайнах подает нам прощение и очищение грехов, освящение, мир душевных сил, исцеление и здравие души и тела и всякое благо, единственно только по вере нашей. Если же Владыка даром ежедневно подает нам для вкушения Себя Самого Свои Божественные Тайны, то не должны ли мы неотложно давать туне, даром, тленные блага: деньги, пищу, питие, одежду — тем, которые просят их у нас? И как можем мы негодовать на тех, которые даром едят хлеб наш, когда мы сами вкушаем даром бесценное и бессмертное брашно Тело и Крови Господней? *От взимающаго твоя не истязуй* (Лк. 6: 30). [10, т. 2, с. 167].

***

Господь Бог поделился, так сказать, Своею бесконечною жизнью с нами: мы все обожены Его

Пречистою Плотью и Кровью, соединенными с Божеством. *Аз рех: бози есте и сынове Вышняго вси* (Пс. 81: 6). (Отче наш, Иже еси на небесех). Не должны ли и мы делиться, по Его воле, тем, что служит к поддержанию нашей души и тела: своим умом, своими познаниями, своею вещественною собственностью, с ближними нашими, тогда как Сам же Он обещал нам не оскудение, а приумножение вверенных нам и возвращаемых нами талантов? *В нюже меру мерите возмерится вам* (Мф. 7: 2). Если Бог принял нас в общение Божества, в общение Своей Плоти и Крови, то и мы должны иметь все общее, без потворства праздности и тунеядству, т.е. богатые должны помогать бедным, по возможности подавать милостыню, принимать странных, посещать больных, утешать печальных, наставлять невежд, вразумлять заблуждающихся, прощать обиды, памятуя, что мы все Христовы. И за всех и за все Христос воздаст. *Взалкахся, и дасте Ми ясти...* (Мф. 25: 35) и проч. [10, т. 2, с. 212].

***

Кто приходит к Св. Чаше с какою-либо страстью на сердце, тот Иуда и приходит льстивно лобызать Сына Человеческого. [10, т. 2, с. 314].

О ХРАМЕ

В храме особенно совершается тайна очищения грехов. Благоговей же к месту, где совершается очищение твоих душевных скверн, где ты примиряешься с Богом, где получаешь истинную жизнь духа. Сколько раз Господь подавал мне здесь очищение грехов моих, без которого я не мог бы наслаждаться дарами Божиими: величайшим даром жизни, дарами мира и радости и благами вещественными! Слава

Тебе, Иисусе, Сыне Божий! *Ты очищение о гресех наших, не о наших же точию, но и о всего мира!* (1 Ин. 2: 2). [10, т. 1, с. 76].

***

Поистине храм есть земное небо, ибо где престол Божий, где страшные Тайны совершаются, где Ангелы служат с человеками, где непрестанное славословие Вседержителя, там истинно небо и небо небесе. Итак, да входим в храм Божий, наипаче во Святое Святых, со страхом Божиим, с чистым сердцем, отложив страсти и все житейское попечение, и да стоим в нем с верою, благоговением, разумно, внимательно, с любовью и миром в сердце, да исходим обновленными, как бы небесными, да живем во святыне, свойственной небу, не связуясь житейскими похотями и сластями. [10, т. 2, с. 65].

О ЧЕЛОВЕКЕ

Совесть в людях есть не что иное, как глас ходящего в сердцах человеческих Бога вездесущего. Как все создавший и един Сый, Господь, знает всех, как Себя, — все мысли, желания, намерения, слова и дела людей настоящие, прошедшие и будущие. Как бы я ни забежал вперед своими мыслями, своим воображением, Он там прежде меня, и я всегда, неизбежно в Нем совершаю свой бег, всегда имею Его свидетелем путей моих. *Очи* Его *отверсты на вся пути сынов человеческих* (Иер. 32: 19). *Камо пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего камо бежу* (Пс. 138: 7)? [10, т. 1, с. 118].

***

Дивное создание человек! Смотри: в сотворенном из земли заключено Божие дыхание, личное,

самостоятельное — образ Самого Бога. Сколько премудрости, красоты в устройстве телесной скинии человека, сколько премудрости, любви, словом — богоподобие показывает в жизни сам человек — этот властелин земли, как сказано: *сотворим по образу Нашему и да обладает... всею землею*! (Быт. 1: 26). Но чтобы не гордился человек, смотри, что бывает с тобою, когда то, что в тебе по образу Божию, выйдет из тела, как из храма своего? Тебя как будто и совсем не будет, ты исчезнешь для этого мира; храм твоего духа теряет всю свою доброту и благолепие, делается землею и повергается *в землю, от нея же взят* (Быт. 3: 19), смешиваясь совершенно с нею, как часть ее. Дивное создание Божие человек! Дивно вселил Господь в прах образ Свой — бессмертный дух. Но подивись, христианин, еще больше премудрости, всемогуществу и благости Творца: хлеб и вино Он прелагает и претворяет в самое Пречистое Тело и Пречистую Кровь Свою и вселяет в них Самого Себя, Дух Свой пречистый и животворящий, так что Тело и Кровь Его бывают вместе Дух и Живот. И для чего это? Для того, чтобы тебя грешного очищать от грехов и освящать и освященного соединять с Собою и соединенного обожить, облаженствовать и обессмертить. О, чудеса благости, премудрости и всемогущества Спасовых! [10, т. 1, с. 147].

***

Благородного и возвышенного духа тот человек, который благостно и щедро рассыпает всем свои дары и радуется, что он имеет случай сделать добро и удовольствие всякому, не думая о вознаграждении за то. Благородного и возвышенного духа тот человек, который никогда не зазнается с часто посещающим его

и пользующимся его щедротами человеком, не пренебрегает им ни в каком отношении, не унижает его ни на одну ступень в мыслях своих, но всегда считает его таким, каким считал при первой встрече с ним, или и гораздо выше. А то мы обыкновенно зазнаемся с тем, кто стал наш, как и с тем, что стало наше, и, привыкши к нему или к тому, скоро, так сказать, насыщаемся им и ни во что вменяем: человека часто ставим ниже любимой нами вещи или любимого животного. [10, т. 1, с. 155].

***

Человек умерший есть существо живое: *Бог несть Бог мертвых, но живых, вси бо Тому живи суть* (Лк. 20: 38). Душа его невидимо витает у тела и в местах, где любила пребывать. Ежели она умерла во грехах, то не может помочь себе избавиться от уз их и крепко нуждается в молитвах живых людей, особенно Церкви — святейшей Невесты Христовой. Итак будем молиться за умерших искренно. Это великое благодеяние им, больше, чем благодеяние живым. [10, т. 1, с. 189–190].

***

Чем более человек ведет духовную жизнь, тем более он одухотворяется: он начинает видеть во всем Бога, во всем проявление Его силы и могущества; всегда и везде видит себя пребывающим в Боге и от Бога во всем самомалейшем зависящим. Но чем более плотской образ жизни ведет человек, тем он более делается весь плотяным: он ни в чем не видит Бога, в самых чудесных проявлениях Его божественной силы, — во всем видит плоть, материю, и везде и во всякое время — *несть Бога пред очами его* (Пс. 35: 2). [10, т. 1, с. 192].

***

У человека плотского вся его жизнь, все его занятия имеют плотское направление и плотскую цель: молитва — плотская, учение и обучение других — плотское; писание или сочинение — плотское; в жизни на каждом шагу, в каждом почти слове проглядывает плотская жизнь. Особенно сильное проявление имеет плотская жизнь в чреве человека: тут седалище плотского человека. По мере того, как человек благодатью Божьею отлагает жизнь плотскую, он начинает попирать чрево свое, изменяет пищу свою, перестает жить для ненасытного чрева; в его сердце воцаряется малопомалу вера, надежда и любовь. Вместо пищи и пития, одежды, богатства — Бог, душа, вечная жизнь, вечная мука занимают его мысли и воображение; вместо любви к деньгам, пище, питью, одежде, роскоши в жилище и его обстановке — любовь к Богу, к людям, к небесному сожительству с Ангелами и святыми; — вместо пищи и пития — также алкание и прилежное чтение и слушание слова Божия и божественной службы. Прежде враги ему были те, которые препятствовали его внешнему благосостоянию, ныне он равнодушно перенесет лишения; прежде он спал много и во сне находил удовольствие, теперь он спит мало и лишает себя намеренно сладкого сна; прежде он всячески покоил плоть, теперь озлобляет ее, да не сильно воюет на дух. [10, т. 1, с. 201–202].

***

Встречаются у людей уродливые сердца! При совершении таинств они дышат неверием и бесчувствием, нравственным бессилием, недугуют смехом или смущением и бесовским страхом! При болезнях ближних также поражаются бесчувствием и даже

злорадством диавольским, признавая брата как бы за лишнюю на свете вещь и внутренне помышляя: вот теперь-то мне будет просторнее, если умрет он, — не думая, что и каждый человек сам, может быть, завтра умрет, и не сострадая сердцем страждущему, как своему члену. [10, т. 1, с. 208].

***

Дерзкий к человеку дерзок бывает и к Богу, каковы многие из нас. Уважай в человеке величественный, бесценный образ Божий и долготерпи погрешностям и заблуждениям человека падшего, да и твоим Господь потерпит, — потому что враг Бога и рода человеческого, не в состоянии будучи излить злобы своей на Бога, усиливается излить ее на образ Его — на человека, равно как все свои нечистоты, свою тьму, свою гордыню, зависть и проч. выместить на нем. Уважай же человека, спасай его; береги и себя, не раздражайся, не озлобляйся, не завидуй, не обижай, не лги, не любодействуй, не кради и проч. [10, т. 2, с. 9].

***

Не смешивай человека — этот образ Божий — со злом, которое в нем, потому что зло есть только случайное его несчастие, болезнь, мечта бесовская, но существо его — образ Божий — все-таки в нем остается. [10, т. 2, с. 59].

***

Всякий человек на земле болен горячкою греховною, слепотою греховною, одержим бешенством греха; а как грех наипаче состоит в злобе и гордости, то со всяким человеком, как страдающим болезнью греха, надо обходиться с кроткою любовью — важная истина, ко-

торую мы часто забываем; мы часто, очень часто действуем вопреки ей: к злобе подбавляем злобы своим озлоблением, гордости делаем отпор гордостью же. Так у нас и растет зло, а не уменьшается; не врачуется, а более заражается. Господи, помилуй нас, помилуй человечество! [10, т. 2, с. 100].

***

Высокое существо — человек, чудное создание Божие, по образу Его сотворенное! Если в состоянии падения он способен ко многим удивительным делам, которые он произвел и производит, как мы постоянно видим это и в истории и в современном нам мире, то к чему он способен в состоянии святости и совершенства? Но более всего в нем заслуживает внимания, удивления, благоговения, благодарности всесердечной то, что он может уподобляться своему Создателю — Богу, что он предназначен к бессмертию, к вечному блаженству в Боге и с Богом, что он некогда просветится, как солнце, в Царствии Отца своего Небесного! Господь, предвидя эту славу верных избранных Своих, говорит: *тогда*, во Втором пришествии, *праведницы просветятся яко солнце в Царствии Отца их* (Мф. 13: 43). [10, т. 2, с. 107–108].

***

В сердце моем я могу заключать и Бога и людей верою и любовью, молитвою веры и любви. Как глубоко и пространно сердце человека! Как человек велик! [10, т. 2, с. 123].

***

Мы привыкли к делам Божиим и мало их ценим; даже человека — величайшее дело и чудо премудро-

сти и благости Божией — далеко не ценим так, как бы следовало. Смотри на всякого человека, домашний он или чужой, как на всегдашнюю новость в мире Божием, как на величайшее чудо Божией премудрости и благости, и привычка твоя к нему да не послужит для тебя поводом к пренебрежению его. Почитай и люби его, как себя, постоянно, неизменно. [10, т. 1, с. 249].

***

Уважай себя как образ Божий; помни, что этот образ — духовный, и ревнуй об исполнении заповедей Божиих, восстановляющих в тебе подобие Божие. Крайне остерегайся нарушать малейшую заповедь Божию, это нарушение разрушает в нас подобие Божие и приближает нас к подобию диавола. Чем больше будешь нарушать заповеди Божии, тем больше будешь уподобляться диаволу. [10, т. 2, с. 366].

***

Плотской человек не понимает духовного блаженства, происходящего от молитвы и добродетели, и не может разуметь хотя сколько-нибудь, что за блаженство будет в том веке. Он ничего не знает выше земного, плотского блаженства и будущие блага считает за мечту воображения. Но духовный по опыту знает блаженство души добродетельной и заранее предвкушает сердцем будущее блаженство. [10, т. 1, с. 192].

***

Людей покрывает тьма неведения о Боге, о себе самих и о врагах своего спасения, которые потому легко обкрадывают мысленный дом души нашей, его мысленное богатство. [10, т. 1, с. 94].

ОТРЫВКИ ИЗ ПРОПОВЕДЕЙ ВЕЛИКОПОСТНОГО КРУГА

Гордость и смиренномудрие: Слово в Неделю о мытаре и фарисее

Фарисеи и мытари не по имени, а по делам есть и теперь. Страсть превозношения и самохвальства господствует и ныне в сынах падшего Адама. Побеседуем по призыву матери нашей Церкви о том, как пагубна эта страсть, и о побуждениях к смирению. Откуда у нас страсть превозношения и самохвальства? Оттуда же, откуда произошли все грехи наши: от первого прародительского греха. Человек создан был с тем, чтобы он любил Бога как виновника своего бытия больше всего, чтобы взирал на Его совершенства и подражал им, свято исполняя Его волю. Но он полюбил больше себя, а не Бога, захотел совершенства Его присвоить себе, пожелал быть сам столь же великим, как Бог, захотел быть самозаконником, подвергся самолюбию и гордости и — пал. Таким образом, гордость есть вражда против Бога и презорство относительно ближних. Может ли Бог с благоволением взирать на тварь, которая надмевается какими-то собственными совершенствами и не находит себе равного в них, как будто у нас есть что-нибудь свое? Как страсть, гордость, естественно есть болезнь нашей души, заразившая ее в минуты падения первых людей...

Мы знаем, что люди пали не сами собою, а по искушению от диавола. Нужно ли распространяться о том, что гордость или самохвальство, соединенное с унижением других, есть болезнь нашей души? Чтобы увериться в этом, надобно только взглянуть на человека гордого — оком святой веры. Что такое человек в на-

стоящем его положении? Человек падший, разбитый, весь в ранах... Если бы такой человек стал утверждать, что он совершенно здоров и не чувствует никакой боли, что бы мы сказали бы об нем? Не сказали ли бы мы, что он слишком болен и близок к смерти: потому что в его теле уже нет чувствительности, обнаруживающей в нем присутствие жизненных сил. Это же, непременно, это же, мы должны сказать и о человеке гордом...

Истинное совершенство, истинная добродетель скромна: она любит скрываться в тайне и никак не дерзает приписывать сама себе своих совершенств, тем более унижать других. Ты говоришь о себе, что ты добр, милосерд ко всем, усерден к вере и святой Церкви, изнуряешь постом плоть свою. Прекрасно. Но кто провозгласил тебя добрым, милосердным, усердным к Церкви и ее святым уставам? Бог? Ангел? Или ты сам оценил свою добродетель? А как мы можем оценивать свои дела? Как станем взвешивать их? Какую меру примем при этом? Знаем ли хорошо свое сердце нечистое, которое всегда или, по крайней мере, большею частью принимает большое участие при совершении добрых дел? Не входят ли в наши добродетельные расчеты самолюбие или другие неблаговидные побуждения? Как иногда легко укрывается от нашего собственного сознания недоброе побуждение, которое было причиною доброго дела. Яд греха глубоко проникает в нашу душу, и он, незаметно для нас самих, отравляет едва ли не все наши добродетели. Ни лучше ли почаще и попристальнее всматриваться в себя и замечать в глубине своей души свои недостатки, чтобы исправлять их, а не выставлять на вид свои совершенства? Да и зачем их выставлять на вид, оценивать самим, когда есть самый беспристрастный ценитель их на небе — Господь Бог, Который имея воздать

каждому мзду по делам (ср. Иер. 17: 10; Апок. 22: 12), конечно знает, как оценить наши дела. Предоставим же Ему судить о наших добродетелях, а сами в страхе Божием, без превозношения, будем содевать свое спасение (ср. Флп. 2: 12).

Не превозноситься должны мы перед другими, а смиряться. И сколько побуждений к смирению для каждого из нас! Человек ничего своего не имеет: все у него Божие — и душа, и тело, и все что у него есть, кроме греха. Всякое доброе дело также от Бога. Чем же он может похвалиться? Что же имаши, человек, егоже неси приял? Аще же и приял еси, что хвалишься яко не прием? (ср. 1 Кор. 4: 7)...

Господи! Без Тебя мы не можем творити ничесоже (ср. Ин. 15: 5). Дай Ты нам это смиренномудрие мытаря и изгони из нас всякий помысел гордости фарисейской. Да памятуем мы всегда, что мы все Твои, со всем, что мы имеем и что видим вокруг себя, и нам нечем, совершенно нечем похвалиться. Аминь. [10, т. 1, с. 36–42].

Воротись!: Слово в Неделю о блудном сыне

Нужно ли говорить, что упоминаемый в Святом Евангелии блудный сын изображает нас грешных? Точно, наши способности: ум, воля и сердце, наше тело с его здоровьем, с его премудрым, прекрасным устройством; наши звания, в какие кто призван, наше богатство, все наше благосостояние, даже клочек земли, на котором мы живем, — все это — доставшееся нам по разделу имение Отца Небесного, Который единственно по Своей благости, незаслуженно с нашей стороны, выделил каждому из нас часть благ из Своей богатой сокровищницы и дал нам волю идти на

все четыре стороны. Редко кто из нас остается со своим имением под отеческою кровлею; многие, взявши свою часть, уходят от Всеблагого Отца на сторону далече – в мир грешный — и живут там распутно в плену страстей, пока, наконец, жестокость и явная гибельность их не убедят их вернуться к Отцу своему.

Да, наши страсти, наши грехи — сущие тираны для нас. Побеседуем об этом. Господь Бог наш есть существо совершеннейшее, так что до полного представления Его совершенств мысль наша и возвыситься никогда не может. Так как Он всесовершен, то по тому самому Он вседоволен и всеблажен. Всесовершенный и Вечноблаженный Бог создал и нас не с тем, чтобы нас кто-нибудь мучил и тиранил, а с тем, чтобы нам было вечно хорошо, чтобы мы вечно блаженствовали; но так как блаженствовать может только тот, кто старается быть совершенным и святым, подобно Богу, то Творец и одарил нас свободною волею и заповедал нам быть святыми, как Он свят: *святи будите, яко Аз свят есмь Господь Бог ваш* (Лев. 19: 2; ср. 1 Пет. 1: 16). Старайся подражать Ему в святости своим умом, волею и чуством; познавай Его совершенства, люби Его и в Нем всех людей, делай дела Божии: и ты будешь блажен. Если не будешь стараться знать Его, любить Его и делать то, что Он заповедал, ты будешь несчастным грешником, всегдашним пленником, мучеником страстей; потому что блаженство в Боге и от Бога; вне Его не может быть блаженства: там только тираническое владычество страстей. Что, кажется, за труд человеку знать и любить Бога от всей души и от всего сердца своего! Пусть бы душа его была от Бога какое-нибудь чуждое творение, а то она – Его творение, дыхание уст Его, образ Его; как же не любить ей своего Творца, своего Благодетеля присно-

го и вечного, всецело, нераздельно!

Наше тело — дело Его премудрого ума, Его зиждительных рук, наше знание, богатство, все что у нас есть, кроме греха, — Его собственность; как не знать и не любить от всей души такого Благодетеля, *Который дает* нам *живот и дыхание и вся*; Которым *мы живем, движемся и существуем* (Деян. 17: 25, 28)! Как не любить вместе с Ним, как собратов, как чад одного и того же Отца, ближних наших! Надобно бы, кажется, по справедливости удивляться, как мы знаем и любим что-нибудь другое, кроме Него! Как мы можем удаляться от Него — Источника живота и блаженства, как можем враждовать противу закона и уставов Его, делать что-небудь неугодное Ему! Однако же мы любим многое другое, кроме Него, делаем не то, что Ему угодно, и удаляемся от Него. [10, т. 1, с. 43–45].

Последний Суд: Слово в неделю о Страшном Суде

Емуже лопата в руце Его, и отребит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, плевелы же сожжет огнем негасающим.
(Мф. 3: 12).

В нынешний воскресный день Церковь с величайшим благоговением и умилением воспоминает имеющий быть в конце мира Страшный Суд Христов. Картина этого Суда приводит в трепет не только искренних христиан и святых, добре подвиг жития совершивших, но и всех Ангелов, свидетелей нашей жизни. Откроется пред взорами все несравненное, страшное величие Самого Творца и Господа Спасителя

рода человеческого, пред Которым солнце, как тьма, — и невиданные величие и слава Ангелов небесных, которые подвигнутся со своим Господом на всемирный Суд; все человечество явится нагим и открытым и пред собою и пред взорами всех; каждый увидит себя таким, каким он был и есть; и каждый предстанет с написанной книгой своей совести, в которой ни одна иота не утаится. Все помышления, слова и дела обличается, как ясный день; прекословию или оправданию не будет места. Произнесется последний приговор Праведного Судии на всю вечность — для одних всерадостный, для других страшный и повергающий в безотрадное отчаяние. Суд этот, в ясных словах упомянутый во многих местах Ветхого и Нового Завета, особенного Нового, по неложным словам Самого Господа, пророков, Предтечи и апостолов, требуется и по законам самого разума человеческого, которому врожденна способность все обсуждать, взвешивать, оценивать, обо всем произносить суждение; требуется нашею совестью, которой дана тонкая врожденная способность различать добро и зло и побуждение — следовать всему доброму, истинному, честному, высокому, святому — и удаляться злого, лживого, бесчестного, низкого, греховного.

Страшный Суд есть последнее, окончательное, грозное проявление, с одной стороны — правды и милости к праведным и покаявшимся, а с другой — праведного, страшного нестерпимого гнева Божия к неверным и нераскаянным грешникам, во зло употребившим все дары Его благости и милости, все долготерпение Его. О Страшном последнем Суде пророчествовал и седьмой от Адама, Енох, говоря: *се, придет Господь во тмах святых Ангел Своих, сотворити суд о всех и изобличи-*

ти всех нечестивых о всех делех нечестия их, имиже нечествоваша, и о всех жестоких словесех их, яже глаголаша нань грешницы нечестивии (Иуд. 1: 14–15).

Святой царь и пророк Давид во многих псалмах пророчествует о Последнем Суде Божием праведном: *яко грядет судити земли: судити вселенней в правду, и людем истиною Своею* (Пс. 95: 13). Христианские народы будут судимы по Евангелию, насколько они были верны и послушны или не верны и не послушны ему, а неверные и язычники — по закону совести. *Елицы бо беззаконно согрешиша, беззаконно и погибнут; и елицы в законе согрешиша, законом суд примут* (Рим. 2: 12)...

Множество христиан живет по-языčески, и хуже язычников: таковы пьяницы, прелюбодеи, лихоимцы, богачи, собирающие только себе, а не в Бога богатеющие; гордые презрители ближних, одержимые завистью, духом непокорности, своеволия, которые кажутся мудрыми себе и пред собою разумными (см. Рим. 11: 15; 12: 16). Все таковые, если не раскаются и не исправятся, осуждены будут в муку вечную. Таким образом, Суд Страшный будет окончательным проявлением правды и милости Божией к верным и благопокорным и — проявлением страшного гнева Божия к неверным и противникам Божиим и поругателям Его праведных судов: *или о богатстве благости Его и кротости и долготерпении нерадиши, не ведый, яко благость Божия на покаяние тя ведет? По жестокости же твоей и непокаянному сердцу, собираеши себе гнев в день гнева и откровения праведного суда Божия* (Рим. 2: 4–5).

Поспешим же, братия и сестры, на покаяние и будем тщательно готовиться ко дню Страшного Суда Божия, суда окончательного, решающего судьбу нашу

на всю вечность. Аминь. [10, т. 1, с. 52–55].

В преддверии поста: Слово в Неделю сыропустную

Аще бо отпущаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный.
(Мф. 6: 14).

Нынешнее воскресенье называется в православном народе русском Прощеным воскресеньем от доброго и благочестивого обычая прощаться друг с другом, то есть просить прощения друг у друга перед Великим Постом и говением. А обычай этот вошел в силу от повеления Спасителя, заповедующего нам в нынешнем Евангелии прощать согрешения друг другу, если желаем, чтобы и нам простил грехи Отец Небесный, Которого мы без числа огорчаем и прогневляем всякий день и час.

Поелику с завтрашнего дня наступает Великий Пост, и мы все, по христианскому обычаю, собираемся сбросить с себя тяжкое бремя грехов, и так как это свержение требует некоторого самоотвержения с нашей стороны и некоторого благоискусства, то Господь и научает нас, что именно требуется от нас самих, чтобы грехи наши были нам прощены все, без остатка, — или чем мы должны поступиться со своей стороны, так как Господь Бог со Своей стороны всегда готов миловать и спасать кающихся грешников: именно, Он говорит, что от нас требуется простота и непамятозлобие, безгневие, забвение обид, дружелюбие, любовь к врагам. Спасение твое в твоих руках, в твоей власти, человек. Будешь прощать другим обиды, погрешности, докуки, попрошайничество, — и тебе прощены будут твои грехи, и ты со своими докуками и частыми прошениями у Бога не отойдешь никогда от Него

тощ и будешь сподобляться от Него великих и богатых милостей. Ты простишь немногие грехи ближнему, сравнительно с твоими грехами пред Богом, а тебе Бог простит бесчисленные прегрешения; ты простишь сто динариев, а тебе Господь простит тьму талантов.

Но какое злопамятство часто обладает людьми! Тогда как Господь требует от нас немногого — прощения и забвения обид ближних, — которые как капли в море, в сравнении с нашими грехами пред Богом, и требует для нашей же пользы и желая нас же приучить к кротости, незлобию, терпению, смиренномудрию, братолюбию, снисходительности, миролюбию, — мы выходим из себя, предъявляем свои права, нарушенные ближними, возжигаем в себе и ближнем пламя вражды, и, таким образом, безумно и дерзко отталкиваем от себя спасающую нас десницу Божию — прилагаем грехи ко грехам — и сами стремглав бросаемся в погибель.

Великое благо, великая добродетель — незлобие пред Богом и людьми: оно покрывает множество грехов. В Ветхом Завете были особенно возлюблены и прославлены Богом за эту добродетель: Авель, Авраам, Исаак, Иаков, Моисей, Давид богоотец, царь и пророк, и многие другие; а в Новом Завете — бесчисленные праведники, подражавшие кроткому и смиренному Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу, глаголющему в Евангелии всем нам: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11: 29). Итак, не будем слушаться диавола, научающего нас питать зло на ближнего, а будем в простоте сердца прощать обиды, причиняемые ближними, тоже по наущению врага. Никто да не мыслит зла друг на друга; никто да не увлекается злой подозрительностью касательно ближнего; ибо это прелесть врага нашего спасения, всемерно усили-

вающегося разрушить в нас союз любви и братства и насадить демонскую вражду и неприязнь. *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга* (Ин. 13: 34), и слова апостола Павла: *любяй бо друга закон исполни. Итак, исполнение закона любы есть* (Рим. 13: 8, 10). [10, т. 1, с. 56–58].

О покаянии: Слово в преддверии Великого Поста

Вы не видите своих грехов? Молитесь Богу, чтобы Он дал вам видеть их; разве напрасно вы часто за священником говорили в церкви: *Господи! Даруй ми зрети моя прегрешения!* — Постараемся же хотя теперь общими силами увидеть свои грехи, чтобы после на исповеди с сердечным сокрушением признаться в них. И вот, первый весьма важный грех наш тот, что мы, будучи великими грешниками, не чувствуем, что мы грешники, заслуживающие не милость, а наказание Божие! Осудим же себя прежде всего в этой бесчувственности и скажем Господу от всей души: вот я, Господи и Владыко живота моего, — грешник бесчувственный, величайший я грешник, а грехов моих не чувствую; должно быть, потому, что грехи мои умножились паче числа песка морского, и я весь — во грехах, как больной оспою — в оспе. Каюсь Тебе, Господу Богу моему, от всего сердца в моей бесчувственности и молю Тебя: Сам даруй мне чувствовать всем сердцем, как я много прогневлял и прогневляю Тебя. — О! Эта мнимая, фарисейская праведность наша, сколько она погубила и погубляет людей! И на зло нам она поражает наше сердце именно во время говения, во время самого Таинства Покаяния и пред Таинством Святого Причащения.

Но посмотрим дальше — какими грехами согре-

шали мы Богу больше всего? А вот, если мы люди маловерные, живем на земле не для неба, не для Бога и спасения души своей, а для земли и всего приятного на земле, словом, живем для плоти, для ее удовольствия, а не для бессмертной души своей, не для ее будущей жизни, — разве это не великий грех? Что — забыли мы разве страдания за нас Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Его Пречистую Кровь за нас пролитую на Кресте, — Его славное Воскресение? Разве не для нас, — то есть, чтобы нас возвести на небо, удаленных грехом от неба, было Его сошествие на землю, Его божественное учение, Его чудеса, Его пророчества — например, о будущем Страшном Суде, о воскресении мертвых в последний день мира, о блаженстве праведных и вечных муках грешных? — Наконец, Его страдания, Его Воскресение из мертвых, Его Вознесение на небо?

Итак, если верно, что мы должны жить здесь для будущего века, то разве не грех — не жить для той жизни, а всеми мыслями и всем сердцем жить на земле и для земли? А сколько греха бывает оттого, что мы хотим жить только на земле хорошо и не веруем от всего сердца в будущую блаженную жизнь? — Сколько бывает от того злобы, ненависти, сребролюбия, зависти, скупости, обмана? Отсюда все пороки: все плотские похоти, все страсти души. Вот и в этом покаемся, то есть покаемся, что мы — маловеры, если не неверы, и что для Бога и для спасения души своей или не живем здесь, или весьма мало живем. [10, т. 1, с. 61–63].

Господь и ныне с нами: Беседа в Неделю вторую Великого Поста

Было время, когда Сам Царь Небесный, Царь всего

мира, безначальный Бог, Творец неба и земли, Царь царей земных явился на земле и пожил с человеками, странствуя из града в град, из селения в селение. О, какое счастье, какое блаженство было видеть Самого Царя Небесного; эти пресветлые, недремлющие очи, призирающие на всю вселенную, этот взор, веселящий Ангелов и страшный для демонов, и слышать из сладчайших уст Его слова, дарующие жизнь, покой, отраду, веселие всякой искренней и прямой душе! Вы завидуете этим счастливым людям, которые жили во время пребывания Иисуса Христа на земле. Не завидуйте. Он и ныне с нами неотлучно Своим Божеством, Своею благодатию, Своими Животворящими Тайнами, Божественным Своим Телом и Пречистою Кровию: мы нисколько не обижены в этом отношении сравнительно с современниками Иисуса Христа; ничего не лишены, даже получили больше их: потому что они не имели блаженства вкушать Животворящее Его Тело и Кровь, а мы вкушаем их и обожаемся.

Литургия, во время которой свершается это Таинство, живописует перед нами всю жизнь Иисуса Христа, от колыбели Его и до Вознесения на небо; — а Святые Тайны являют Его личное присутствии, безмерную любовь Господа к Своему разумному созданию; а высокое явление Бога во плоти и образе человека показывает, братия мои, достоинство природы человеческой, сотворенной по образу Божию, но униженной, обезображенной, расслабленной и умерщвленной грехом. Он удостоверяет нас, что если человек будет жить на земле праведно и свято, то он будет равен Ангелам и будет с ними вечно жить и ликовать бесконечные веки; потому что у Бога, после Божией Матери и Ангелов, нет более никого выше и дороже человека, — человека, коему Он уподобился,

за которого пострадал, умер и воскрес; что кроме него нет больше наследников, коим было бы сказано: *приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира* (Мф. 25: 34). [10, т. 1, с. 77–78].

Бесноватые: Слово в Неделю четвертую Великого Поста

Сегодня, возлюбленные братия и сестры, читано было евангельское повествование от Марка об исцелении Иисусом Христом бесноватого глухого и немого отрока, за которого просил отец его, — чрез изгнание злейшего нечистого духа, причинявшего несчастному отроку глухоту и немоту (см. Мк. 9: 17–29). *Дух немой и глухой!* — сказал Господь нечистому, — *Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него. И, вскрикнув и сильно сотрясши его, злой дух вышел*; и отрок *сделался как мертвый, так что многие говорили, что он умер. Но Иисус, взяв его за руку, поднял его и он встал*. Но послушайте, сколь зол был мучивший отрока демон. Отец этого отрока говорил Господу, что демон, где только не схватывал его, бросал его на землю, — и несчастный испускал пену изо рта, скрежетал зубами своими и весь оцепеневал.

Это же сделалось и на тот раз, когда отец привел его к Спасителю. И когда Господь спросил отца, как бы не ведая, хотя, как Бог, все знал: *как давно это сделалось с ним* (Мк. 9: 21), тот сказал, что с детства, и прибавил, что демон много раз бросал его и в огонь и в воду, чтобы погубить его, и просил Господа — сжалиться над ним и сыном и помочь, если что может. Иисус сказал ему: *если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему* (Мк. 9: 23). И несчастный маловерный отец со слезами воскликнул: *верую,*

Господи! Помоги моему неверию (Мк. 9: 24). Видите, какую силу Господь приписывает вере и верующему: *все возможно верующему*, говорит Он (Мк. 9: 23). Верующий может и бесов изгонять, и всякие болезни исцелять. А как бессилен и жалок неверующий! Он и с собою совладеть не может, и грехов своих одолеть не может, но, как раб, служит им и мучится ими. Так как несчастный отец сначала приводил бесноватого сына своего к апостолам и они не могли изгнать из него этого беса, то они наедине спросили Господа: *почему мы не могли изгнать его?* (Мк. 9: 28). Господь на это сказал им: *сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста* (Мк. 9: 29).

Вот и похвала от Господа посту и молитве. Вот евангельская основа поста. Отчего же именующие себя последователями Евангелия, изгнали из общежития пост, как бы ненужный! Не оттого ли ныне у нас умножились страсти и беззакония и бесноватые разного рода, что некоторые из христиан разорвали союз с Церковью и отвергли, как излишнее дело, молитву и пост и живут наподобие скотов бессловесных, водясь только похотями различными, а иные в злобе своей с пеной у рта, как истые бесноватые, устремились на всякие злодеяния: на убийства, самоубийства, поджоги, подкопы, взрывы и пр. [10, т. 1, с. 88–89].

Дело Христово: Слово в Неделю пятую Великого Поста

Или вот, совершается литургия почти круглый год. Что такое литургия? Она есть ежедневное служение Господа нашему спасению и спасению мира — о всех и за вся. Он Сам служит для нас и с нами в литургии, совершая Таинство Тела и Крови Своей. Он доселе закалается за нес, пребывая Сам незакалаемым

в нетленной обоженной плоти Своей; изливает Кровь Свою, преломляет Тело Свое и преподает их нам в оставление грехов, в освящение и в жизнь вечную; доселе дымится Живая и Животворящая Кровь Его на жертвенниках православных христианских храмов! О, чудный божественный дар любви! О блаженство истинных христиан! Так Господь доселе служит многообразно и животворно нашему спасению.

Но Он оставил нам образ, пример, чтобы и мы служили друг другу с любовью. Он сказал: *кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом* (Мк. 10: 43–44). Так каждый из нас, братия мои, должен служить друг другу своими талантами, способностями, силами, своим служебным положением, имуществом, образованием, — и не себе только угождать...

Служение ближним, конечно, не может быть без самоотвержения и креста и чем иногда больше, выше доставляемое нами ближним добро, тем часто труднее крест, например, крест неблагодарности и злобы от облагодетельствованных... Но от этого не следует унывать, огорчаться без меры и бросать дело служения. Ибо чей крест был тяжелее Креста Христова, за нас претерпенного? Пример Господа Иисуса Христа, ужасно для нас истощившего Себя, да послужит нам сильным побуждением — не бояться и не убегать самоотвержения и для общего блага. А оно, это самоотвержение и это благо, так нужно особенно теперь, ввиду столь многих и великих невзгод и бед нашего народа... Но, чтобы искренно служить ближним, для этого надобно неотменно перестать служить своим страстям, нужно самоотвержение; ибо страсти не допускают искренно, усердно служить ближним, а учат угождать только самим себе. Аминь.

[10, т. 1, с. 94–97].

Каких плодов ждет от нас Господь: Беседа в Великий Понедельник

Бесплодная смоковница при дороге с одними листьями — это я и вы, брат и сестра возлюбленные. К нам с вами часто приходит и рано и поздно Насадитель Жизни нашей, Господь Иисус Христос, алчущий нашего спасения, приходит, чтоб утолить глад души нашей, чтобы стать для нее хлебом жизни. И — увы, почти всегда находит в нас только заботы о житейском — одни листья; плодов же веры, всеусильного попечения о спасении душ наших в нас нет как нет. Между тем, каждый из нас с тем и посажен на земле, чтобы приносить духовные плоды. Какие же это в частности плоды, которые должен приносить каждый человек, особенно христианин? На это святой апостол отвечает так: *плод духовный есть любовь, радость, мир, долготерпение, милосердие, вера, кротость, воздержание* (ср. Гал. 5, 22).

Вот, брат и сестра, какие плоды должны мы приносить Насадителю нашей жизни, Господу Иисусу Христу ежедневно. Теперь смотри каждый: плодовитая ты смоковница или бесплодная? Если плодовитая — хорошо, приноси плоды и впредь, да препитает Он ими тебя же самого в вечности; если — бесплодная, трепещи; тебе угрожает проклятие Владыки твоей жизни и, может быть, очень скоро Он скажет и тебе: *да не будет же впредь от тебя плода вовек* (Мф. 21: 19). И ты тотчас засохнешь; заглохнут твои духовные силы; вовсе иссякнет у тебя вера, надежда и любовь, а *всяко древо еже не творит плода добра, посекаемо бывает и во огнь* вечный *вметаемо* (ср. Мф. 3: 10). Слова эти истинны и ясны как день. Они исполнятся непреложно, *ибо небо и земля прейдут*, как проходят мимо дни, месяцы, годы, а

слова Господа *не прейдут* (ср. Мк. 13: 31)...

Итак, если не хотим сохнуть, как проклятая Господом смоковница или как трава, и в огонь вечный быть брошенными, постараемся, возлюбленные братья, приносить Насадителю нашей жизни плоды добрых дел, пока имеем время, силы, средства, случай. Может быть придет время, когда и хотели бы сделать добро, но это будет невозможно. *Дондеже время имамы, да делаим благое ко всем, паче же к присным в вере* (Гал. 6: 10). Аминь. [10, т. 1, с. 104–106].

Наша жертва пострадавшему Господу: Поучение в Великую Среду

Братия! Нынешний день есть день предания на страдания и смерть Господа и Спаса нашего Иисуса Христа.

Души верные, умеющие ценить и чувствовать величайшее самопожертвование для нашего спасения общего всем нам Господа и друга! Храните преимущественно с нынешнего дня сердце ваше самым тщательным образом для Него единого и не давайте овладеть собою ничему мирскому, тленному, никакой страсти. Докажите, что и вы умеете отвечать на любовь — любовью, что вы — истинные христиане и из любви ко Христу можете побдеть с Ним, то есть пободрствовать над своим сердцем, во дни, в которые Он один пил за нас чашу гнева небесного. Введите верою в сердца ваши Христа Господа, страждущего за нас, страдайте там — в своем сердце — вместе с Ним; приведите на память грехи ваши, сокрушайтесь и, если можете, плачьте об них. *Себе плачите*, говорит Господь (Лк. 23: 28).

Посылайте свои вздохи и слезы ко Христу, и это будет самая приятная жертва страждущему за нас

Господу: вы вскоре ощутите в сердце своем благоволение Его к вам за сердечный свой дар: мир в душе, *превосходяй всяк ум* (ср. Флп. 4: 7), и небесная тихая радость возвестят вам, что ваша жертва сердца сокрушенного и смиренного не уничижена, а принята Господом в пренебесный и мысленный Его жертвенник. Очистившись в наступающий сегодня вечер от грехов в Таинстве Покаяния, если кто еще не очистился прежде, вы завтра сподобитесь причаститься Его Тела и Крови: да соединит вас эта Вечеря любви с Тем, Кто повелел совершать ее в Свое воспоминание, да напоминает она вам всегда о беспредельной любви Его к нам и да подаст вам силы провести наступающие великие дни свято, в духе пламенной любви ко Господу, положившему за нас душу Свою. Аминь. [10, т. 1, с. 107–108].

ОТРЫВКИ ИЗ ПРОПОВЕДЕЙ ГОДОВОГО КРУГА

Чем мы можем послужить Господу?: из слова в Неделю святых жен-мироносиц и праведного Иосифа

Можно, возлюбленные, и нам — притом не раз и не два, а много раз делать дела, весьма подобные делам святых мироносиц и праведного Иосифа, и награды потому можно нам ожидать равной с ними. В Евангелии Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа есть весьма утешительные для нас, бесценные для нас, истинные, как *ей* и *аминь* — слова: *понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25: 40). А что мы можем делать для меньших братий Господа Иисуса? — Алчущего напитать, жаждущего напоить, одеть нагого или того, у

кого нет необходимой и приличной одежды, посетить больного, помочь его выздоровлению, посещать заключенных в темницах, погребать умерших в бедности (см. Мф. 25: 35–36), то есть любовь наша к ближним — вот миро для тела Господня. Христиане — тело Его. Церковь есть тело Его (см. Еф. 1: 22–23; Кол. 1: 18), говорит апостол. Вот где наше миро. Понесем же это миро к меньшей братии Христовой, как бы к Самому Господу, и будем ходить с Ним, пока есть дыхание в устах наших: и Господь непременно примет это духовное миро в пренебесный и мысленный Свой жертвенник, в воню благоухания духовного, и наградит за него вечною памятью Своею и примет нас в вечный покой и славу Царствия Своего Небесного. Будем делать каждый по силам своим добрые дела, а кто лишен возможности делать дела милости, тот плачь о грехах своих, о том, что прогневляешь ими часто Господа, — и твои слезы будут миром для Господа; ты точно как бы помажешь ими тело Его, и благоухание от них разольется в душе твоей, и Сам Господь снидет в нее, и обоняет благоухание твоего сердечного сокрушения о грехах твоих, и прощение грехов подаст тебе, и наследником Царствия Небесного соделает тебя по написанному: *блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. 5: 4), то есть там на небесах. [10, т. 1, с. 126–128].

Как получить жизнь вечную?: из слова в Неделю святых отец Никейского Собора

И в наше время, и за границей, и в нашем отечестве, и даже в нашем городе есть некоторые безумцы, дерзающие иногда в легкомысленных разговорах кощунствовать и отзываться о Боге и Спасителе нашем недостойно, и так как в истинном познании Бога и

Христа, Сына Божия, заключается вечная жизнь, а вечная жизнь должна быть для всех нас крайне дорога, то побеседуем теперь о том, как бы нам познать Бога и Господа Иисуса Христа так, чтобы через познание Его достигнуть вечной жизни. Ибо не всякое познание Бога может приводить к вечной жизни: весьма многие знают, но все-таки навеки погибают. Все мы знаем Бога и имя Его именуем, но знание многих есть бесплодное, мертвое знание, которое не приведет к вечной жизни.

Итак, христианин, если желаешь вечной жизни, то старайся познать Бога не умом только холодным, но всем сердцем, делами докажи познание Его; ты знаешь, что Бог свят, старайся быть и сам святым; знаешь, что Бог благ и милосерд, и ты будь сострадателен, снисходителен и милосерд; знаешь, что Бог долготерпелив, и ты долготерпи; *терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21: 19), *претерпевый до конца спасен будет*, говорит Господь (Мф. 10: 22); знаешь, что Бог правосуден, — и ты наблюдай справедливость во всем; знаешь, что Бог прещедр и *щедроты Его на всех делех Его* (Пс. 144: 9), и ты перестань быть скупым и наносить хулу Всещедрому твоею скупостью; знаешь, что Бог пречист, и ты возлюби чистоту душевную и телесную и гнушайся нечистоты греха, особенно нечистоты плотской; знаешь, что Иисус Христос учил о пользе и необходимости поста для человека, старайся и ты быть воздержанным; не противоречь сам себе, зная одно, а делая совсем другое. Вот такое познание Бога и Христа приведет тебя верно к вечной жизни. *Милостивии помиловани будут; чистые сердцем Бога узрят* (Мф. 5: 7–8).

Если действительно хочешь познать Бога и быть познанным от Него, то стань немедленно на путь деятель-

ный, на путь добродетели, и немедленно оставь путь беззакония; в противном случае самые дела твои будут свидетельствовать против тебя, что ты не знаешь Бога и презираешь собственное вечное благо; или льстишь, обманываешь себя, будто с верою во Христа можно соединять и плотские греховные дела и, называясь христианином, творить дела языческие. Но апостол ясно говорит тебе и подобным тебе людям, так мечтающим: не обманывайтесь: *ни блудники, ни прелюбодеи, ни пьяницы, ни татие Царства Божия не наследят* (1 Кор. 6: 9–10). Видишь, как непременно нужно познавшему Бога и Христа, Сына Божия, обратиться и сойти с пути греха и стать на путь добродетели.

Итак, повторяю, не противоречь сам себе; если ты познал Бога, то делами твоими не отрекайся от Него. Будь верен, мирен, смиренномудр, простосердечен, кроток, воздержен, трудолюбив, любезен: *братолюбием друг ко другу любезни; честию друг друга болша творяще* (Рим. 12: 10); целомудрен, послушен, терпелив, возвышен, помышляй о горнем, а не о земном; не следуй влечениям плоти и крови и не будь хуже бессловесных животных, знающих меру и время для удовлетворения своих потребностей. *Отложи ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, и облекись в нового, созданного по Богу, по образу Божию, в правде и святости* (Еф. 4: 22–24). [10, т. 1, с. 155–159].

Богу или мамоне?: из беседы в Неделю третью по Пятидесятнице

Светильник телу есть око. Аще убо будет око твое просто, все тело твое светло будет; аще ли око твое лукаво будет, все тело твое темно будет. (Мф. 6: 22–23)

Значит, смысл слов Спасителя будет такой: сер-

дце или совесть есть светильник человеку на пути его жизни, во всех помышлениях, желаниях, намерениях, словах, во всех делах его.

Возьмем пример из жизни. Возьмем человека с простым сердцем, с прямой совестью, с прямым взглядом на жизнь, со взглядом евангельским, и человека с сердцем лукавым или совестью лукавою и пристрастного к миру, к плоти. Все поступки первого запечатлены справедливостью, усердием, прямотою характера, доброжелательством к ближнему. На поступках второго лежит печать неправды, обмана, лицемерия, хитрости, коварства.

Первый доволен очень немногим и не снедается жаждой много, — например, не желает роскошного стола, многих нарядных и дорогих одежд, — жаждою богатства, широкого и богато убранного жилища и прочее; есть у него насущный хлеб и похлебка, есть несколько перемен чистой и приличной одежды, есть постоянный, хотя, может, и небольшой доход или жалованье, или трудами добытые деньги, честною торговлею, промышленностью, рукоделием, здоровое жилище, хотя и не широкое, без богатой мебели; он доволен и благодарит Бога; большего он и не желает, потому что считает излишним; если видит у себя малые избытки, он лучше уделит их нуждающимся ближним, но не употребит их на какие-либо прихоти свои.

Но посмотрите на жизнь другого человека, с сердцем лукавым и совестью непрямою, лукавою. Он ничем недоволен: ему стол не стол, одежда не одежда, жилье не жилье, мебель не мебель, и при полной чаше хочет, чтобы она была еще полнее, ему мало своего, надо захватить чужое, хотя бы с обидой для ближнего; для него эта пища не хороша, надо лучше, или ему насущного хлеба и похлебки мало, надо вина, хотя

в нем вовсе нет нужды; да не то, чтобы немного — это бы еще не беда, а то надо иному много, чтобы напиться допьяна; эта одежда нехороша, из моды вышла, надо лучше; это жилье не так просторно и удобно, надо пошире; эта мебель нехороша, надо новую; этих доходов, этого жалованья, этой выручки мало, надо больше, — и едва ли чем он бывает доволен: все у него много, — а все он недоволен; у другого при его средствах жизни, да еще и при меньших, и для самого довольно, достанет и ближним нуждающимся уделить на пищу, на одежду, у него же — и для себя мало, и другим нет ничего. Отчего? Оттого, что сердце его лукаво, омрачено, неразумно, ненасытно, страстно. А отчего оно таково? — Оттого, что заповедей Господних не знает или знать не хочет, светом Евангелия Христова не водится. Оттого, что творит волю слепой, страстной плоти своей и помышлений своих. [10, т. 1, с. 177–180].

Могущество веры: из поучения в Неделю четвертую по Пятидесятнице

Что... мы теперь скажем о вере? А то, что вера в Господа, в Слово Его, живая, несомненная вера, есть ключ к неистощимой сокровищнице всех даров Божиих, — животворящая сила, даруемая от Бога простым не лукавомудрствующим, смиренным душам и привлекающая на них богатство щедрот Божиих. Докажем это примерами. Пример римского сотника перед глазами: его простая твердая вера во всемогущество Иисуса Христа удивила Самого Господа и немедленно привлекла к сотнику и его больному слуге милость Божию: *иди, и, как ты веровал, будет тебе. И выздоровел слуга его в тот час* (Мф. 8: 13).

Два слепца вопиют Иисусу Христу о исцелении

очей: *Сыне Давидов, помилуй нас!* Господь повелевает привести их к Себе и спрашивает их: *веруете ли, что Я могу это сделать?* И когда они отвечали: *веруем,* — Он исцелил их, сказав: *по вере вашей да будет вам; и у них тотчас отверзлись очи* (Мф. 9: 27–30).

Однажды приносят к Иисусу Христу расслабленного, и Господь, видя веру носильщиков, по вере их сказал расслабленному: *дерзай чадо! прощаются тебе грехи твои;... встань, возьми постель твою, и иди в дом твой; и* больной *встал, взял постель свою и пошел домой* (Мф. 9: 2, 6–7).

Кровоточивую женщину, двенадцать лет болевшую своим недугом, Господь исцелил по вере ее, чрез прикосновение ее к Его одежде, сказав: *дерзай, дщерь! вера твоя спасла тебя* (Мф. 9: 22).

Братия, и в наше время, скудное верою, верующим можно испрашивать у Господа все нужное ко спасению. Веруйте же все несомненно в Господа, Который с нами пребывает и пребудет во все дни до скончания века, живите благочестиво, кайтесь искренно, исправляйте жизнь свою, просите у Господа с несомненной верою доброго и полезного — и получите. Аминь. [10, т. 1, с. 191–195].

Обновляйтесь!: из слова в день Преображения Господня

В то время как Он молился, Божество Его вдруг просияло чрез тело Его: лицо Его сделалось светло, как солнце, а одежды Его от внутреннего света Божества и от света тела — стали белы как свет — так белы, что никакой белильщик не в состоянии так убелить их. Явились Моисей и Илия, древние великие пророки; они говорили с Господом. О чем же они говорили? — Говорили о страданиях, которые Спаситель рода человеческого

имел претерпеть ради спасения нашего в Иерусалиме.

Братия! Господу Иисусу Христу надо было пострадать за нас и быть до того поруганным и уничиженным, что если бы ученики Его прежде страданий Его не были утверждены разными знамениями или чудесами в вере в Него как Сына Божия, они могли бы соблазниться относительно Его лица, отпасть от Него и рассыпаться, каждый в свою сторону. Надобно было каким-либо поразительным чудом уверить их, что Он есть воистину Отчее сияние, свет от света, Сын Божий, волею грядущий страдать за нас. Таким чудом, между прочим, Господь избрал Преображение тела Своего на горе, и вот лице Его просветлилось как солнце, а одежды возблистали как свет, и Сам Бог Отец глаголал из облака: *Сей есть Сын Мой Возлюбленный, о Немже благоволих; Того послушайте* (Мф. 17: 5).

Братия! Господь всем Своим последователям завещал также скорби и страдания в этом мире: *в мире скорбни будете* (Ин. 16: 33), говорил Он ученикам Своим перед Своими страданиями: *кто хощет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет* (Мф. 16: 24). Итак, терпите безропотно все посылаемые вам Богом скорби. Но не страшитесь страдания и скорби, ибо они приведут вас к вечным радостям на небесах; подобно тому, как и Господь, после страданий и крестной смерти Своей и Воскресения Своего, вошел в вечную радость Царствия Небесного и по человечеству Своему. Как злато в горниле очищается и просветляется, так и душа человеческая в горниле скорби и страдания также очищается и просветляется. Вот отчего Господь оставил в удел Своим последователям в этом мире прелюбодейном и грешном многоразличные скорби; они служат великим благом для самих страдальцев и задатком их будущего вечного блаженства. *Печаль ва-*

ша в радость будет, говорит Господь (Ин. 16: 20). Кто из святых, начиная с Самой Преблагословенной Матери Господа нашего Иисуса Христа до последнего праведника, не скорбел в этой жизни и скорбию не вошел в Царствие Небесное? Никто. Все многими скорбями вошли в Царство славы. — Итак, скорби духовные преобразуют нас, очищают и просветляют наши души. И вот еще почему Господь, грядущий на вольную страсть нашего ради спасения, преобразился во славе: Он хотел показать Своим последователям, имевшим страдать за Него, что их страдания приведут их к небесной славе, что они *просветятся* сами, *как солнце, в Царстве Отца Небесного* (Мф. 13: 43).

К чему еще обязывает всех и каждого из нас праздник Преображения Господня? Он обязывает всех нас преображаться внутренно. Нет надобности говорить о том, как необходимо каждому преобразовать, изменить себя к лучшему, только посмотри беспристрастно каждый в свое сердце, посмотри на свои помыслы, желания, намерения, предприятия, слова и дела, — и тотчас явно будет, как необходимо немедленно приступить к преображению своего сердца. [10, т. 1, с. 213–216].

Скорбь и радость: из слова в день Рождества Пресвятой Богородицы

Долго скорбели о своем неплодии праведные родители Приснодевы, долго и горячо молились Господу о разрешении неплодия, считавшегося наказанием от Бога за грехи; много творили милостыни, чтобы преклонить на милость Всемилостивого, и терпели оскорбления от соплеменников, — и в этой скорби и непрестанной молитве и благотворении постепенно очищались духом и воспламенялись больше и больше

любовью и преданностью к Богу, и таким образом были уготовляемы Провидением Божием к благословенному рождению Преблагословенной Дщери, избранной от всех родов в Матерь воплощенному Слову.

Тесным и скорбным путем Господь ведет к славе и блаженству избранных Своих, — ибо и Самой Матери Бога по плоти предречено было Симеоном, что *душу Ее пройдет оружие* и Она испытает тяжкие скорби в душе во время страдальческой жизни Сына Ее, *да откроются многих сердец* людских *помышления* (Лк. 2: 34–35). Так скорбен и тесен путь всех избранников Божиих: ибо мир и миродержец, то есть враг Бога и человеков, крайне теснит людей Божиих; и Сам Господь попускает им идти тесным путем, поскольку он способствует им устремляться к Богу и на Него единого возлагать свое упование. [10, т. 1, с. 244–245].

БЛАГОВЕСТ

ЧАСТЬ V

ПРОСЛАВЛЕНИЕ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Первые годы по кончине отца Иоанна его почитатели могли свободно посещать его гробницу и молиться перед ней. Велась летопись посмертных чудес отца Иоанна. На фоне всеобщего почитания шли разговоры о возможном прославлении. Все перечеркнула революция — Иоанновский монастырь был закрыт, гробница отца Иоанна замурована. На долгие годы на святом месте воцарилась мерзость запустения. Но верующие в России и в зарубежье не забыли Кронштадтского пастыря. К нему обращались за молитвенной помощью и его предстательством получали помощь и исцеления.

В 1964 году архиепископ Иоанн (Максимович) Шанхайский и Сан-Францисский поднял вопрос о прославлении Иоанна Кронштадтского в лике святых. Несмотря на определенное противодействие, под самый Хеллоуин, состоялось прославление Иоанна Кронштадтского в Русской Зарубежной Церкви. Чада Зарубежной Церкви видят в этом особый символ того, что отныне святой Иоанн — их защитник от нечистой силы Хеллоуина.

После ослабления советской власти прославление Иоанна Кронштадтского стало возможно и в России. Решение о прославлении принял Поместный Собор Русской Православной Церкви 8 июня 1990 года. А 14 июня Патриарх Алексий II совершил чин прославления в Санкт-Петербурге.

ИСТОРИЯ ЗАХОРОНЕНИЯ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

По кончине Кронштадтского пастыря его тело, как уже говорилось, было перенесено из Кронштадта в основанный им Свято-Иоанновский монастырь на

Карповке, гроб с останками отца Иоанна был опущен в гробницу в нижнем храме-усыпальнице пророка Илии и Царицы Феодоры. Согласно воспоминаниям современников: «Этот крошечный храм-склеп под землею производит удивительно радостное, пасхальное впечатление: он весь белый — беломраморный иконостас ниже человеческого роста, беломраморная гробница и вся облицовка мрамором или под мрамор, обилие света от матовых электрических лампочек, букеты цветов у гробницы — все соединяется в одно цельное впечатление. Богомольцы приходят к гробнице с утра и до вечерних часов, когда к началу всенощной (в 5 часов) вход в усыпальницу обыкновенно закрывается. В монастыре ежедневно обедня в 8.30 по будням и в 9.00 в праздничные дни. В память отца Иоанна, бывшего по преимуществу ревнителем великого таинства причащения, в монастыре ежедневно приступают к Святым Тайнам сонмы причастников. После литургии, певчие монахини спускаются с хоров с заупокойным пением и идут прямо в усыпальницу».

Более десятилетия монастырь на Карповке был местом паломничества. Но история России XX века богата на трагические события — вскоре после Октябрьского переворота начались беспрецедентные гонения на Церковь. Не избежал их и Иоанновский монастырь на Карповке. 20 августа 1923 года инокине и послушницам обители, около 200 человек, было предписано в двухдневный срок покинуть монастырь. Часть послушниц перебралась в монастырские подвалы, другая часть во главе с игуменьей Ангелиной переходила в приход церкви во имя святого Алексия, человека Божьего, на Геслеровском, впоследствии Чкаловском, проспекте. Около 15 насельниц Иоанновской обители впоследствии жили на терри-

тории Александро-Невской Лавры. После смерти игумены Ангелины руководство сестрами, проживавшими на Чкаловском проспекте, взяла на себя игумения Анастасия (Платонова), погибшая в конце 30-х годов в лагере. Почти все монахини Иоанновской обители в начале 30-х годов были арестованы и приговорены к ссылке в Казахстан. Лишь немногим удалось выжить и вернуться из ссылки.

В то время гонениям подвергались не только живые люди, но и останки усопших, поэтому и захоронение отца Иоанна Кронштадтского на долгие годы оказалось «в заточении». В это время в обители на Карповке был размещен Государственный научно-мелиорационный институт, Штаб гражданской обороны, швейный цех, лаборатории, общежитие и квартиры.

Но, несмотря на это, богомольцы всегда приходили на Карповку, к отцу Иоанну, прося его помощи и молитв. В благодарность за помощь к окошку крипты церкви приносили свечи и цветы. Естественно, это не могло понравиться представителям советской власти — в сталинско-хрущевское время у окошка располагался пост милиции, дабы ограничить проход верующих.

СУДЬБА ЗАХОРОНЕНИЯ СВЯТОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Вокруг судьбы гробницы святого Иоанна Кронштадтского в храме-крипте Иоанновского монастыря в Санкт-Петербурге сложилось множество преданий. Мнение о том, что мощей в усыпальнице нет, господствует в Русской Православной Церкви Заграницей. Похожее писал в 1966 г. атеист-кощунник Н. Юдин, излагая почти через 40 лет события 1920-х гг. Однако в обоих случаях не было приведено ника-

ких документальных подтверждений. Иное предание, со ссылками, в числе прочих, на воспоминания Н. Д. Жевахова и монахини Вероники (Врасской-Котляревской), приводит М. В. Шкаровский в своей фундаментальной монографии об истории монастыря. По сообщению Т. И. Орнатской, оно бытовало и среди родственников Кронштадтского пастыря. Представляется, что рассматриваемые ниже документы подтверждают истинность свидетельства о том, что мощи святого Иоанна во все лихолетье почивали на месте его первоначального упокоения и являлись залогом нынешнего возрождения Иоанновской обители.

Настоящая работа затрагивает период 1923–1926 гг. и основана на трех группах источников: архивных делах из ЦГА С.-Петербурга (фонды Ленгубисполкома, ф. 1000, секретный отдел; Ленгорисполкома, ф. 7384, церковный стол; Отдела управления Петрогубисполкома, ф. 1001; Исполкома Петроградского райсовета, ф. 151) — ранее известных (1923 г.) и, прежде всего, сравнительно недавно рассекреченных (1926 г.), а также на газетах того времени. Важность вопроса заставляет вновь вернуться к нему и после выхода в свет книги М. В. Шкаровского и рассмотреть подробнее судьбу мощей святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Как известно, отец Иоанн еще в 1904 г. через ходатайство к митрополиту Антонию (Вадковскому) получил разрешение быть погребенным в крипте Свято-Иоанновского монастыря — в порядке исключения из существовавшего законодательства. 23 декабря 1908 г. Кронштадтский пастырь нашел упокоение перед правым клиросом церкви-усыпальницы во имя святых пророка Илии и Царицы Феодоры. Над его могилой, находившейся, что важно отметить, на очень небольшой глубине, была положена массивная мраморная

плита с изображением Креста, Святого Евангелия и резной митры из мрамора. В 1911 г. на гробнице был помещен образ преп. Иоанна Рыльского работы академика живописи Н. П. Шаховского. Перед ним горела неугасимая лампада. Могила пользовалась всеобщим почитанием — у нее молились члены Царствующего Дома, более восьмидесяти архиереев (только в 1909 г.), многие тысячи богомольцев со всех концов России. Кроме того, у мощей о. Иоанна происходили исцеления (в 1909 г. отмечено 12 исцелений).

15 августа 1919 г. Петроградским райсоветом было выдано временное свидетельство о регистрации приходской общины Иоанновского монастыря. После кончины 13 июня 1921 г. прот. Димитрия Федорова, настоятелем монастырских церквей стал муж племянницы отца Иоанна Кронштадтского, протоиерей Иоанн Николаевич Орнатский, председатель приходского совета с июля 1920 г. В августе 1922 г. приход примкнул к Петроградской автокефалии, противодействовавшей распространению в епархии обновленчества. Возможно, в связи с этим 10 апреля 1923 г. отдел управления Петроградского райсовета сообщил в приходской совет о немедленном расторжении договора с «двадцаткой» как «нарушающей общественный порядок». 12 мая дела были переданы новой, более близкой властям общине во главе с прот. Иаковом Журавским. Она принадлежала радикальной обновленческой группировке «Петроградский епархиальный комитет группы православного белого духовенства «Живая Церковь». Монастырь, сохранивший верность «старо-церковникам», оказался в положении самоуправляемого, новая «двадцатка» впоследствии даже просила замуровать проход между церковью и обителью. Ключи от усыпальницы находились у старосты А. Г. Тимофеева.

Согласно секретному постановлению Петрогубисполкома (ПГИ) от 19–25 мая 1923 г., монастырь надлежало закрыть и использовать его строения «под общественные нужды». В это время власти еще не определили свою политику относительно захоронения отца Иоанна Кронштадтского: видимо, в связи с предстоящим закрытием обители Петроградский райисполком предлагал перезахоронить останки в Новодевичий монастырь, против чего выступили живоцерковники. Особый представитель комитета «Живая Церковь» — сам прот. И. Журавский — был командирован для «решения этого вопроса» «в высшие правительственные инстанции г. Москвы».

Обновленческое Петроградское Епархиальное управление (ПЕУ) в лице прот. А. Боярского занимало не столь однозначную позицию. Губисполком стремился подчеркнуть разногласия среди обновленцев и указывал, что ПЕУ, напротив, «всецело пошло навстречу Губисполкому в вопросе о раскассировании реакционно настроенных против церковного обновления монахинь, свивших себе в стенах Иоанновского монастыря достаточно крепкое гнездо т. н. автокефального движения». По словам Председателя Петрогубисполкома, ПЕУ «также предложило свои услуги» «в вопросе о перенесении праха протоиерея Сергиева, наметив место для захоронения» теперь уже «на кладбище б. Александро-Невской лавры». Прот. Журавский же, «захватив недавно в свои руки эксплуатацию Иоанновского монастыря в смысле обслуживания религиозных потребностей верующих», почувствовал, «что с его ликвидацией уплывают из рук колоссальные доходы... идя в разрез желаниям Петрогр. Епархиального Управления, начал искусственно подбивать верующих к выражению недо-

вольства решением Петрогубисполкома». Однако и прот. А. Боярский 4 июня ходатайствовал в высший Церковный Совет об оставлении монастыря действующим, указывая, что «обновленческое движение должно будет перенести громадные нарекания со стороны многочисленных почитателей почившего пастыря». Мощи остались на месте, но заявления о приостановке решения ПГИ «в интересах обновленческого движения» не возымели эффекта. Как предполагает М. В. Шкаровский, сказалось и «усиление в 1923 г. влияния возглавлявшего петроградские власти председателя Коминтерна Г. Е. Зиновьева, который со своим ближайшим сподвижником Г. Евдокимовым лично выступал за закрытие Иоанновского монастыря». 31 июля Президиум ВЦИК постановил утвердить решение ПГИ. 14 ноября, по словам верующих, «по неизвестным причинам храмы были закрыты и на все попытки узнать о причинах был один ответ — «по распоряжению Исполкома».

Предвидя скорое разорение, прот. Иоанн Орнатский, отставной поручик Е.В.Фиделин (племянник св. Иоанна) и другие его родственники — Гартц и Озерова — 20 ноября обратились с ходатайством «выдать им гроб покойного отца Иоанна для перевезения и погребения на одном из кладбищ г. Петрограда или его пригородов, в ряду других умерших граждан; а также указать, как это сделать: тайно, без оглашения, или открыто». В повторном прошении «вывезти тело умершего пастыря из Иоанновского храма», которое датируется буквально тем же днем, уже фигурирует Смоленское кладбище «или куда пожелают родственники, близкие»: «Остаемся в надежде, что Губернский исполнительный Петроградский комитет отнесется к нашей покорнейшей просьбе благо-

склонно и разрешит вывезти тело Гражданина РСФСР И. И. Сергиева». Община просит также оставить им в монастыре усыпальницу и храм во имя преп. Иоанна Рыльского.

Стали собирать деньги «на вывоз Батюшки». Мария Трынкина пожертвовала 10000 руб., «Биржевая церковь» — 3050 руб. 26 ноября отец И. Орнатский описывает предполагаемый порядок перенесения останков, назначенного уже на 1 декабря: «Все работы по снятию мраморной плиты и изъятию наверх оцинкованного гроба будут произведены в присутствии представителей власти, родных и друзей покойного накануне в 8 ч. вечера... Официально... не будет сообщаться о дне перенесения тела... Процессия двинется в следующем порядке: впереди крест и фонарь, затем одни священники в облачении (каковым буду я...) затем колесница с гробом. Очень желательно, чтобы в 8 ч. утра... был командирован в бывший монастырь небольшой наряд милиции во избежание могущих произойти каких-либо нежелательных эксцессов. Процессия пройдет по самым малолюдным улицам: Геслеровский пер., Малый пр. П. С., 8-я линия, Камская ул. Тело почившего отца Иоанна будет предано земле в ряду общих могил... будет перенесена с бывшей могилы надгробная мраморная плита вместе с мраморным памятником, в который вставлена икона Преподобного Иоанна Рыльского...» Отдел управления ПГИ выдал отцу Иоанну Орнатскому бумагу с разрешением на перезахоронение. Перенесение останков, однако, было отложено до 8 декабря («Провожающих будет не более 100 человек» — вновь пытаясь успокоить власти, пишет отец Иоанн Орнатский), потом до 28 марта. В марте вместо зачеркнутого «Смоленское кладбище» на разрешительном мандате надписывают

«Богословское». Под личную ответственность отца Иоанна Орнатского ему — единственному священнослужителю — 24 марта разрешили сопровождать процессию через Гренадерский мост по ул. Братства, пр. Карла Маркса, Бабурину пер., Лесной ул., Муринскому пр., Алексеевской и Иоанно-Богословской ул. до Богословского кладбища. Власти, кажется, чрезвычайно опасались огласки и скопления почитателей Батюшки: Адмотдел Ленгубисполкома в лице начальника подотдела Ильина опять предложил «сделать распоряжение о принятии решительных мер к недопущению провожающих более указанных 100 человек».

Однако перезахоронения так и не произошло. 27 марта, накануне предполагаемой даты, Ильин сообщил в Петроградский и Выборгский райисполкомы, что «захоронение трупа Иоанна Кронштадтского не состоится ввиду поступившего 26/III заявления родственников последнего, в коем по не зависящим от них причинам отказываются от получения трупа и его захоронения на указанном в отношении кладбище». Перезахоронению препятствовали, вероятно, и сестры монастыря (судя по их позиции в дальнейшем), и обновленческая бывшая «двадцатка», которая уверяла в письмах Смольный, что «на Ленинградской стороне Тихоновская поповщина соединилась с белогвардейцами деникинского и колчаковского режима церковниками» (имелась в виду община отца Иоанна Орнатского) и на деньги от продажи монастырского имущества «хочет... батюшку отца Иоанна перетащить на Смоленское, что делать не полагается и против чего рабочие протестуют. Насупротив вывоза батюшки с его места на Смоленское будут идти и путиловцы и все рабочие и на других заводах. И будут тоже писать в Смольный...»

Возможно также, что здесь не обошлось без поддержки властей, к тому времени осознавших, что перенесение сделает святыню доступной людям. По словам И. К. Сурского, «слуги антихристовы поняли, что на кладбище паломничество к могиле великого праведника и чудотворца нельзя будет удержать и предпочли закрыть доступ в усыпальницу отца Иоанна. Тогда паломники стали класть земные поклоны у переднего угла здания Иоанновского монастыря».

Тем временем вовсю шла разнузданная кампания борьбы с почитанием Всероссийского Пастыря и его мощей. Особенно усердствовала «Красная газета». «Рабочие завода «Электрик» в прошлом году взяли для себя дом общежития Иоанновского монастыря, — писала она 24 мая 1924 г. — Дом черной своры тунеядцев превратился в красную казарму тружеников. Все бы хорошо, да не совсем. Черные тени иоаннитов и белые платочки иоанниток все еще витают около бывшего монастыря. Там в подвале лежит их батя — Иоанн Кронштадтский. Там по-ихнему его мощи, а потому они и ходят туда плакаться и лизать пыльные стены подвала. Не пора ли разрушить старое гнездо черных ворон?». Через два дня сообщалось, что «объединенное заседание коллектива РКП и РКСМ з-да Электрик им. тов. Скороходова выдвигает вопрос об общежитии в б. Ивановском монастыре. — Нам, — говорит тов. Чижов, — присылают грозные письма, будто бы от рабочих Путиловского и Балтийского заводов, в которых нас ругают за то, что мы выслали из монастыря их «сестер». Конечно, никто не поверит тому, что у наших рабочих были сестры в монастырях, и по существу речь идет из-за помещения, вернее, из-за «мощей» Ивана Кронштадтского. Они находятся в подвале и к окнам этого подвала по вечерам со-

вершается целое паломничество. Коллектив определенно заявляет: пора убрать оттуда старый ненужный хлам и уничтожить мракобесие».

Непосредственным шагом к принятию властями окончательного решения о судьбе захоронения послужило то, что почитание святых останков отца Иоанна продолжалось, равно как и попытки спасти их от осквернения. В заявлении от 9 февраля 1926 г. в Ленинградский губисполком, подписанном председателем приходского совета Андреевского собора в Кронштадте И. Тюлькиным, указывалось: «Ввиду закрытия Ленинградского Иоанновского что на р. Карповке женского монастыря, в подвальной церкви которого погребены останки протоиерея Иоанна Ильича Сергиева, Приходской Совет Кронштадтского Андреевского собора обращается в губернский Исполком с ходатайством о разрешении перенести останки почившего Кронштадтского протоиерея в г. Кронштадт для погребения в Андреевском соборе, в подвальном его помещении. Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев начал свою службу в Кронштадтском Андреевском соборе и кончил ее в том же соборе, прослужа в нем 53 года. В верующих массах почивший протоиерей был известен под именем Кронштадтского и сейчас в памяти верующих он сохранил за собой звание Кронштадтского. Если обстоятельства заставляют потревожить гробницу прот. Иоанна Сергиева и перенести его останки из усыпальницы упраздненного монастыря, то приходской совет Кронштадтского Андреевского собора, являясь выразителем мнения всего прихода, полагает справедливым, чтобы останки Кронштадтского протоиерея были выданы верующим того собора, где почивший протоиерей прослужил 53 года, и были в нем похоронены».

Власти вновь почувствовали угрозу появления чтимой святыни в действующем храме и решили действовать оперативно. Первая резолюция на заявлении кронштадтцев гласила: «Полагаю совершенно невозможным удовлетворить просьбу. Степанов. 10/II-26 г.». Однако окончательное решение по данному вопросу Степанов предлагал вынести на президиум Райисполкома. Решение это в архиве не обнаружено, но очевидно, что на Президиуме было принято решение о замуровании усыпальницы.

Почти одновременно из Петроградского райисполкома позвонили в ГПУ и 12 февраля переслали туда копию заявления приходского совета. ГПУ уже занималось этим «политически важным» вопросом. Еще 4 февраля в стенах закрытой усыпальницы побывал уполномоченный 3-го отдела следственно-оперативной части Алексей Макаров. К 16 февраля он подготовил доклад для начальника части Леонова следующего содержания (фактическая сторона и правописание — на совести автора): «Ивановский монастырь закрыт, на основании постановления Губисполкома. В течение 2 лет церковное здание монастыря использовано не было. Бывшие обитатели монастыря — монашки, в течение 2-х лет, при содействии небольшой кучки верующих, руководимых антисоветским элементом, старались монастырь открыть вновь, и вновь начать эксплуатацию верующих могилой Ивана Кронштадтского. Все старания при этом были положены на то, чтобы гробница Ивана Кронштадтского сохранилась при монастыре. Они были против и того, чтобы Иван Кронштадтский был перенесен на одно из кладбищ гор. Ленинграда, и когда родственники Ив. Кронштадтского намеривались уже это проделать — монашки запротестовали вплоть до угроз: убить того,

кто прикоснется к Ивану Кронштадтскому. Вследствие чего назначенный перевоз Ив. Кронштадтского на Богословское кладбище был приостановлен, в виду отказа св. Орнатского, из-за боязни. В настоящее время церковное и монастырское здания заарендовали Государственным Научно-Мелиоративным Институтом. Производится капитальный ремонт и помещение приспосабливается к институту (снимаются кресты, колокола и пр.). Остается разрешить вопрос с могилой Ивана Кронштадтского. Со стороны института, повидимому, с ведома Петроградского Райисполкома, предложено могилу Ивана Кронштадтского замуровать (проходы заложить кирпичами). 4-го февраля с. г., я, осмотрев помещение, где помещается могила Ив. Кронштадтского, нашел, что вследствие такого предложения Института — прежде всего: 1) теряется до 200 саж. хорошего подвального помещения с бетонированным полом; 2) при замуровке будет замурована часть труб парового отопления, а при порче парового отопления может явиться надобность замуровку разламывать. Кроме сего, оставлять могилу нетронутой, да еще замурованной — это равносильно сохранению могилы. В настоящее время монашки, да и та фанатичная масса верующих, почувствовав, что с занятием монастыря институтом пропадает всякая возможность на эксплуатацию верующей массы могилой Ивана Кронштадтского, вновь возбуждает ходатайство о перенесении гроба Ивана Кронштадтского на одно из Ленинградских кладбищ, чтобы иметь возможность на эксплоатацию. Между тем, с занятием монастыря — Институтом имеется возможность раз и навсегда покончить с могилой Кронштадтского. Для чего мраморную гробницу разобрать, гроб Кронштадтского опустить на глубину 2-х метров, а пол забетонировать,

предоставив для Института все подвальное помещение. С переносом гроба Ив. Кронштадтского на одно из кладбищ — появится новое поклонение и не пройдет несколько лет, как на месте захоронения будет выстроена церковь».

Тем временем по инициативе районных властей началась замуровка усыпальницы. «Новая вечерняя газета» 18 февраля сообщала: «После передачи бывшего Иоанновского монастыря Научно-мелиоративному институту среди религиозно настроенных обывателей, у которых еще до сих пор имя Иоанна Кронштадтского окружено ореолом святости, распространился слух, что могила «старца» в монастыре будет разрушена, а самое тело... вывезено неизвестно куда. От некоторых из почитателей «святого батюшки» поступили даже предложения предоставить им право вывезти прах по их усмотрению. Между тем могила... осталась в неприкосновенности и подвал, где она находится, в настоящее время замурован и вход в него закрыт. Любопытно, что многие из почитателей «отца», проходя мимо окон подвала... бросали медные деньги. Окрестные мальчуганы, устроив дежурство для наблюдения за иоаннитами, затем эти копейки спокойно собирали и превращали в леденцы и кинобилеты». Газета умалчивала, что между 13 и 23 февраля из усыпальницы были изъяты для продажи мраморные иконостас и престол, и подобная ретивость районных властей не была одобрена Адмотделом Губисполкома.

16 февраля в Секретариат Президиума Ленгубисполкома с грифом «Секретно» были отправлены следующие документы: доклад Макарова с резолюцией Леонова: «Лично тов. Кондратьеву. Полагаю, что давать разрешение на перенос гроба не следует,

тем более в Кронштадт. Прошу сообщить ваше мнение», отношение исполкома Петроградского райсовета (вероятно, с решением замуровать вход в крипту) и копия заявления приходского совета Андреевского собора. 23 февраля зам. начальника Адмотдела Ленгубисполкома Трушин и зав. церковным столом Смирнов «ввиду того, что данный вопрос имеет значение политического характера», просят Петроградский райисполком приостановить продажу изъятых им из усыпальницы мраморного иконостаса и престола, «а также подтвердить правильность появившейся заметки в Новой вечерней газете о состоявшемся замуровании указанной усыпальницы».

Вскоре дело стало предметом тайного рассмотрения Малого Президиума — после других вопросов, и с участием представителя Петроградского райисполкома. 26 февраля датирован самый важный для нас документ за подписью самого Председателя Губисполкома, который следует привести целиком: «В секр. дело. М(алый) През(идиум Губисполкома). 26/II с. г. без занесения в протокол решено помещение гробницы Иоанна Кронштадтского замуровать и спустя два-три месяца гроб опустить ниже на два-три аршина, а пол над могилой забетонировать. 27/II 26. Ларионов».

Распоряжение Ларионова носило компромиссный характер и соответствовало представлению ГПУ. Оно предусматривало сокрытие мощей в два этапа, которые следовало осуществить в разное время — немедленно замуровать гробницу (что предлагалось ранее Петроградским райисполкомом, и что уже осуществлялось де-факто), но так, чтобы через два-три месяца ее открыть, перезахоронить гроб на большей глубине и забетонировать пол (что считал нужным сделать уполномоченный ГПУ А. Макаров).

Какие могли быть альтернативные варианты? Перевезти останки, как уже указывалось, означало создать новый очаг почитания Кронштадтского пастыря (в 1926 г., когда уже закрыто, например, большинство домовых церквей и несколько лет не возводятся храмы, сотрудник ГПУ всерьез боится постройки церкви над мощами!). Просто вывезти и уничтожить мощи власти, вероятно, боялись. Сестры не смогли помешать тому, что усыпальницу замуровали, но продолжали охранять ее. По словам послушницы Татьяны Щеголихиной, они «зорко стерегли честные святые мощи дорогого нашего батюшки Иоанна Кронштадтского, хотя они и замурованы в усыпальнице сатанинскими руками». Были живы и родственники св. Иоанна — не случайно власти вынужденно привлекали их в случаях попыток перезахоронения или «замуровки» гробницы.

Следует учесть, что гробница в Иоанновском монастыре являлась могилой, причем совсем недавней и посещаемой близкими. Никакого мнимого разоблачения «обмана церковников», чем пытались оправдать вскрытие мощей, ожидать здесь не приходилось — кроме останков отца Иоанна, в усыпальнице ничего более находиться не могло. Уничтожение же захоронения создало бы юридические проблемы и для беззаконной власти. Даже при повсеместных грабежах и срытии некрополей (а в 1926 г. эпоха такого рода кощунств еще не наступила) формально всегда устанавливался срок для перенесения родственниками останков на действующие кладбища. Здесь, в пределах крипты, без привлечения дополнительного внимания, предполагалось внешне уничтожить гробницу, а, когда страсти улягутся, использовать усыпальницу для практических нужд, на чем настаивало ГПУ и что произошло при

последующем ее переоборудовании под бомбоубежище. Нельзя исключить, что и в сердцах врагов Церкви тлела искра Божия — мы не можем отрицать, что и за кощунственными словами могли скрываться иные мотивы. Во всяком случае, здесь Промысл Божий действовал через «Соломоново решение» властей.

Об очень быстром окончании исполнения первой части решения свидетельствует сохранившийся документ — «Акт ликвидации прохода к усыпальнице Иоанна Кронштадтского» от 1 марта 1926 г., в котором сказано: «Сего числа была проведена окончательная замуровка арки прохода в усыпальницу с левой стороны при спуске с лестницы... толщиной в два кирпича (12 вершков). Перед окончательной заделкой в помещение усыпальницы были допущены родственники священника Иоанна Сергиева — священник Орнатский, Орнатская, Макеева. При осмотре гробницы таковая оказалась в неприкосновенности. В помещении усыпальницы в момент окончательной замуровки никаких вещей или предметов не было, за исключением самой гробницы и лежащей на ней маленькой иконы простой работы в мраморной рамке». То, что «усыпальница действительно замурована», подтвердил 11 марта секретарь Петроградского Райисполкома.

Не обнаружены документы об осуществлении второй части распоряжения, но вероятность того, что это произошло, весьма высока. Такого уровня секретные распоряжения, тем более согласованные с ОГПУ, подлежали обязательному исполнению и в связи с этим они, как сами собой подразумевающиеся, могли не быть документированы (хотя поиск соответствующего документа следует продолжить). Акт же об исполнении первой части работ — «замуровке» — связан с присутствием при этом родственников святого

Иоанна. Эти работы уже нашли отражение в прессе и вообще должны были получить широкую огласку.

Власти как будто успокоились после марта 1926 г. — никакие другие, более поздние, постановления по поводу гробницы не обнаружены. Подтверждением пребывания св. мощей в усыпальнице в начале 30-х гг., служит обнаруженный М. В. Шкаровским и приводимый им документ — обвинительное заключение по делу сестер Иоанновского монастыря от 19 марта 1932 г., в котором, в частности, говорилось: «Замурованный гроб Иоанна Кронштадтского в подвальном помещении бывшего монастыря прославляли как «святые честные мощи» и распространяли заведомо ложные слухи о том, что якобы гроб этот будет соввластью уничтожен, тем самым верующих злоумышленно вводили в заблуждение, которые толпами ходили к гробу и, молясь на него через «окошечко», всячески поносили соввласть».

О судьбе усыпальницы в 1930-е гг. сведений не обнаружено, но, вероятно, в это время святыня оставалась непотревоженной. Открытое почитание мощей отца Иоанна, как это было в середине 20-х гг., тогда уже не представлялось возможным и осквернять повторно гробницу в целях «антирелигиозной пропаганды» для безбожников не было смысла. Трудно предположить в стенах функционировавшего госучреждения и разграбление мародерами замурованной усыпальницы — там уже не было ничего ценного, мощи же были труднодоступны.

В годы Великой Отечественной войны «храм-усыпальницу размуровали и устроили в нем бомбоубежище. В этот период гробницы уже не существовало, а пол на ее месте был забетонирован (как и было решено 26 февраля 1926 г. Малым Президиумом

Ленсовета)... Уже в послевоенное время представители райисполкома на вопрос о судьбе мощей отвечали, что так как почва на месте усыпальницы болотистая, мощи, вероятно, опустились ниже (в такой искаженной форме могла передаться информация о тайном перезахоронении их на 2 метра вглубь под полом храма)», — указывает М. В. Шкаровский.

На сегодняшний день можно утверждать, что в период с конца апреля по начало июня 1926 г. мощи святого Иоанна в оцинкованном гробе (по свидетельству отца И. Орнатского) были сокрыты под полом усыпальницы на глубине 0,8–1,6 м (по распоряжению Ларионова, Макаров рекомендовал на 2 м) и пол забетонирован. Прослеживается аналогия с захоронением святителя Патриарха Тихона в 1992 г., только там мощи были сокрыты самими православными.

На Архиерейском Соборе 1990 г. 8 июня отец Иоанн был причислен к лику святых. Определено было «телесные останки святого праведного Иоанна, покоящиеся под спудом в основанном им Иоанновском монастыре, считать святыми мощами». «Существует пророчество самого святого, что его мощи будут утрачены и затем обретены в трудное для русского народа время. А людей при этом соберется множество: очередь, чтобы приложиться к мощам, будет стоять от Карповки до Александро-Невской лавры». Если будет на то воля Господня, данные сведения в надлежащее время могут помочь свершиться обретению святых мощей величайшего русского праведника прошлого столетия.

А. В. Берташ

ЧАСТЬ VI

АКАФИСТ СВЯТОМУ ПРАВЕДНОМУ ИОАННУ КРОНШТАДТСКОМУ

БЛАГОВЕСТ

Кондак 1

Избраннаго и вернаго во иереех Божиих восхваляем тя, богоносне отче Иоанне! Ты бо Евангельской Истине последуя, Христу всем сердцем сораспялся еси, струю чудес и исцелений всем верным источаеши и ко спасению их направляеши. Мы же молитвами твоими в вере, надежде и любви укрепляеми, благодарне зовем ти: Радуйся, Иоанне, земли Российския молитвенниче предивный.

Икос 1

Ангела молитвы и проповедника покаяния ведаем тя, блаженне отче. Ходатайствуеши бо за нас у Престола Божия, да в разум истинный приидем и жизнь свою на путь спасения направим, взывая тебе: Радуйся, благодати Божия сосуде избранный; Радуйся, Премудрость Божию, яко млеко матере, сладостно впитавый; Радуйся, Ангелу хранителю твоему, яко Товия древле, вседушевне последовавый; Радуйся, боголюбивых родителей целомудренный плод чистоты непререкаемый; Радуйся, в повиновении родителям своим благословение Божие стяжавый; Радуйся, от юности твоея водительству Духа Святаго прилежавый; Радуйся, всем сердцем твоим Бога возлюбивый; Радуйся, в меру возраста Христова Богомудренно возраставый; Радуйся, Иоанне, земли Российския молитвенниче предивный.

Кондак 2

Предвидя, яко многия беды и соблазны грядут на Церковь Русскую и чада Божии в смятении будут, яко пастырь добрый, душу свою за паству свою готовый положити, глаголал еси людям: «Убойтесь соблазнов, стойте в вере Православной, мужайтесь и крепитесь, и славьте Господа, взывая Ему: Аллилуиа».

Икос 2

Разумом Божественным просвещаемый, богословия струи животочныя источил еси, всеблаженне отче Иоанне, в посте и молитве словеса Божия со слезами в сердца верных сея, к свету истиннаго Богопознания чад земли нашея призывал еси. Тии же, в любви Божии укрепляющеся, пояху тебе таковая: Радуйся, Евангельския Истины пламенный ревнителю; Радуйся, глаголов жизни вечныя неумолкаемый возвестителю; Радуйся, равноангельным житием твоим достойно украшенный; Радуйся, у Престола Божия о людях ходатаю верный; Радуйся, от юности Церкви Христовой всем сердцем прилепивыйся; Радуйся, Христу сораспятися о людях вседушевне возгоревыйся; Радуйся, любовию Христовою сердце твое, аки ниву благоплодную, возделавай; Радуйся, людям, в скорбех и печалех изнемогшим, состраданием и молитвою облегчение подававый; Радуйся, Иоанне, земли Российския молитвенниче предивный.

Кондак 3

Силою Божественныя благодати, яко углем горящим у жертвенника Божия возжжен, светильниче многосветлый во граде Кронштадте просиял еси, отцев наших похвало, отче Иоанне. Сице бо во тьме греховней обураемых и соблазном богоборчества колеблемых зарею Божественнаго разума просветил еси и научил еси пети: Аллилуиа.

Икос 3

Имея любовь велию людем, Кровию Сына Божия искупленным, потекл еси к неимущим благочестия, трезвения и страха Божия и отчаянием обуреваемым, пастырю добрый Иоанне, сих же кротостию и смирен-

номудрием покорив Христу, научил еси благодарно взывати тебе таковая: Радуйся, сущих во тьме и сени смертной премудрый просветителю; Радуйся, о спасении людей, в пучине греховней обуреваемых, благостный попечителю; Радуйся, неведущих Бога и окамененных сердцем к покаянию пробуждаяй; Радуйся, Божественною премудростию в писаниях твоих нас озаряяй; Радуйся, сердец строптивых и злонравных благостное умягчение; Радуйся, ленивых и коснеющих совестию щедролюбивое обличение; Радуйся, Слова Божия и правды Его проповедниче неустрашимый; Радуйся, Иоанне, земли Российския молитвенниче предивный.

Кондак 4

Бурю злонравия воздвизаему на Церковь нашу Святую ведал еси, отче Иоанне, яко верный страж дома Господня, научал еси овцы Христовы бдети и право ходити в истинней вере и в заповедях Господних непорочно пребывати, да чистым сердцем и устами непрестанно взывают к Богу победную песнь: Аллилуиа.

Икос 4

Слышаще о тебе, яко ты еси сосуд избранный и благодатных даров преисполненный, подвигов милосердия и нищелюбия ревнитель, вдов, сирот, страждущих и обремененных утешитель и о нераскаянных грешницех молитвенник слезный, не токмо от Кронштадта, но и от всех конец земли потекоша к тебе людие Божии, исцеления от тебе получаху. С ними же и мы, о гресех своих кающеся, яко ходатаю о нас пред Богом теплу, умильно зовем ти: Радуйся, сеятелю правды, слезами твоими землю нашу освятивый; Радуйся, обличителю неправды, души верных от пре-

лести греховныя свободивый; Радуйся, свете сердец кротких и разумных, путь к Богу указуяй; Радуйся, ученьми твоими, яко кормилица кроткая нас греяй и питаяй; Радуйся, всех скорбящих и обремененных неложное упование; Радуйся, болящих и от духов злых страждущих благодатное врачевание; Радуйся, сосуде избранный, дары Духа Святаго туне верным источивый; Радуйся, не о людях токмо, но и о скотех милосердовавый; Радуйся, Иоанне, земли Российския молитвенниче предивный.

Кондак 5

Яко небосветлая звезда священнолепным житием твоим просиял еси, пастырю Христов Иоанне! Богом дарованное тебе наследие от волков, губящих е, словом Божиим ограждал еси, пастырски взывая: возьмите Крест Господень, на Нем же Христос — Царь славы — рукописание грехов наших изглади, в Нем же миру востание во веки. Мы же, сим знаменающеся, поем с тобою Богу победную песнь: Аллилуиа.

Икос 5

Видевше тя Россиистии людие дивно на свещнице церковной сияюща, правды Божия ищуще, к тебе притекаху, и яко другу Христову, исповедаху грехи своя. Мы же, обремененнии многими прегрешениями, к тебе, блаженне Иоанне, прибегаем и тако глаголем: Радуйся, яко силою благодати, яже в тебе, немощнии духом в любви Божии укрепляются; Радуйся, яко твоими молитвами кающиеся плена греховнаго свобождаются; Радуйся, яко труды твоими алчущии и жаждущии Правды Христовой насыщаются; Радуйся, яко благовестием твоим врази Христовы посрамляются; Радуйся, яко молитвами твоими силы ада содрогают-

ся; Радуйся, яко воздеянием рук твоих врата небесная верным отверзаются; Радуйся, в умилостивление за народ наш молитву, яко кадило благовонное, херувимски Богу приносивый; Радуйся, за неведующих правды и любве Божия молитися нас подвигнувый; Радуйся, Иоанне, земли Российския молитвенниче предивный.

Кондак 6

Проповедницы чудных деяний твоих, блаженне Иоанне, явишася мнози: богатии и нищии, старцы и юноши. Ты бо всем любовь свою изливал еси. Темже не токмо православнии, но и иноверии силою молитв твоих милость Божию обретаху, поя Богу: Аллилуиа.

Икос 6

Возсиял еси житием твоим в Церкви Православней лучезарнее сияния севернаго, светом Евангелия Христова Отечество наше просвещал и от сетей вражиих чада ея ограждал. Темже и ныне молим Господа сил, да любовь святая утвердится в сердцах наших, во еже ни скорбь, ни теснота, ни смерть не возмогут нас разлучить от любви Божия. И тако достигше сего, тебе воззовем: Радуйся, яко Божиим смирением грядущая на ны предвозвестивый; Радуйся, тесным путем в заповедях Божиих ходити нас научивый; Радуйся, в скорбех и печалех сущим источник радости в Бозе указавый; Радуйся, оную радость, яко зеницу ока, свято хранити нам завещавый; Радуйся, десницею и шуйцею оружие Правды Божия содержаяй; Радуйся, в словесе истины и любви нелицемерней Сыну Громову уподобивыйся; Радуйся, порфирою покаяния всех облекаяй; Радуйся, диадемою благодати славно увенчанный; Радуйся, Иоанне, земли Российския молитвенниче предивный.

Кондак 7

Хотя Всеблагий Господь спасти люди земли нашея и, яко злато в горниле огненнем, очистити я, вложи в уста твоя, всеблаженне, дух премудрости и разум провидца, во еже чрез покаяние сердечное и сокрушение слезное предуготовати я в вере непоколебимых к жертвенному служению, да со всеми святыми, в земле Российстей просиявшими, ангельски вопиют Богу: Аллилуиа.

Икос 7

Новаго избранника Божия, всеблаженне Иоанне, видяще тя у Алтаря Господня за всех молитвою слезною Христу сраспинающася, боголюбивии людие с верою к тебе притекаху и душевне и телесне исцеляхуся. Темже и мы, в немощи сущии, молим тя прилежно: воздвигни руце твои и не премолчи за ны ко Господу, якоже отец о чадех своих, да умножит Господь милость Свою на нас, приносящих ти сицевая: Радуйся, у Престола Божия прилежный о нас печальниче и ходатаю; Радуйся, покаяния слезнаго усердный глашатаю; Радуйся, образе неусыпнаго делания, Христу Богу работати прилежно нас наставляеши; Радуйся, яко на божественней страже веры апостольския стояти нас утверждаеши; Радуйся, образ воздержания и целомудрия добре показавый; Радуйся, суеверия, ереси и злохуления от стада твоего отсекавый; Радуйся, сущих во тьме неведения славный просветителю; Радуйся, душ человеческих от суеты житейския мудрый восхитителю; Радуйся, Иоанне, земли Российския молитвенниче предивный.

Кондак 8

Странное чудо видим на тебе, предивный пастырю Христов Иоанне! Сама бо Пречистая Матерь Божия

ублажити тя и последующих тебе и в радости благоволение Божие всем возвести: о милейшия вы чада Отца Небеснаго! Сице бо радость Церкви Небесныя о подвизе земныя предвозвести. Сего ради мы, надеждою на предстательство о нас Матери Господа Сил согреваеми, вопием Царю всех веков: Аллилуиа.

Икос 8

Весь желанием Божием распаляемь, носитель любви Христовы явился еси, пастырю добрый. В ней бо милость и истина сретостеся, правда и мир облобызастася; всякая же лесть упразднися, еретическое же злонравие, яко тля, попалися, скорби же человеческия елеем милосердия твоего утолишася. Мы же, нерадивии, сокровищ сих не стяжахом, праведным судом Божиим многим скорбем и печалем достойни явихомся. Но, ведуща тя помощника неусыпна, умильно зовем ти: Радуйся, любве Христовой неутомимый носителю; Радуйся, мира и правды ревностный сеятелю; Радуйся, веры православныя незыблемый хранителю; Радуйся, благочестия и добронравия насадителю; Радуйся, о всем мире печальниче и слезный молитвенниче; Радуйся, Церкви Христовой немеркнущий светильниче; Радуйся, отцев наших похвало, нам же надеждо и утешение; Радуйся, Богоизбранный пастырю, Святыя Руси благодатное украшение; Радуйся, Иоанне, земли Российския молитвенниче предивный.

Кондак 9

Всем сущим в бедах и скорбех житейских воздвиже Господь на радость пастыря и чудотворца предивна Иоанна, да хромыя и расслабленныя, слепыя и от духов злых томимыя исцелит, в пагубнем пиянстве и супружестей неверности растлеваемыя к непостыд-

ней жизни призовет, а яже во озлоблении сущия к Богу приведет и сице в душах верных царство Правды Божия насадит, да воспоем вси спасительную песнь Богу: Аллилуиа.

Икос 9

Витии многовещании недоумеют изъясняти силу молитвы твоея, Иоанне предивне, егда три юноши, дерзнувших поглумитися о тебе и молитве твоей, спасительне наказал еси. Узрев же я кающихся и слезно молящихся, исцеление злохулителю от Бога испросил еси. Тии же, познавше молитвы твоея силу чудодейственную и любве твоея милосердие теплейшее, яко Божия провидица, ублажиша тя похвалами таковыми: Радуйся, благое икономство чина своего богомудренно соблюдый; Радуйся, данный тебе залог, Тело Христово, цел и невредим до последнего твоего издыхания сохранивый; Радуйся, скрижали Богоначертанныя обою Заветов достойне возвестивый; Радуйся, Церковь Христову благочестием пастыря добра прославивый; Радуйся, истиннаго просвещения и христианскаго благочестия ревностный насадителю; Радуйся, кающихся грешников, сирых и убогих милостивый покровителю; Радуйся, мудрый путеводителю, стези правды юным указуяй; Радуйся, судие нелицеприятный, зломудрствующия любовию наказуяй; Радуйся, Иоанне, земли Российския молитвенниче предивный.

Кондак 10

Спасти хотя души ближних своих, ересьми и маловерием обуреваемыя, противу кознем диавольским воздержанием и смирением вооружился еси, отче Иоанне, апостольское и святоотеческое веры испо-

ведание твердо сохранив. Жертвенною же любовию Христу сраспинаяйся, душу твою за спасение народа Божия положив, Царствия Небеснаго достигл еси, идеже со Ангелы и лики святых непрестанно Бога славословя, поминай нас, славную память твою празднующих и поющих Богу: Аллилуиа.

Икос 10

Стена твердая бысть любовь твоя ко Господу, в ней же утвердися сердце твое, богоносне отче Иоанне. Сего ради всем притекающим к тебе с верою прибежище и утверждение явился еси, да всяческая Христу приобрящеши. Темже и нам, к тебе припадающим, буди стена крепкая и ограждение непреодолимое, да не посмеются о нас хотящии нам злая, во еже в мире и любве Христове пребывати и приносити сия похвалы: Радуйся, святильниче неугасимый, огнем Духа Святаго возжженный; Радуйся, крине, присно благоухаяй, росою благодати Божия напоенный; Радуйся, росо сладкоплодная, благодатными дары верных ожитворяющая; Радуйся, соле земли, от греховнаго тления нас сохраняющая; Радуйся, в мире житейском обуреваемым тихое пристанище; Радуйся, яко душевне и телесне изнемогающим о помощи Божией умоляеши; Радуйся, сердцеведче предивне, верныя от лжемудрствования ограждаяй; Радуйся, силою молитвы чистыя союз супружеския верности укрепляй; Радуйся, Иоанне, земли Российския молитвенниче предивный.

Кондак 11

Песнь достохвальную приносим ти, всеблаженне отче Иоанне, всем житием твоим прославившему Бога. И якоже видехом тя на земли долу у Престола

Господня за всех и за вся Владыку мира умолявшаго, сице и ныне на Небеси горе вознеси молитвы твоя, во еже непоколебимей быти Церкви нашей, да из рода в род в отечестве нашем благочестно славится Имя Триединаго Бога поющими Ему: Аллилуиа.

Икос 11

Светозарную свещу, во мраце жития сущим, зрим тя, Богом избранне отче Иоанне, ты бо на Небесех у Престола Божия в сонме святых и Сил Небесных о нас присно ходатайствуеши, воззри на нас, чад твоих, облегчи наша скорби и исцели наша недуги, да зовем ти: Радуйся, яко в подвизе твоем имя Пресвятыя Троицы дивно прославися; Радуйся, яко благочестием веры твоея Церковь Христова украсися; Радуйся, яко состраданием к ближним твоим скорби и болезни, и печали всяческия утоляются; Радуйся, яко молитвами твоими кающиися грешницы Царствию Небесному приуготовляются; Радуйся, спасительных благ земных и небесных щедрый подателю; Радуйся, от враг видимых и невидимых надежный избавителю; Радуйся, яко в земном Едеме, Церкви Христовой, подвигом добрым просиял еси; Радуйся, яко доброты райския, уготованная праведным, восприял еси; Радуйся, Иоанне, земли Российския молитвенниче предивный.

Кондак 12

Благодатных даров Духа Святаго кладезь преполненный яви в тебе Господь, отче наш Иоанне, да с тобою и мы сих причастницы будем и тако познаем милость Божию к нам, яко не отступит, ниже посрамит нас Господь, егда благодарными усты и чистым сердцем, уповающе на милость благоутробия Его, воспоем Ему: Аллилуиа.

Икос 12

Поюще твое достохвальное житие на земли и славу, юже стяжал еси на Небеси, молим тя, блаженне Иоанне, вознеси о нас молитвы Богу, да помиловани будем в день судный и, спасаеми твоими молитвами, тако тебе воззовем: Радуйся, богоизбранне и богопрославленне пастырю земли Российския; Радуйся, яко воспел еси имя Божие, аки орган мусикийский; Радуйся, пророком и апостолом добре поревновавый; Радуйся, бежати гнева Божия и творити плоды покаяния мудре наставивый; Радуйся, об Отечестве и народе нашем теплый молитвенниче; Радуйся, веры православной истинный исповедниче; Радуйся, пресветлый лучу, путь к жизни вечней осияваяй; Радуйся, неисчерпаемую благость Божию нам открываяй; Радуйся, трапезо неоскудеваемая, от неяже монаси и мирстии питаются; Радуйся, учителю Правды Божия, еюже старцы и юноши украшаются; Радуйся, яко ихже даде тебе Господь, сотворил еси я Богу в радование; Радуйся, яко от небожителей приял еси о Господе целование; Радуйся, Иоанне, земли Российския молитвенниче предивный.

Кондак 13

О всеблаженне отче Иоанне, всероссийский пресветлый светильниче и предивный чудотворче! Приими хвалебное сие пение и умоли Христа Бога в мире и благочестии утвердити Святую Церковь, нас же всяких бед избавити и в единомыслии веры в союзе любви Христовы соблюсти, да единеми усты и единем сердцем воспоем с тобою Богу: Аллилуиа.

Этот кондак читается трижды, затем икос 1 и кондак 1.

МОЛИТВЫ СВЯТОМУ ПРАВЕДНОМУ ИОАННУ КРОНШТАДТСКОМУ

Молитва первая

О великий угодниче Христов, святый праведный отче Иоанне Кронштадтский, пастырю дивный, скорый помощниче и милостивый предстателю! Вознося славословие Триединому Богу, ты молитвенно взывал: Имя Тебе — Любовь: не отвергни меня, заблуждающагося. Имя Тебе — Сила: укрепи меня, изнемогающего и падающаго. Имя Тебе — Свет: просвети душу мою, омраченную житейскими страстями. Имя Тебе — Мир: умири мятущуюся душу мою. Ныне благодарная твоему предстательству всероссийская паства молится тебе: Христоименитый и праведный угодниче Божий! Любовию твоею озари нас, грешных и немощных, сподоби нас принести достойные плоды покаяния и неосужденно причащатися Христовых Таин. Силою твоею веру в нас укрепи, в молитве поддержи, недуги и болезни исцели, от напастей, врагов, видимых и невидимых, избави. Светом лика твоего служителей и предстоятелей Алтаря Христова на святые подвиги пастырского делания подвигни, младенцем воспитание даруй, юное настави, старость поддержи, святыни храмов и святые обители озари! Умири, чудотворче и провидче преизряднейший, народы страны нашея, благодатию и даром Святаго Духа избави от междоусобныя брани, расточенная собери, прельщенныя обрати и совокупи Святей Соборней и Апостольской Церкви. Милостию твоею супружества в мире и единомыслии соблюди, монашествующим в делах благих преуспеяние и благословение даруй, малодушныя утеши, страждущих от духов нечистых свободи, в нуждах и обстояниих сущих помилуй и нас на путь спасения

настави. Во Христе живый, отче наш Иоанне, приведи нас к Невечернему Свету жизни вечныя, да сподобимся с тобою вечнаго блаженства, хваляще и превозносяще Бога во веки веков. Аминь.

Молитва вторая

О великий чудотворче и предивный угодниче Божий, богоносне отче Иоанне! Призри на нас и внемли благосердно молению нашему, яко великих дарований сподоби тя Господь, да ходатаем и присным молитвенником за нас будеши. Се бо страстьми греховными обуреваеми и злобою снедаеми, заповеди Божия пренебрегохом, покаяния сердечнаго и слез воздыхания не принесохом, сего ради многим скорбем и печалем достойни явихомся. Ты же, отче праведный, велие дерзновение ко Господу и сострадание к ближним своим имея, умоли Всещедраго Владыку мира, да пробавит милость Свою на нас и потерпит неправдам нашим, не погубит нас грех ради наших, но время на покаяние милостивно нам дарует. О святче Божий, помози нам веру православную непорчно соблюсти и заповеди Божии благочестно сохранити, да не обладает нами всякое беззаконие, ниже посрамится Правда Божия в неправдах наших, но да сподобимся достигнути кончины христианския, безболезненныя, непостыдныя, мирныя и Тайн Божиих причастныя. Еще молим тя, отче праведне, о еже Церкви нашей Святей до скончания века утвержденней быти, Отечеству же нашему мир и пребывание испроси и от всех зол сохрани, да тако народи наши, Богом храними, в единомыслии веры и во всяком благочестии и чистоте, в лепоте духовнаго братства, трезвении и согласии свидетельствуют: яко с нами Бог! В Немже живем и движемся, и есмы, и пребудем во веки. Аминь.

ЧАСТЬ VII

ПРИЛОЖЕНИЕ

КРОНШТАДТ – ГОРОД СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА

Город Кронштадт, основанный в 1704 году, долгие годы был военно-морским форпостом, защищавшим северную столицу, и одновременно столицей морских сил России. В Андреевском соборе, являвшемся прообразом Адмиралтейства со времен Петра I, традиционно хранились реликвии, связанные с Российским флотом: собственноручно выполненный Петром Великим медальон из слоновой кости с изображением апостола Андрея Первозванного и золотой крест с частицей его святых мощей. Именно сюда были переданы на хранение знамена полков, участвовавших в героической обороне Севастополя 1855 года.

Но с середины XIX века Кронштадт, благодаря служению святого праведного Иоанна Кронштадтского, стал еще и духовным форпостом России. По словам современников, это время было «золотым веком» Кронштадта. В квартире на углу Посадской и Андреевской улиц на втором этаже Дома причта Андреевского собора отец Иоанн прожил более полувека — с 1855 по 1908 гг.

В это время не было улицы и переулка, где бы не бывал отец Иоанн. Как вспоминали современники, у отца Иоанна был особый обычай, особое правило — «ходить на огонек». Поздно вечером «на сон грядущий» батюшка выходил на улицы Кронштадта и обходил город с молитвой о нем и если видел, что где-то в поздний час горит огонек в окне дома, заходил туда. Огонек в поздний час означал, что в доме скорбь и нужна помощь. Ежедневно в Кронштадт помолиться в Андреевском соборе вместе с отцом Иоанном приезжали тысячи людей со всей России. Тысячи богомольцев приходили и к дому, в котором жил отец

Иоанн, — у балкончика квартиры всегда стоял народ. Батюшка с балкона благословлял народ и проповедовал им.

После кончины отца Иоанна, несмотря на оскудение потока богомольцев, в Кронштадте продолжали сохранять традиции молитвы и благотворительности, заложенные дорогим батюшкой. На квартире отца Иоанна была установлена мемориальная доска. В самой квартире возник фактически музей Иоанна Кронштадтского.

Но десятилетие спустя устоявшаяся жизнь Кронштадта была сметена Октябрьским переворотом. После восстания 1918 года большая часть местных жителей была выселена.

Но в том же 1918 году Кронштадт посетил святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России. Узнав о нависшей над квартирой отца Иоанна угрозе, Патриарх благословил устроить в ней церковь Живоначальной Троицы, которая стала последним храмом России, освященным перед 70-летним перерывом. Буквально в считанные недели в квартире был устроен храм Животворящей Троицы. Там служилась литургия, можно сказать, что к св. Иоанну литургия сама пришла в дом. Квартира в таком виде сохранялась до 1931 года В годы гонений, в годы расстрелов она оставалась нетронутой. В ней даже была устроена звонница, состоявшая из семи колоколов.

В 30-е годы Кронштадт стал закрытым городом, где всякая «религиозная пропаганда» была под запретом. Один за другим были закрыты все храмы Кронштадта: в 1931 году храм-квартира отца Иоанна была превращена в простую коммуналку. Впоследствии в 1960-е годы этот дом был надстроен, и бывшая квартира отца Иоанна оказалась разделен-

ной на несколько отдельных квартир. Но, несмотря на то, что мало кто мог пробраться в Кронштадт, но и в мрачные 1930-е, и в хрущевские безбожные 1960-е, на улице у дома, где некогда жил отец Иоанн, периодически появлялись странные «прохожие», которые подолгу прогуливались под знаменитым балкончиком на втором этаже.

В 1931 году был закрыт и уникальный Андреевский собор, в котором служил отец Иоанн. Первоначально он находился на балансе Общества по охране памятников, поскольку этот собор являлся прообразом шпиля Адмиралтейства. Их создал один и тот же архитектор. Адмиралтейство и Андреевский собор строились вместе и представляли единое целое.

Несмотря на официальную охрану, год спустя после закрытия в соборе начался пожар — старожилы вспоминали, как пылал собор — будто огромная церковная свеча. От собора остались лишь черные стены, которые вскоре были взорваны. На месте Андреевского собора был устроен фонтан. В народе этот фонтан называли «святым». Жители Кронштадта, почитатели отца Иоанна приходили к этому фонтану и набирали в нем воду, почитая ее святой. В результате фонтан был уничтожен, а на этом месте разбит сквер.

В настоящее время на месте Андреевского собора установлен памятный камень с надписью «Пусть сей камень вопиет к нашим сердцам о поруганной святыне». Этот камень был освящен Святейшим Патриархом Алексием II, как закладной в конце сентября 2008 года. На месте этого камня в будущем предполагается построить храм.

После прославления Кронштадтского пастыря в 1990 г., его почитатели решили отыскать в Кронштадте дом, где некогда жил святой Иоанн и

восстановить его квартиру. Вот как вспоминает об этом инициатор и участник этих поисков протоиерей Геннадий Беловодов: «Но во второй раз я побывал в Кронштадте уже спустя шесть лет. За это время успел стать батюшкой. В 1995 году меня пригласили выступить с лекцией перед моряками Кронштадта, и я с радостью согласился. После той встречи ко мне подошел офицер, спросил, как можно окреститься. Мы разговорились с Сергеем, и оказалось, что он знает не только о том, что в этом городе подвизался известный праведник, но и где находится дом, в котором жил отец Иоанн Кронштадтский. Тот самый четырехэтажный дом, который мы нашли в первой поездке. В квартире отца Иоанна теперь жила одна девушка, Светлана. Сергей передал ей мою просьбу пустить меня помолиться в квартире отца Иоанна Кронштадтского, и девушка согласилась. Этот офицер выписал мне уже третий пропуск в Кронштадт (я все их храню!).

Когда я первый раз вошел в эту квартиру, то спросил у Светланы, знает ли она, что это за квартира.

— Да, я чуть не каждый день вижу из окон, как люди подходят сюда и молятся, и целуют стены, припадают к ним, — ответила она.

— Все жильцы нашего дома знают, что в этой квартире жил Иоанн Кронштадтский.

Мы ей подарили икону Иоанна Кронштадтского, и я послужил молебен. Это была, может быть, первая молитва здесь, в самой квартире, за многие годы. И во время молебна я пережил необыкновенное чувство такой радости, окрыленной молитвы. Казалось, будто батюшка Иоанн стоит рядом и молится вместе с тобой, и тебя приподнимает своей молитвой.

После молебна я стал расспрашивать Светлану, как ей живется здесь.

— Я живу тут уже год, — сказала Светлана, — но у меня такое чувство, что это не мое жилье, что я здесь в гостях. Ночами не сплю — слышу, как в комнате за стеной кто-то ходит. Я здоровый человек, спортом занимаюсь и не верю в привидения, не страдаю галлюцинациями, но эти шаги так реальны...

В таком святом месте надо бы чувствовать себя как у Христа за пазухой — а тут девушка измучилась, ночами не спит. И выяснилось, что девушка-то некрещеная! Я окрестил ее, Светлана приезжала ко мне в сельский дальний приход. Потом она еще и брата привезла, брат тоже окрестился. После этого у нас возникла такая доверительность, и я уже прямо спросил у Светланы, не согласится ли она переехать в другую квартиру, если мы подыщем ей жилье взамен. Она с радостью согласилась, и началась большая серьезная работа.

Что пришлось выдержать — об этом можно бы написать целую книгу, причем в жанре трагического детектива. Над квартирой нависла угроза «прихватизации» со стороны коммерческих структур, к тому же иностранного происхождения, и пришлось предпринимать самые активные действия, чтобы спасти квартиру. Были такие дни, когда казалось, что с человеческой точки зрения это невозможно. И были такие чудеса, которые показывали, что батюшка Иоанн молится о своем земном жилище, что он ходатайствует за него, и без помощи отца Иоанна отстоять это жилище и создать здесь мемориальную квартиру было бы невозможно. Моя заветная мечта когда-то перестать суетиться и наконец написать обо всем, что связано с этой квартирой. Потому что все это имеет особый духовный смысл».

Постепенно инициативной группе под руководством отца Геннадия удалось собрать деньги на выкуп

первой части квартиры. Затем в течение 4-х лет были расселены и восстановлены две комнаты и в них в 1999 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия и Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира был зарегистрирован Мемориальный музей.

Родственники святого Иоанна и его почитатели собрали и передали в музей вещи, некогда принадлежавшие батюшке. Постепенно экспозиция музея пополняется и другими экспонатами, принадлежавшими святому Иоанну. Среди главных святынь музея-квартиры палица святого Иоанна, которая была вручена ему к 40-летию служения в сане в 1895 году — этот подарок передал Епископ Савва Красногорский. Образ «Пасхальный Батюшка» — святой праведный Иоанн изображен в красном Пасхальном облачении, в сиянии солнечных лучей, написанный специально для музея-квартиры. Подписной крест Иоанна Кронштадтского 1884 года, переданный отцом Николаем Урывским. И многое, многое другое.

По инициативе музея удалось вернуть улице историческое название. На Доме была восстановлена Мемориальная доска. В дальнейшем планируется полное восстановление квартиры святого Иоанна Кронштадтского и устроение при ней Троицкого храма.

В сентябре 2008 года Кронштадт посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий, он освятил отреставрированный кабинет батюшки. Чин освящения был совершен кропилом, принадлежавшим самому святому.

Анна Маркова

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр (Семенов-Тянь-Шаньский) Еп. Отец Иоанн Кронштадтский.— М.: Надежда, 1998.

2. Сурский И.К. Отец Иоанн Кронштадтский.— М.: Паломник, 1994.

3. Вениамин (Федченков) Митр. Отец Иоанн Кронштадтский.— М.: Паломник, 2000.

4. Святой праведный Иоанн Кронштадтский.— СПб.: Светослов, 1992.— Репринтное воспроизведение издания 1909 г.

5. Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников.— М.: Ковчег, 1998.

6. Таисия (Солопова) иг. Записки. Беседы отца протоиерея Иоанна с настоятельницей Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного монастыря игуменией Таисией.— М.: Отчий дом, 2008.

7. Иоанн Кронштадтский св. прав. Золотые слова.— СПб.: Ариадна, 1996.

8. Иоанн Кронштадтский св. прав. Моя жизнь во Христе.— М.: Благовест, 1998.

9. Иоанн Кронштадтский св. прав. Великий Пост: Проповеди.— М.: Новелла, 1991.

10. Иоанн Кронштадтский св. прав. Простое Евангельское слово: Полный годичный круг поучений.— М.: Отчий дом, 2009.

Содержание

Предисловие 3

ЧАСТЬ I. Житие святого праведного Иоанна Кронштадтского 5
Детство 6
Годы учебы 7
Вступление в брак 10
Начало служения святого отца Иоанна в Кронштадте 11
Педагогическая деятельность Святого праведного Иоанна 14
Начало чудотворений 16
Всероссийское служение святого Иоанна Кронштадтского 18
Чудотворения и прозорливость 19
Богослужение 31
Общая исповедь 36
Благотворительность 41
Проповедничество 45
Искушения от недоброжелателей и почитателей . . . 50
Последние годы 55

ЧАСТЬ II. Посмертные чудеса святого праведного Иоанна Кронштадтского 59
Чудеса в дореволюционной России 60
Чудеса среди русского рассеяния и по всему миру . . 70
Чудеса в советской и современной России 78

ЧАСТЬ III. Воспоминания о святом праведном Иоанне Кронштадтском 93
Епископ Арсений (Жадановский) 94
Священник Василий Шустин 106
Митрополит Вениамин (Федченков) 117
Игуменья Таисия (Солопова) 126
Из воспоминаний Н. Т. 147
Адмирал Д. В. Никитин 156
П.А. Соколова. Путешествие о. Иоанна по Волге . . 162

ЧАСТЬ IV. Поучения святого праведного Иоанна Кронштадтского 167
О Боге 168
О Богородице 174
О святых. 177
О Евангелии 179
О Церкви 180
О иконопочитании. 182
О Богослужении 183
О вере 188
О грехах 191
О зле 198
О любви к ближним 203
О молитве 217
О милостыне 228

О покаянии 232
О посте 238
О правильном устроении души 240
О священстве 251
О свободе 255
О скорбях 256
О смысле жизни 259
О спасении 260
О страстях 263
О таинстве причащения 266
О храме 270
О человеке 271

Отрывки из проповедей великопостного цикла 278
Из проповеди о мытаре и фарисее 278
Из проповедей о блудном сыне 280
Последний Суд:
Слово в неделю о Страшном Суде 282
Из бесед в неделю сыропустную 285
О покаянии:
Слово в преддверии Великого Поста 287
Господь и ныне с нами:
Беседа в Неделю вторую Великого Поста 288
Бесноватые:
Слово в Неделю четвертую Великого Поста 290

Дело Христово:
Слово в Неделю пятую Великого Поста 291
Каких плодов ждет от нас Господь:
Беседа в Великий Понедельник 293
Наша жертва пострадавшему Господу:
Поучение в Великую Среду 294

Отрывки из проповедей годового цикла 295
Чем мы можем послужить Господу?: из слова в Неделю святых жен-мироносиц и праведного Иосифа . . 295
Как получить жизнь вечную?: из слова
в Неделю святых отец Никейского Собора 296
Богу или мамоне?: из беседы
в Неделю третью по Пятидесятнице 298
Могущество веры: из поучения
в Неделю четвертую по Пятидесятнице 300
Обновляйтесь!: из слова в день
Преображения Господня 301
Скорбь и радость: из слова в день
Рождества Пресвятой Богородицы. 303

ЧАСТЬ V. Прославление святого праведного Иоанна Кронштадтского 305
История захоронения святого праведного
Иоанна Кронштадтского. 306

Судьба захоронения святого
Иоанна Кронштадтского. 308

ЧАСТЬ VI. Акафист святому праведному Иоанну Кронштадтскому. 326

ЧАСТЬ VII. Приложение. 339
Кронштадт – город святого
праведного Иоанна 340

Список использованной литературы 346

БЛАГОВЕСТ

Дорогие читатели!
Просим простить за возможные допущенные опечатки.
Издательство "Благовест" с благодарностью
примет Ваши отзывы и указания
на замеченные ошибки

СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ

Составитель: Маркова А. А.

Редактор: Плюснин А. И.
Корректор: Толмачева О. И.
Верстка: Александров А. В.
Дизайн серии: Криницын О. В.
Обложка: Зимихин А. А.

Подписано в печать 29.04.2014
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Октава».
Печать офсетная. Бумага офсетная. П. л. 11,0.
Тираж 3000 экз. Заказ

Икона св. прав. Иоанна Кронштадтского
на лицевой стороне обложки
написана в иконописной мастерской
«Возрождение». www.bogomazs.ru
тел.: 8(915)811-16-00, 8(49347)2-21-36.

Издательство «Благовест»
Адрес: 123182, г. Москва, ул. Авиационная, дом 13.

Отпечатано в ООО «Тульская типография»
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109

ПОСЕТИТЕ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН
издательства «БЛАГОВЕСТ»

WWW.BLAGOVEST-MOSKVA.RU

много православных книг и икон, акции и скидки
для ОПТОВЫХ И РОЗНИЧНЫХ покупателей
Телефоны: (495) 942-53-72, 973-19-11,
8-800-333-11-78
звонок из любого региона России – БЕСПЛАТНО!